

Университет настоящих
профессий

**Красноярский
Государственный
Аграрный
Университет**

1952

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции

31 октября 2025 г., Красноярск

www.kgau.ru

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Департамент образования и кадровой политики
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Красноярский государственный аграрный университет»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Материалы межрегиональной научно-практической конференции
(31 октября 2025 г.)

Электронное издание

Красноярск 2026

УДК 343.1
ББК 67.5я431
А 43

Редакционная коллегия:

С.М. Курбатова, д-р юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; заместитель директора по научной работе Юридического института

Е.А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; директор Юридического института

А.Г. Русаков, ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Д.Д. Харбин, ст. преподаватель кафедры судебных экспертиз; ведущий специалист Управления науки и инноваций ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

В.Г. Вахтель, аспирант

А 43 Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: материалы межрегиональной научно-практической конференции / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2026. – 129 с.

В сборнике представлены материалы по итогам межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства», которая проходила в Красноярском государственном аграрном университете 31 октября 2025 г.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и практических работников.

**УДК 343.1
ББК 67.5я431**

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru)

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода. Издательство не несет ответственности за опубликованные материалы. Все материалы отображают персональную позицию авторов. Мнение издательства может не совпадать с мнением авторов.

СРОКИ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОБАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Андреева Юлия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: sibupnis@mail.ru

Аннотация. В статье определена дата начала исполнительного пробационного производства; отмечено, что данное производство включает в себя мероприятия по пробации и должно приостанавливаться в связи с болезнью осужденного, его несвоевременными действиями или бездействием по реализации индивидуальной программы по уважительным причинам; сформулированы общие сроки окончания указанного производства.

Ключевые слова: пробация; исполнительная пробация; пробационное производство, сроки пробации; наказание и пробация

В теории уголовно-исполнительного и других отраслях права отсутствуют научные взгляды о выделении исполнительного пробационного производства и его элементов.

Однако исследований о правовом регулировании пробации, о ее месте в системе права, в том числе в уголовно-исполнительном праве, проводится достаточно много.

Подчеркнём, что в ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. 10 «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 10) регламентирован срок применения исполнительной пробации, который определяется индивидуальной программой, но не может быть более срока отбывания наказания или применения меры уголовно-правового характера.

Н.В. Ольховик замечает, что основания и сроки прекращения пробации могут не совпадать с основаниями и сроками, указанными, например, в нормативных правовых актах о занятости населения при снятии граждан с учета и прекращении оказания им помощи [1, с. 55].

Как справедливо отмечают Е.В. Иванова и М.С. Михайлова, что принципиальное различие начала работы сотрудника уголовно-исполнительной инспекции с осуждёнными и лицами, нуждающимися в пробации, в date установления индивидуальной нуждаемости в отношении последних [2, с. 88–89].

Уточним, что в рамках нашего исследования изучаются во времени только действия должностных лиц уголовно-исполнительной системы.

Считаем, что началом исполнительного пробационного производства является дата регистрации заявления осужденного (его законного представителя) об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Важно уточнить и дату начала реализации пробационных мер, учитывая, что осужденный, например, может быть госпитализирован в медицинское учреждение на длительные сроки после подтверждения индивидуальной нуждаемости. Констатируем факт, что в Федеральном законе № 10 не указаны уважительные причины переноса начала течения сроков реализации индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.

Предположим, что исполнительное пробационное производство включает в себя мероприятия по пробации и должно приостанавливаться в связи с болезнью осужденного или его несвоевременными действиями или бездействием по реализации индивидуальной программы по уважительным причинам, как это возможно в отношении подозреваемых и обвиняемых на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

К общим срокам окончания производства можно отнести следующие:

1.1. Сроки окончания, которые регламентированы в приказе Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10–ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – приказ № 350):

– последний день реализации мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой (п. 83 приказа № 350);

– дата отказа лица, в отношении которого применяется пробация, от ее дальнейшего применения (п. 83 приказа № 350);

– дата вынесения постановления о прекращении пробации при повторном невыполнении лицом без уважительной причины мероприятий индивидуальной программы после вынесенного предупреждения о возможном прекращении оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (п. 83 приказа № 350).

1.2. Сроки окончания, которые не указаны в приказе № 350:

– дата фактического задержания в качестве лица, подозреваемого в совершении преступления (или дата постановления суда об избрании меры пресечения, которая предусматривает ограничение свободного передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления);

– дата отмены приговора суда с прекращением дела производством;

– дата помилования или амнистии;

– дата установления тяжелой болезни или инвалидности (например, если индивидуальная нуждаемость выражалась в оказании содействия в трудоустройстве);

– дата отказа в оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации;

– дата смерти и др.

Как верно отметили М.Т. Дзюба и Ю.В. Кравцова, что в приказе № 350 отсутствует раздел «Снятие с учета лиц, в отношении которых применяется пробация», поэтому непонятно какие документы должны поступить в УИИ,

чтобы лицо можно было снять с учета филиала, как определить день снятия лица с учета и т.д. [3, с. 122].

Считаем, что в определенных ситуациях для снятия с учета лица, в отношении которого применяется пробация, действительно, необходимо наличие конкретных документов (например, документа о смерти осужденного или вступившего в законную силу решения суда об установлении факта смерти или об объявлении лица умершим; акта о помиловании либо утвержденного решения о применении к осужденному акта об амнистии; копии судебного решения об отмене приговора суда и др.).

Полагаем, что нужно различать процедуру снятия с учета лица, в отношении которого применяется пробация в рамках исполнительного пробационного производства, и процедуру снятия с учета лица, находящегося под контролем уголовно–исполнительной инспекции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исполнительное пробационное производство имеет сроки начала и окончания, в пределах которых должностные лица уголовно–исполнительной системы могут совершать юридически значимые действия и принимать юридически значимые решения.

Список литературы:

1. Ольховик, Н. В. Проблемы правового регулирования исполнительной пробации / Н. В. Ольховик // Уголовно–исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXIV Всероссийской научно–практической конференции. – Новокузнецк, 2024. – С. 55.

2. Иванова, Е. В. Проблемы, возникающие у сотрудников уголовно–исполнительной инспекции в ходе применения исполнительной пробации, и пути их решения / Е. В. Иванова, М. С. Михайлова // Уголовно–исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно–практической конференции, приуроченной к 90–летию со дня образования Академии ФСИН России. – Рязань, 2024. – С. 88–89.

3. Дзюба, М. Т. Проблемные аспекты деятельности сотрудников уголовно–исполнительных инспекций при реализации исполнительной пробации / М. Т. Дзюба, Ю. В. Кравцова // Социальные отношения. – 2025. – № 1 (52). – С. 12.

**К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ
В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ**

Богданов Эдуард Николаевич, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: ed.bogdan86@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В научной статье проанализирован особый порядок судебного разбирательства, определен объем правомочий потерпевшего в отношении каждой из двух разновидностей особого порядка, выявлена проблематика реализации потерпевшим прав на досудебных стадиях уголовного процесса, предложено внесение соответствующих законодательных изменений.

Ключевые слова: состязательность сторон, особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, общий порядок судебного разбирательства, права потерпевшего

В отличие от УПК РСФСР 1923, 1960 гг. в своей изначальной редакции предусматривал больший спектр механизмов обеспечения прав и законных интересов потерпевших. Вместе с тем, в т.ч. с учетом последних событий, выразившихся в проведении СВО, в российском уголовно-процессуальном законодательстве появились нормы, нивелирующие некоторые правомочия потерпевших как участников уголовного процесса, что является актуальным применительно к реализации особого порядка судебного разбирательства. Тем не менее, не всё однозначно.

Так, в литературе отмечается, что необходимость выяснения факта отсутствия возражений потерпевшего распространяется на все категории обвинения, в т.ч. частного (мнение потерпевшего выясняется мировым судьей в ходе примирительной процедуры) [6]. Также отмечается, что с учетом положений ч.ч.2, 4 ст.316 УПК РФ, участие потерпевшего не является обязательным, но может быть таковым признано [1, 7]. Однако, с учетом данной формулировки закона, возникает вопрос о том, почему участие потерпевшего не является обязательным, ведь речь идет об обстоятельствах, имеющих существенное значение для разрешения заявленного ходатайства (разъяснение потерпевшему процессуальных прав и последствий удовлетворения ходатайства обвиняемого).

Определенные сомнения относительно факультативности участия потерпевшего порождают разъяснения Пленума Верховного суда РФ, согласно которым потерпевший, мнение которого выясняет суд, должен быть

надлежащим образом извещен о дате, времени и месте судебного заседания [6]. Косвенный вывод о необязательности участия потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении данного вопроса следует из того, что он не входит в перечень участников процесса, от мнения которых зависит разрешение ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке [6].

Следует полагать, что возражения потерпевшего, равно как и иных участников процесса, имеющих данное право, должны быть мотивированными (формулировка гласит: независимо от мотивов потерпевшего), т.е. факт несогласия относительно заявленного ходатайства все равно предполагает четкое обоснование причин несогласия потерпевшего с ним. Однако в некоторых постановлениях Пленума Верховного суда РФ присутствует иная формулировка [8].

Факт отсутствия возражений потерпевшего, прокурора либо частного обвинителя не подкрепляется их молчанием, суд обязан выяснить мнение участников процесса, адресовав данный вопрос каждому из них.

Полагаем, что выяснение позиции потерпевшего по данному вопросу с приведением им мотивов своего несогласия является обязательным, в обратном случае, соблюдение уголовно–процессуального порядка применения особого порядка помимо выяснения мнения потерпевшего сводит на нет принцип процессуальной экономии.

При непоследовательности мнения потерпевшего, вероятности его правового нигилизма, а в отдельных случаях – маргинализма, если характеристика личности потерпевшего ставит под сомнение перспективы соблюдения им норм закона в будущем, а также иных обстоятельств, целесообразно наделить потерпевшего обязанностью явиться в суд с целью выяснения его мотивированного мнения относительно заявленного ходатайства, при соблюдении требований УПК РФ относительно формы и сроков извещения потерпевшего о судебном заседании.

Некоторые исследователи полагают, что у суда нет обязанности требовать от потерпевшего мотивированности его пояснения [3, С. 91].

При рассмотрении уголовного дела судом в особом порядке не освобождают его от обязанности разрешения вопросов относительно гражданского иска.

Из логики ч.3 ст.150 УПК РФ следует, что дознание, по общему правилу, проводится по уголовным делам, относящимся к категориям небольшой и средней тяжести, иные составы преступлений, отнесенные к категориям небольшой и средней тяжести, расследуются следствием.

Данное отступление имеет особое значение для рассматриваемого вопроса, поскольку, в частности, дознание в сокращенной форме наделяет дознавателя обязанностью выяснения мнения потерпевшего, а также его правового оформления. То есть, с момента возбуждения уголовного дела в его материалы включаются процессуальные документы, отражающие волю потерпевшего относительно заявленного ходатайства о согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. При невозможности проведения дознания в сокращенной форме при фактическом согласии обвиняемого с предъявленным

ему обвинением, в отсутствие законных оснований для осуществления указанной формы предварительного расследования (ст.226.2 УПК РФ), к порядку выяснения мнения потерпевшего применяются положения уголовно–процессуального закона, регулирующие порядок осуществления дознания либо следствия по уголовному делу.

В случае, если потерпевший, выразивший желание участвовать в судебном заседании, будучи извещенным о его дате и времени надлежащим образом, не явится в суд, уголовное дело подлежит рассмотрению в его отсутствие.

Обращая внимание на позиции представителей уголовно–процессуальной науки относительно рассматриваемого вопроса, нередко можно встретить мнение, согласно которым ограничение процессуальных прав потерпевшего было бы обоснованно в случаях, предусмотренных гл.40 УПК РФ.

И.С. Дикарев полагает, что обеспечить соблюдение прав и законных интересов потерпевшего в отсутствие его согласия о рассмотрении уголовного дела в особом порядке помогут исследование письменных доказательств дела, допрос подсудимого судом, что также будет способствовать реализации возможности повторной проверки судом апелляционной инстанции исследованных судом первой инстанции доказательств. Однако, исходя из данной точки зрения, получается, что тем самым особый порядок может быть превращен в обычный.

Нельзя не согласиться с мнением тех ученых, которые полагают, что по своей природе оба особых порядка существенно различаются. Тот факт, что во втором случае мнение потерпевшего учету не подлежит обусловлено необходимостью борьбы с преступностью, превалирующей над позицией потерпевшего [4, с. 9]. Также существуют и противоположные позиции [2, с. 633].

Следует полагать наиболее обоснованной последнюю позицию. Во–первых, факт того, что предварительному следствию нужно делать свою работу не должен расцениваться как более приоритетный. С другой стороны, замотивировать преступника отказаться от своей преступной деятельности, способствовать раскрытию и расследованию преступлений возможно только путем смягчения их уголовно–правового положения. При данных обстоятельствах, очевидно, что права потерпевшего побираются, с целью восстановления которых следует включить в УПК РФ нормы об учете мнения потерпевшего в суде первой инстанции при наличии возражений с его стороны, которые должны быть мотивированными, благодаря чему будет соблюдена принцип состязательности сторон. Необходимость требования мотивированности возражений потерпевшего, равно как и иных участников процесса является необходимым условием соблюдения принципа состязательности сторон, на что указывают некоторые исследователи [5, с. 159].

При данных обстоятельствах, потерпевший может быть наделен правом деятельной контраргументации. В качестве возможного варианта развития событий при усмотрении судом факта доказанности обстоятельств, на которые

ссылается потерпевший (мотивированные возражения), максимальный срок или размер санкции наиболее строго наказания может быть смещен с половины до двух третей по аналогии с порядком, предусмотренном ст.40 УПК РФ.

Список литературы:

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – ст. 4921.

2. Блинова-Сычкарь, И. В. Законные интересы потерпевшего в досудебном соглашении о сотрудничестве / И. В. Блинова-Сычкарь, С. А. Дмитренко, О. В. Кравцова // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 633–635.

3. Дикарев, И. С. Учет позиции потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства / И. С. Дикарев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1(56). – С. 93–98.

4. Дудина, Н. А. К вопросу о предназначении института досудебного соглашения о сотрудничестве / Н. А. Дудина // Российский судья. – 2014. – № 4. – С. 8–10.

5. Матющенко, С. Г. О проблеме немотивированных возражений потерпевшего против особого порядка уголовного судопроизводства / С. Г. Матющенко // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: Сборник научных статей по итогам работы одиннадцатого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 29–30 ноября 2020 года. Том Часть 1. – Шахты: Общество с ограниченной ответственностью «КОНВЕРТ», 2020. – С. 159–161.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. – № 286. – 20.12.2006.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. № 156. 11.07.2012.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – № 147. – 07.07.2010.

СИНДРОМ ПТСР У ОБВИНЯЕМОГО ИЗ ЧИСЛА УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЕ УГОЛОВНОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Вахтель Владимир Генрихович, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: vahtel_v@mail.ru,

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, доцент,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Обобщены и рассмотрены ситуации, связанные с наличием у лица, обвиняемого в совершении преступления, синдрома ПТСР, обусловленного участие в боевых действиях. Отмечено их юридическое значение для производства по уголовному делу.

Ключевые слова: обвиняемый, участник боевых действий, синдром ПТСР, уголовное судопроизводство

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – одно из возможных последствий военной травмы, с которым сталкиваются представители всех стран. Согласно зарубежным данным, 20% австралийских ветеранов и 17% ветеранов Великобритании, служивших за рубежом, соответствовали критериям ПТСР. В исследовании, проведенном в США среди ветеранов войны в Ираке, 17% из них соответствовали критериям ПТСР [1].

Согласно данным ученых НМИЦ Психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) получают: – участники боевых действий: от 3 до 11%; (причем другие ученые оценивают данный риск выше: от 11 до 33%); – участники боевых действий с ранениями и тем более увечьями: от 14% до 17%, а расстройства пограничного уровня – 30%. Вероятность ПТСР увеличивает длительность пребывания в условиях боевых действий. Например, отмечено, что у служивших в Афганистане 6 мес. риск развития психопатии был 15%, а 1,5 года – уже 29%. Однако реальные цифры могут быть и того больше, так как не все участники боевых действий обращаются за специализированной медико–психолого–психиатрической помощью из–за имеющихся у них заблуждений относительно своих способностей справиться с последствиями психотравмы самостоятельно, недоверия к медицинской системе, непонимания первопричины происходящего с ними и т.д. Тогда как о серьезности ПТСР могут свидетельствовать данные о продолжительности излечения от него. Данный процесс долог, от полугода и выше, особенно у лиц с увечьями. Выздоровливают 20–30% лиц, у 40–60% сохраняются умеренные нарушения, а у 10–20% – переход в хронические формы [2].

Многие симптомы ПТСР могут привести к образу жизни, который, вероятно, приведет к преступному поведению и/или внезапным вспышкам насилия. Люди с ПТСР часто терзаются воспоминаниями о травме и испытывают хроническую тревожность. Нередко они пытаются заниматься самолечением с помощью наркотиков и алкоголя. Эмоциональное оцепенение, испытываемое многими пережившими травму, может привести к поиску острых ощущений в попытке испытать какие-либо эмоции. Некоторые ветераны боевых действий также могут стремиться воссоздать выброс адреналина, испытываемый во время боя. Ощущение необходимости всегда быть «на чеку» может привести к тому, что ветераны ошибочно воспринимают безобидные ситуации как угрожающие и реагировать защитным поведением. Повышенное базовое физиологическое возбуждение приводит к агрессивному поведению, несоразмерному воспринимаемой угрозе. Пережившие травму часто испытывают чувство вины, которое иногда может толкать их на совершение преступлений, которые, вероятно, приведут к их задержанию, наказанию, серьёзным травмам или смерти, на что справедливо обращается внимание в литературе [3].

Это позволяет предположить, что участие в боевых действиях является фактором, повышающим риск психических расстройств; активное участие в боевых действиях увеличивает риск травматического события и, следовательно, последующих проблем с психическим здоровьем.

ПТСР может быть связано с преступным поведением двумя основными способами:

– Во-первых, симптомы ПТСР могут попутно привести к преступному поведению. И в частности, это те ситуации, которые были отмечены выше.

– Во-вторых, правонарушения могут быть напрямую связаны с конкретной травмой, которую пережил человек.

Прямая связь между конкретным травматическим стрессором и конкретным преступлением может проявляться посредством трех основных способов, которые выделяют зарубежные исследователи:

– иногда буквально или символически воссоздают важные аспекты травмы;

– условия окружающей среды, схожие с теми, что существовали во время травмы, могут вызывать поведение (в частности, агрессивную реакцию), аналогичное тому, которое наблюдалось во время травмы;

– жизненные события, непосредственно предшествующие преступлению, могут реально или символически заставить человека столкнуться с неразрешёнными конфликтами, связанными с травмой. Это приводит к нарушению психологического состояния, в котором человек может совершить то, что в обычных условиях кажется маловероятным [3].

Представляется, что подобная ситуация должна быть учтена как юридически значимая, если в отношении лица с синдромом ПТСР, возникшим вследствие его участия в боевых действиях, осуществляется досудебное производство. В современной России практически отсутствуют исследования на данную тему, тогда как в ряде зарубежных государств они есть и их

содержание представляет интерес, тем более что наша страна сейчас проводит Специальную Военную Операцию и подобного рода ситуации становятся актуальными для российского уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Aldridge V, Scott H, Paskell R. Post-Traumatic Stress Disorder and Killing in Combat: A Review of Existing Literature [Электронный ресурс] <https://jmvh.org/article/post-traumatic-stress-disorder-and-killing-in-combat-a-review-of-existing-literature/> (дата обращения: 12.10.2025)

2. Вахтель, В. Г. Участие в боевых действиях как фактор риска процессуальной уязвимости участника уголовного судопроизводства / В. Г. Вахтель // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 12(240). – С. 484–486.

3. PTSD and Criminal Behavior, 2002 [Электронный ресурс] <https://criminalprofiling.com/ptsd-and-criminal-behavior/> (дата обращения: 12.10.2025)

**ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ:
ИМПЕРАТИВНОЕ ИЛИ ДИСПОЗИТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

Галицкая Елизавета Евгеньевна, судья Богучанского районного суда
Красноярского края, соискатель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ques13@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является исследование правоприменительной практики относительно обстоятельств, служащих основанием для отказа в удовлетворении ходатайства осужденного об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью. Результатом исследования явился вывод о формировании кассационными судами общей юрисдикции единой судебной практики по вопросу освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью, свидетельствующей об императивности такого основания для освобождения.

Ключевые слова: исполнение приговора, освобождение от отбывания наказания, тяжелая болезнь, суд

В соответствии с пунктом 6 статьи 397 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации суд при исполнении приговора решает вопрос об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного в соответствии со статьей 81 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На основании части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо, заболевшее после совершения преступления иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть судом освобождено от отбывания наказания.

Данная норма подлежит применению во взаимосвязи с положениями Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденного постановлением Правительства РФ от 06 февраля 2004 года № 54, и не предполагает принятия судом произвольного решения о возможности или невозможности освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно–досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», по смыслу части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации при решении вопроса об освобождении лица от наказания определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию им назначенного наказания. Рассматривая соответствующее ходатайство осужденного, суд оценивает медицинское заключение специальной медицинской комиссии или учреждения медико–социальной экспертизы с учетом Перечня заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, а также принимает

во внимание иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения ходатайства по существу.

Так, из анализа практики кассационных судов общей юрисдикции за 2025 год следует, что суды первой инстанции, отказывая в удовлетворении ходатайства осужденных об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью, ссылаются на следующие обстоятельства: на положительную динамику состояния здоровья осужденного в результате лечения, проводимого в условиях отбывания наказания, факт получения постоянной терапии, длительность предыдущего и предстоящего лечения; отношение осужденного к предписанным медицинским рекомендациям и режимным требованиям учреждения, исполняющего наказание; наличие у осужденного данного заболевания на момент совершения преступления и учет состояния его здоровья в качестве смягчающего наказание обстоятельства при вынесении в отношении него приговора; его отказ от госпитализации; отсутствие сведений о родственниках или близких ему лицах, которые могут и согласны осуществлять за ним уход; на адаптацию к окружающей обстановке; отсутствие опасности для жизнедеятельности; на то обстоятельство, что сопутствующие заболевания являются следствием не леченной надлежащей образом болезни, приобретенной до заключения под стражу; на стабильное состояние осужденного; на то обстоятельство, что заболевание находится лишь в стадии прогрессирования [0;0;0;0;0].

Между тем, вышеперечисленные обстоятельства, послужившие основанием к отказу в удовлетворении ходатайства, были отвергнуты вышестоящей инстанцией, заключавшей, что суды первой инстанции, установив наличие у осужденного заболевания, входящего в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденный постановлением Правительства РФ от 06 февраля 2004 года № 54, тем не менее, определяющее значение придали не наличию такого заболевания, а другим обстоятельствам, а также не учли, что в действующем законодательстве не содержится указания на невозможность освобождения от наказания по болезни при получении лечения в условиях исправительного учреждения и по иным, указанным в обжалуемых постановлениях основаниям.

Кроме того, показательным в рассматриваемом вопросе является случай отказа в удовлетворении ходатайства судом первой инстанции, установившим, что в отношении осужденного проводилось медицинское освидетельствование на основании его ходатайства об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью, однако заключение врачебной комиссии не было вынесено в связи с отказом осужденного от рекомендованного ему врачебной комиссией дополнительного обследования [0].

При этом суд кассационной инстанции, отменяя постановление, указал, что поскольку в материалах дела отсутствовало соответствующее заключение врачебной комиссии, предусмотренное положениями пунктов 9, 10 Правил медицинского освидетельствования осужденных, ходатайствующих об освобождении (представляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 06 февраля 2004 года № 54, суд первой инстанции был обязан направить копию ходатайства осужденного органу, исполняющему наказание, предложив

представить в суд соответствующие материалы, необходимые для разрешения данного ходатайства.

Таким образом, судебная практика свидетельствует о новом подходе Верховного Суда Российской Федерации в части применения части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации, выражающемся в том, что для освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью решающее значение имеет сам факт наличия заболевания, препятствующего отбыванию наказания [0]. В этой связи диспозитивный характер указанного основания для освобождения от отбывания наказания, проявленный в примененной в законе формулировке «лицо может быть освобождено», утрачивает свою формальность и объективно становится императивным.

Как верно отметила Макарова Н.В. в своей статье [0], до этого позиция Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу немного отличалась. Прежняя редакция разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации требовала при рассмотрении вопроса об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью учитывать поведение осужденного в период отбывания наказания, его отношение к проводимому лечению, соблюдение им медицинских рекомендаций, режимных требований учреждения, исполняющего наказание, по состоянию здоровья, а также данные о личности осужденного, наличие у него постоянного места жительства, родственников или близких ему лиц, которые могут и согласны осуществлять уход за ним.

Вместе с тем, освобождение от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью в теории уголовного права рассматривается как реализация принципа гуманизма, выражающегося в том, что наказание, назначаемое лицу, совершившему преступление, не может содержать цель причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства.

Так, в продолжение государственной политики, связанной с гуманизацией уголовного наказания, Федеральным законом от 28 февраля 2025 года № 13–ФЗ «О внесении изменений в Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации» был установлен запрет применения меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, страдающим определенными заболеваниями, перечень которых утвержден Правительством Российской Федерации (часть 2.1 статьи 108 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации). Причем этот запрет действует независимо от категорий инкриминируемого лицу преступления и наличия обстоятельств, предусмотренных подпунктами «а» – «г» пункта 1 части 1 статьи 108 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации (абзац 2 пункта 12.2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41).

Указанный запрет так же, как и рассматриваемое в настоящей статье основание для освобождения от отбывания наказания, является императивным и не допускает диспозитивного подхода суда к разрешению вопроса.

Между тем, по нашему мнению, для достижения единообразного подхода к разрешению судами на стадии исполнения приговора вопроса об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью, необходимо изменить изложение нормы части 2 статьи 81 Уголовного кодекса Российской Федерации,

преобразовав ее в императивную, то есть приблизить к правоприменительному содержанию данного основания для освобождения, а также, учитывая, что императивность освобождения от отбывания уголовного наказания в связи с болезнью связана исключительно с установлением у осужденного заболевания, включенного в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, утвержденный постановлением Правительства РФ от 06 февраля 2004 года № 54, следует на законодательном уровне предусмотреть альтернативный подход к такому освобождению, основой которого является не обязанность, а право суда освобождать от отбывания наказания лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, не включенной в такой Перечень, но в совокупности с индивидуальными особенностями осужденного с очевидностью препятствующей отбыванию наказания [0].

Список литературы

1. Галицкая, Е. Е. Тяжелая болезнь как основание для освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью: глава в коллективной монографии // Организационно–правовые основы общественного здоровья: монография. Красноярск: Версо, 2025. С. 103–119.
2. Галицкая, Е. Е. Уголовно–процессуальные особенности освобождения от наказания в связи с болезнью: вопросы теории и практики // Е. Е. Галицкая / Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: расследование преступлений, назначение и исполнение наказания: материалы межрегиональной научно–практической конференции. Красноярск, 2025. С. 23–27.
3. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2025 № 77–375/2025 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.
4. Макарова, О. В. О практике рассмотрения судами ходатайств осужденных об освобождении от наказания в связи с болезнью // Комментарий судебной практики / отв. ред. К.Б. Ярошенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 24 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст: электронный.
5. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.08.2025 № 77–2423/2025 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.
6. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2025 № 77–3129/2025 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.
7. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2025 № 77–288/2025 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.
8. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2025 № 77–1939/2025 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.
9. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2025 № 77–684/2025 // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Гарбуз Григорий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: greg_g@inbox.ru

Аннотация. Внимание автора статьи сфокусировано на проблемных аспектах, связанных с поддержанием государственного обвинения при рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере. Исходя из специфики рассмотрения уголовных дел названной категории, выдвигается научная гипотеза о групповом поддержании государственного обвинения. Анализируются приемлемые формы участия нескольких государственных обвинителей на стадии судебного разбирательства по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере.

Ключевые слова: экологические преступления, криминалистическая тактика, судебная криминалистика, поддержание государственного обвинения, судебное следствие

Развитие криминалистической научной мысли в текущем году последовательно и методично удерживает стрелку в красной зоне тахометра, стремясь сократить отставание темпов расследования преступлений от темпов преступной деятельности. В свете развития высокотехнологичного права [1, С. 3–14] следует сказать, что методологические проблемы расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере, не являются исключением в перечне важных задач, стоящих перед правоохранительными органами российского государства.

Закрепленное в ст. 42 Конституции РФ право каждого на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии все чаще становится предметом обсуждения в средствах массовой информации, в сети «Интернет», а корреспондирующие с этим правом обязанности физических лиц и хозяйствующих субъектов соблюдать нормы экологического законодательства и минимизировать негативное воздействие на окружающую среду – отображаются в случае их неисполнения на официальных сайтах судов общей юрисдикции и страницах в социальных сетях в виде вступивших в законную силу судебных актов, воплощающих в себя конкретные распорядительные действия о принятых органами судебной власти мерах по восстановлению нарушенного права.

Активную работу в сфере контроля и надзора за соблюдением экологического и природоохранного законодательства осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации в лице субъектовых и специализированных природоохранных прокуратур, чьи социальные сети и

Telegram–каналы активно информируют общественность о принятых мерах прокурорского реагирования на соответствующие нарушения. Только за первое полугодие 2025 года в Telegram–канале прокуратуры Красноярского края было размещено более 60 информационных материалов о выявленных сотрудниками аппарата нарушениях экологического и природоохранного законодательства, а также о внесенных представлениях и предостережениях, поданных исках, вынесенных постановлениях о возбуждении дел об административных правонарушениях и о возбужденных уголовных делах в экологической сфере.

Дальнейшее погружение автором статьи в изучение вопросов, касающихся расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере, заставляет задуматься о проблемах, связанных не только со стадией предварительного расследования, но и судебного разбирательства по делам названной категории. Среди них – поддержание государственного обвинения в ходе рассмотрения дел судами первой инстанции.

Существует ли специфика в поддержании государственного обвинения по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере? Каковы особенности участия государственного обвинителя в судах общей юрисдикции по данной категории дел? Каковы наиболее приемлемые формы тактики прокуроров, поддерживающих государственное обвинение в судах по делам об экологических преступлениях?

Ответы на поставленные вопросы приведем тезисно в излагаемых далее суждениях, но сначала отметим, что теоретическую проработку поддержания государственного обвинения на монографическом уровне осуществляли такие ведущие ученые, как: Л. В. Бертовский, О. В. Воронин, Л. А. Воскобитова, В. И. Рохлин, Г. Э. Сафронский и др.

Как известно, давно приобретший особую остроту вопрос о значении юридической практики наполнен разноплановым содержанием. Деятельность судов по отправлению правосудия, в том числе, по рассмотрению уголовных дел, по праву может быть отнесена к высшим формам юридической практики. В то же время эффективность отправления правосудия и соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства во многом зависят как от качества предварительного следствия, так и от профессионального поддержания государственного обвинения в судах первой инстанции.

Как мы отмечали ранее, расследование преступлений, совершаемых в экологической сфере осложнено необходимостью быть компетентным не только в уголовно–правовых науках и юридической психологии, но также разбираться в экологическом и природоохранном законодательстве, регламентирующем вопросы недропользования, горного дела, правового режима особо охраняемых природных территорий, владеть методиками расчета ущерба, более того, хотя бы в общих чертах иметь представление о применяемых при расследовании данной категории дел специальных знаниях [2, С. 59]. Все это, полагаем, имеет прямое отношение и к деятельности работников прокуратуры, осуществляющих надзор за следствием и выполняющих функции по поддержанию государственного обвинения в судебном заседании.

К числу актуальных проблем поддержания государственного обвинения по делам вышеупомянутой категории, полагаем, следует отнести использование современных высокотехнологичных средств доказывания, передовых достижений в области психологии, тактических приемов судебной криминалистики.

Личный опыт автора статьи в рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, приводит к пониманию того, что молодые прокурорские работники испытывают затруднения и тактические ошибки при поддержании государственного обвинения ввиду недостаточности опыта. Преодолеть эти затруднения возможно, на наш взгляд, посредством погружения в изучение существа уголовного дела, в рамках которого государство имеет определенные притязания к лицу, обвиняемому в совершении общественно опасного деяния и посягнувшему на охраняемые уголовным законом государственные и общественные интересы в области экологии и природопользования.

Не умаляя роли стадии подготовки к судебному разбирательству, позволим себе подчеркнуть, что наиболее активную фазу участие государственного обвинителя в уголовном деле приобретает в судебном следствии, а также в судебных прениях.

Важным аспектом в приобретении высокого профессионализма и надлежащих навыков поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, видится участие в судебном заседании нескольких прокуроров. Несмотря на нехватку прокурорских кадров и загруженность работников данного ведомства по иным не менее важным направлениям работы органов прокуратуры, создание групп государственных обвинителей представляется весьма полезным как раз по делам о преступлениях рассматриваемой категории.

Учитывая, что в соответствии с ведомственными приказами создание группы государственных обвинителей возможно на основании распоряжения или поручения прокурора субъекта Российской Федерации, то каких-либо процессуальных и технических сложностей в том, чтобы в состав такой группы входил представитель районной прокуратуры и сотрудник специализированной природоохранной прокуратуры, на наш взгляд, не должно возникать. Копия соответствующего распоряжения представляется суду для приобщения к материалам уголовного дела, а второй его экземпляр нелишним будет поместить в надзорное производство.

При участии в слушании уголовного дела судом группы государственных обвинителей имеют место как повышение профессионализма молодых работников прокуратуры, освоение компетенций по поддержанию государственного обвинения по наиболее сложным делам из числа совершаемых в экологической сфере, так и такие тактически верные варианты взаимодействия государственных обвинителей, как: прямой, шахматный, перекрестный допросы свидетелей и подсудимых, а также с учетом позиции иных допрашиваемых лиц.

Формы участия нескольких прокурорских работников, задействованных в поддержании государственного обвинения в судебных прениях, также могут быть разными и варьироваться в зависимости от квалификации работников прокуратуры, собранной и исследованной доказательственной базы, а также тактической ситуации.

Таким образом, принимая во внимание имеющийся положительный опыт по организации поддержания государственного обвинения в составе группы, коллективное (групповое) участие государственных обвинителей в рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершаемых в экологической сфере, способствует более успешному достижению целей уголовного судопроизводства и будет направлено на повышение эффективности отправления правосудия.

Список литературы:

1. Бертовский, Л. В. Высокотехнологичное право: Точка бифуркации / Л. В. Бертовский // Высокотехнологичное право: точка бифуркации : Материалы V Международной научно–практической конференции. В 3–х частях, Москва – Красноярск, 15–16 февраля 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2024. – С. 3–14.

2. Гарбуз, Г. С. О некоторых аспектах классификации методик по расследованию преступлений, совершаемых в экологической сфере / Г. С. Гарбуз // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно–Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 31. № 3. – С. 55–63.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РАЗУМНОСТИ ДЕЙСТВИЙ АДВОКАТА

Дадаян Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: dadaelena.lena@mail.ru

Аннотация: Адвокат позиционируется в юридическом сообществе, как специалист, имеющий особый правовой статус, предоставленный ему законом в области оказания юридической помощи на профессиональной основе. К адвокату как профессионалу в области права, предъявляются повышенные требования не только к правовым знаниям, но и требования разумности и добросовестности при осуществлении адвокатской деятельности. Закон не содержит критериев оценки разумности действий адвоката, отсюда рассмотрение вопросов, что понимается под разумностью действий адвоката и в чем заключаются границы (пределы) такой разумности, вызывает особую актуальность.

Ключевые слова: адвокат, разумность, оценочное понятие, профессиональные характеристики

Безусловно, любая сфера профессиональной юридической деятельности требует от специалиста знаний не только нормативных правовых актов и практики их применения, а также корректности, добросовестности и разумности действий по отношению к доверителю и третьим лицам. В настоящее время законодательство об адвокатской деятельности предусматривает правило о том, что адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами [1]. Помимо всего прочего, адвокат принимает поручение на ведение дела и в том случае, когда у него имеются сомнения юридического характера, не исключающие возможности разумно и добросовестно его поддерживать и отстаивать [2].

Закон не содержит критериев оценки разумности действий адвоката, отсюда рассмотрение вопросов, что понимается под разумностью действий адвоката и в чем заключаются границы (пределы) такой разумности, вызывает особую актуальность.

Попробуем разобраться с наполнением понятия «разумность». Разумность – это один из принципов организации деятельности адвоката, то есть это требование, направлено на то, каким образом должна быть организована деятельность адвоката, чтобы с наиболее положительным эффектом осуществить защиту прав и законных интересов доверителя, но при этом осуществить все требуемые для защиты действия в очерченных рамках закона. Отсюда разумность или неразумность действий адвоката это оценочные категории, зависящие от конкретных (фактических) обстоятельств дела и от той

ситуации, в которой действует (оказывает) юридическую помощь адвокат. Представляется, что у каждого субъекта профессиональной юридической деятельности, в том числе и у адвоката должны быть внутренние границы (барьеры, пределы), выход за которые будет расцениваться как недобросовестное и неразумное поведение. Такое поведение, конечно наносит ущерб деловой репутации не только адвоката, но и деловой репутации адвокатского сообщества. Как правило, общественность по действиям одного адвоката, дает оценку всем специалистам адвокатского сообщества.

Вопрос о разумности действий адвоката поднимается чаще всего в том случае, когда заходит речь о качестве оказанной адвокатом юридической помощи. Как правило, лица, утверждающие, что юридическая помощь была оказана не в полном объеме, ставят под сомнения тот факт, что такая помощь была оказана адвокатом квалифицированно (профессионально). Из изученных нами дел суды, не давали как таковую оценку профессиональных (деловых) качеств адвоката, а исходили из презумпции, что адвокат является профессиональным участником юридического сообщества. Содержание его правовых советов и действий от имени и в интересах доверителя носят профессиональный характер. Отсюда, только по внешним признакам можно оценить разумность и достаточность действий адвоката с целью получения им вознаграждения за оказанную правовую помощь.

Так, по одному из дел суд апелляционной инстанции для определения разумности действий адвоката тщательно проверил объем, и значимость действий адвоката Р. Для проверки объема и значимости осуществленных адвокатом действий суд принял во внимание характер совершенного доверителем преступления, длительность и сложность проведения доследственной проверки и предварительного следствия, количество проведенных адвокатом Р. процессуальных и следственных действий как самостоятельно, так и с его участием, объем уголовного дела (три тома), представляющего определенную сложность в его расследовании, с учетом отрицания осужденным своей вины [4].

По другому делу, суд взыскал с адвоката сумму неосновательного обогащения адвоката за счет доверителя. Обстоятельства дела: гражданка И. обратилась в суд с иском о взыскании с адвоката О. неосновательного обогащения в виде возврата уплаченной денежной суммы. Требования истицы мотивированы тем, что адвокат не оказал квалифицированную юридическую помощь в рамках возбужденных уголовных дел. Судом было установлено, что действительно против сына истицы было возбуждено уголовное дело. Из справки ФКУ СИЗО–6 ГУФСИН России по Красноярскому краю следует, что адвокат действительно с целью оказания юридической помощи сыну истицы совершил ряд действий: посещение следственного изолятора 12 раз за три месяца, 2 раза принимал участие в суде по вопросу продления срока содержания и изменения меры пресечения. Суд посчитал стоимость фактически оказанных услуг адвокатом в соответствии с рекомендуемыми минимальными ставками стоимости некоторых видов юридических услуг, оказываемых адвокатами (минимальные ставки установлены решением Совета Адвокатской

палаты Красноярского края). В связи с этим суд пришел к выводу, что оплаченные истицей адвокату денежные средства за оказание юридической помощи не соотносятся с принципами разумности и справедливости, а также с объемом оказанных адвокатом услуг [3].

Что касается вопросов разумности действий самого адвоката по оказанию юридической помощи по уголовному делу, то суд не взял на себя инициативу и ответственность давать оценку с точки зрения профессионализма конкретным действиям совершенным адвокатом с целью отстаивания прав и законных интересов доверителя.

По договору на оказание правовых услуг, как и по всякому возмездному договору, оплата производится за исполнение исполнителем своих обязанностей. Оплата по договору об оказании юридических услуг не может ставиться в зависимость от решений компетентных органов, так как по договору об оказании юридических услуг оплачивается сама деятельность, а не ее результат [3].

Подводя итог, представляется, что адвокат самостоятелен в выборе способов и средств защиты доверителя. Адвокат с учетом объекта защиты, характера спора определяет для себя содержание и объем необходимых для обеспечения защиты действий. Отсюда, адвокат самостоятельно устанавливает пределы разумности и необходимости своих действий. Ограничение способов и средств защиты может быть установлено только законом.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63–ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Справочная правовая система Консультант Плюс.

2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // Справочная правовая система Консультант Плюс.

3. Апелляционное определение Красноярского краевого суда по делу № 33–6848/2019// <https://судебныерешения.рф/52453312> (дата обращения 28.10.2025).

4. Апелляционное постановление Калининградского областного суда по делу № 22–338/2025 от 26.03.2025// <https://sudact.ru> (дата обращения 28.10.2025).

РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И ЭКСПЕРТНЫХ МЕТОДОВ В РАСКРЫТИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Ерахтина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: 345nn@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности и проблематика использования специальных знаний на этапе расследования преступлений, связанных с мошенничеством при получении социальных выплат. Автор анализирует важность применения технических, криминалистических и экспертных методов для успешного выявления и доказывания таких преступлений. Рассматриваются типичные ошибки следователей при работе с документами, необходимость привлечения специалистов и экспертов, а также примеры судебных дел и видов экспертиз, применяемых для установления истины. Особое внимание уделяется взаимодействию следственных органов с государственными учреждениями, отвечающими за социальные выплаты, что значительно повышает эффективность расследования. В статье также подчеркивается значение комплексного подхода и применения современных оперативных и криминалистических методик.

Ключевые слова: специальные знания, криминалистическая методика, судебная экспертиза, почерковедческая экспертиза, техническая криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД), документальный подлог, социальные выплаты, материнский капитал, фиктивный договор, дактилоскопическая экспертиза, тератологическая экспертиза, оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), видео-фоноскопическая экспертиза

Ключевым условием расследования по мнению многих учёных-криминалистов, таких как В.Е. Корноухова [1], Н. П. Яблокова [2], И. А. Возгрин [3], С. Н. Чурилова [4] и других, является эффективное использование специальных знаний. В работах неоднократно подчёркивается, что успех расследования зачастую определяется полноценным использованием всего современного арсенала экспертных методик, как положительного тренда в улучшении технической и криминалистической поддержки расследований.

Тем не менее в следственной практике встречаются ошибки при расследовании мошенничества в сфере социальных выплат в части назначения экспертных исследований, так следователем не всегда своевременно и полностью изымаются все основные документы, остаются неразрешёнными противоречия между документальными доказательствами, в частности, неверно даётся оценка значимости документов и самих обстоятельств преступления. Такие ошибки могут привести как к затягиванию расследования, так и к незаконному привлечению к ответственности. Главной причиной этих проблем является недостаточное внимание следователей к вопросам применения специальных знаний.

Недостаточное внимание со стороны следователя к проблематике использования специальных знаний отмечается в работах Н. А. Даниловой, Е. Б. Серовой и Е. В. Елагиной [5]. Авторы считают, что при расследовании подобных дел эффективно привлекать экспертов и специалистов для консультаций и проведения различных исследований: осмотра и анализа документов, получения образцов для сравнительного анализа, назначения судебных экспертиз. Кроме того, консультации специалистов, обладающих знаниями в соответствующей области выплат, могут потребоваться в ряде случаев, которые можно кратко описать следующим образом: когда необходимо подробно разъяснить нормативные основания и особенности процедуры назначения данных выплат; для разъяснения порядка документооборота и требований к оформлению необходимых бумаг; чтобы получить пояснения по определённым аспектам работы конкретных должностных лиц; а также для содействия в выявлении признаков преступлений, отражённых в документах и иных сопутствующих обстоятельствах.

Следует отметить, что специфика расследования уголовных дел данной категории заключается прежде всего в активном взаимодействии следователя с учреждениями, которые занимаются выдачей социальных выплат, а также со специалистами, обладающими знаниями в этой области.

Положительным примером удачного расследования является уголовное дело в отношении граждан К., О., З. и Ф., которые были осуждены по ч.3 ст.159.2 УК РФ. В ходе расследования было установлено, что они являлись соучредителями общества с ограниченной ответственностью и вели деятельность по приобретению земельных участков, предназначенные под индивидуальное жилищное строительство, без надлежащего юридического оформления. На протяжении двух лет заключали фиктивные сделки с держателями сертификата на материнский капитал, которые считали, что сделки законные. Следователем лишь после консультаций со стороны соответствующих специалистов была установлена судебная перспектива по делу, наличие состава преступлений, включая умысел виновных, после чего и было возбуждено уголовное дело.

Как видим, преступник зачастую маскирует свои действия под видом формально законных поступков, для этого в ход идёт подделка документов, либо получая обманным путём документы, предоставляющие право на определённые государственные выплаты. Следовательно, методика расследования должна обязательно включать рекомендации по тесному сотрудничеству следователей и оперативных работников с специалистами по социальным выплатам.

Между тем, необходимо отметить, что для последующей координации единых целей и задач по данной категории дел всё ещё слабо налажено взаимодействие правоохранительных органов с контрольно–ревизионными органами, органами социального обеспечения и другими органами, уполномоченными на осуществление социальных выплат, что в свою очередь, создаёт условия латентности мошенничества в сфере социальных выплат.

Выступая основным средством доказывания в уголовных делах, связанных с экономическими преступлениями документы, конечно, необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения их экономического содержания. В связи с этим крайне важно совместно с экспертом проводить тщательный осмотр документов с целью выявления признаков как материального, так и интеллектуального подлога, а также для получения образцов, необходимых для сравнительных исследований и проведения судебных экспертиз.

Следователю прежде всего необходимо определить профиль привлекаемого специалиста, а также формулировка вопросов, требующих его участия. Например: для разъяснения нормативно установленного порядка и особенностей назначения таких выплат, а также прав и обязанностей ответственных лиц; для объяснения системы документооборота и требований, предъявляемых к оформлению конкретных документов; для правильной интерпретации действий и обстоятельств, связанных с деятельностью конкретных должностных лиц; а также для оказания помощи в выявлении признаков преступлений, отражённых в документах, и других подобных случаев.

При этом постоянно стоит обращать на такие моменты: выполнение документа на бланке нестандартной формы и способом, не установленным правилами, принятым для данных документов; если у документа отсутствуют обязательные реквизиты (печать, штамп, подпись, дата, номер, часть текста), либо присутствуют лишние, сомнительные элементы (дописки, подчистки, исправления, пометки), не относящиеся к документу. Любые противоречия между реквизитами, содержанием документа и фактическими данными служит серьезным подозрением в его подлоге, который достаточно трудно выявить. Поскольку игнорирование привлечения специалиста для анализа документов по делам данной категории часто приводит к следственным ошибкам, наличию противоречий между документами и другими доказательствами, односторонней оценке следователем фактов и недостаточному анализу содержания документов, которые являются доказательствами по делу. При тщательном осмотре документа совместно со специалистом можно выявить признаки интеллектуального подлога, который достаточно сложно определить, поскольку в таких случаях документ составляется уполномоченным лицом, но с намеренно внесёнными ложными или недостоверными данными. В итоге, внешний вид документа не отличается от подлинного, поскольку изменяется только его содержание.

Наиболее востребованными в практике расследования мошенничества при получении выплат являются: 1) почерковедческая экспертиза, которая выполняет задачу установления исполнителя подписей и отдельных элементов рукописного текста, что позволяет установить факт подделки или принадлежность документов конкретному лицу; 2) технико-криминалистическая экспертиза документов (ТКЭД), задачами которой является установление технологии изготовления документа, идентификация способов и методов внесения реквизитов, обнаружение следов изменения

исходного содержания, а также восстановление первоначального текста. При этом ТКЭД позволяет определить последовательность нанесения подписей и штампов, давность их изготовления, а также выявить средства и материалы (например, виды ручек, типы бумаги), использованные для создания или корректировки документа.

Примером, того, что указанные выше виды экспертиз являются базисными при расследовании подобных видов мошенничества и существенно способствуют выявлению признаков подлога, а также подтверждению или опровержению версии о фальсификации документов является уголовное дело в отношении гр-ки Р., осуждённой по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. У гр-ки Р. (главный бухгалтер и имеет доступ к печатям, бланкам организации), возник умысел, направленный на систематическое хищение субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг путем предоставления в орган социальной защиты населения заведомо ложных сведений о размере дохода. Реализуя задуманное, используя своё служебное положение, Р. изготовила подложную справку о собственных доходах (5000 рублей в месяц), собственноручно расписалась за генерального директора ООО и поставила печать. В дальнейшем Р. изготовила на одном из бланков справку, в которую внесла аналогичные заведомо ложные сведения о своем супруге. Фиктивные справки Р. направила в управление социальной защиты населения, в результате чего незаконно была начислена субсидия на оплату жилья и коммунальных услуг. Проведенные по делу экспертизы подтвердили факт подложности документов, учинения подписей самой Р., а не генерального директора.

При расследовании уголовных дел, связанных с мошенничеством, следует брать во внимание версии о возможном участии организованных групп преступников специализировавшейся на многократных мошеннических действиях с использованием материнского капитала. Для доказательства вины мошенников в процессе расследования могут назначаться экспертные исследования, включая оценку рыночной стоимости недвижимости, а также проверку пригодности жилых помещений для проживания.

Когда ведётся расследование по делам о мошенничестве с выплатами, важно помнить, что нужны не только перечисленные выше экспертизы, но и другие виды исследований. Часто при осмотре документов или вещей, которые подозреваемые оставляют или передают, можно выявить следы рук. В таких случаях необходимо назначить дактилоскопическую экспертизу, которая понять, кто именно оставил следы пальцев на документах, папках или телефонах.

Если во время обыска найдены только порванные или разбросанные листы бумаги, которые могли быть частью одного документа, можем направить их на трасологическую экспертизу. Так можно собрать все части воедино и понять, что это единый документ. Например, если у мошенника остался отрывной талон к банковской квитанции или другому финансовому документу, это очень важно для дела.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что расследование организованного мошенничества требует разных оперативных

действий: наблюдения, прослушивания, обысков, что в свою очередь помогает воссоздать полную картину преступных деяний. Для более точного определения чей голос или лицо запечатлены на записи необходимо назначить видео- и аудиофоноскопические экспертизы.

Подчеркнем ещё раз, самое важное при расследовании данной категории дел – это постоянно работать в тесном контакте со специалистами и экспертами. Чем раньше следователь обратится за помощью к специалисту (эксперту), тем выше шансы раскрыть преступление и добиться справедливости. Только комплексный криминалистический подход позволит эффективно выявлять и доказывать организованное мошенничество.

Список литературы:

1. Корноухов, В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы / В. Е. Корноухов. – М.: Норма, 2008. – 224 с.

2. Яблоков, Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография / Н.П. Яблоков. – М.: Норма, 2018. – 192 с.

3. Возгрин, И. А. Научные основы криминалистической методики расследования, преступлений. Часть I / И.А. Возгрин. – СПб. : ЮИ МВД России, 1992. – 100 с.

4. Чурилов, С. Н. Криминалистическая методика. История и современность / С.Н. Чурилов. – М., 2002.

5. Данилова Н.А. Особенности использования специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе расследования мошенничества при получении выплат / Н.А. Данилова, Е.Б.Серова, Е.В. Елагина // Законность. – 2016. – № 9. – С. 59 – 64.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Елшина Мария Васильевна, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: m.vv.05@mail.ru,

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ksm2024@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процессуальных последствий задержания подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве. Исследуются ключевые проблемы, возникающие на стадии задержания и после него, включая соблюдение процессуальных сроков, обеспечение прав на защиту, оценку законности и обоснованности самого факта задержания. На основе изучения современной судебной практики и доктринальных источников предлагаются конкретные пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной деятельности. Особое внимание уделяется вопросам исключения доказательств, полученных с нарушением порядка задержания, и компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, процессуальные последствия, законность задержания, право на защиту, судебный контроль, доказательства, исключение доказательств

Институт задержания в современном российском уголовном процессе представляет собой сложный правовой механизм, находящийся на стыке публичных интересов государства в противодействии преступности и защиты фундаментальных прав личности. Применение данной меры процессуального принуждения инициирует возникновение специфических правоотношений, порождающих комплекс юридически значимых последствий.

Процессуальные последствия задержания – это те правовые результаты, которые наступают как для подозреваемого, так и для стороны обвинения в связи с применением данной меры. Они имеют многогранный характер и простираются от момента фактического задержания до стадий судебного разбирательства и даже после него. Актуальность темы обусловлена высокой частотой нарушений, допускаемых на стадии задержания, что влечет за собой серьезные проблемы для всего последующего уголовного процесса, включая утрату доказательств и оправдание виновных.

Целью настоящего исследования является выявление системных проблем в реализации процессуальных последствий задержания подозреваемого и разработка предложений, направленных на оптимизацию процессуального

механизма задержания, обеспечивающей баланс интересов правосудия и защиты личности.

Задержание подозреваемого порождает многомерный комплекс юридических последствий, которые можно классифицировать по следующим направлениям:

- статусно-правовые – возникновение особого процессуального статуса «подозреваемый» с сопутствующим комплексом прав и обязанностей;
- доказательственно-процессуальные – формирование доказательственной базы в период ограничения свободы;
- реабилитационно-компенсационные – возможность восстановления нарушенных прав при незаконном применении меры принуждения;
- пресекательно-обеспечительные – создание процессуальных предпосылок для избрания более строгих мер пресечения.

В соответствии со ст. 91 УПК РФ [1], задержание возможно лишь при наличии строго определенных оснований. Первой и основной проблемой является расширительное толкование органами предварительного следствия и дознания понятия «непосредственно после его совершения». На практике это приводит к задержаниям спустя часы и даже сутки после инкриминируемого деяния, что ставит под сомнение саму цель задержания – пресечь преступную деятельность «по горячим следам».

Еще одной острой проблемой является формальный подход к составлению протокола задержания. Протокол, будучи основным процессуальным документом, фиксирующим факт и обстоятельства задержания, зачастую составляется с грубыми нарушениями: не конкретизируются основания задержания, не указывается точное время фактического ограничения свободы, не отражаются доводы защиты о незаконности задержания. Это лишает подозреваемого возможности в дальнейшем эффективно оспаривать действия должностных лиц.

Судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к данной проблеме. В частности, при рассмотрении дела №22К–183/2014 апелляционной инстанцией Верховного Суда Республики Ингушетия [2] не было признано существенным нарушением расхождение между временем фактического задержания и оформления протокола, ограничившись формальной констатацией отсутствия прямого влияния на существо обвинения.

Серьезной проблемой является и соблюдение 48-часового срока задержания. За установленное время необходимо осуществить комплекс следственных действий, получить санкцию руководства и представить в судебные инстанции мотивированное ходатайство об избрании меры пресечения. Фактически, с учетом времени на конвоирование и организационные вопросы, у следователя остается менее 40 часов. В случае выхода задержания на праздничные или нерабочие дни проблема усугубляется. Представляется целесообразным рассмотреть на законодательном уровне вопрос о возможности увеличения срока задержания до 72 часов в исключительных случаях, с четкой процессуальной регламентацией таких ситуаций.

Нарушение права на юридическую помощь при задержании продолжает оставаться системной проблемой. Практика демонстрирует случаи формального подхода к обеспечению данного конституционного права, когда предоставление защитника осуществляется для «галочки» без реального обеспечения конфиденциальности и эффективности защиты. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, показания подозреваемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные им в суде, являются недопустимыми доказательствами. Это прямое процессуальное последствие, направленное на исключение из дела доказательств, полученных с нарушением закона.

Основания освобождения подозреваемого перечислены в ст. 94 УПК РФ. К ним относятся: неподтверждение подозрения, отсутствие оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и нарушение требований ст. 91 УПК РФ при задержании. Проблема заключается в том, что освобождение по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 94 УПК РФ (отсутствие оснований для заключения под стражу), не влечет автоматически прекращения уголовного преследования. Лицо может сохранять статус подозреваемого, а к нему может быть применена иная, более мягкая мера пресечения. Это создает правовую неопределенность.

В случае же незаконного задержания лицо приобретает право на реабилитацию и возмещение вреда в соответствии со ст. 133 УПК РФ. Однако, как справедливо отмечает А.В. Ольшевский [3], название ст. 94 УПК РФ «Основания освобождения подозреваемого» не вполне точно отражает ее содержание, так как на момент освобождения лицо может иметь уже статус обвиняемого. В связи с этим предлагается использовать в названии и тексте статьи термин «задержанный», что будет более точно и универсально.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в реализации процессуальных последствий задержания подозреваемого. Для их решения представляется необходимым:

- четко определить в УПК РФ процедуру доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, и момент начала исчисления срока задержания;
- рассмотреть вопрос о дифференциации сроков задержания, в том числе о возможности их продления до 72 часов в исключительных, строго оговоренных законом случаях (например, при необходимости производства сложных следственных действий в нерабочие дни;
- закрепить в ст. 94 УПК РФ термин «задержанный» вместо «подозреваемый» для унификации и точности правового регулирования;
- внедрить обязательную аудио- и видеозапись всех процессуальных действий, связанных с задержанием, включая доставление и составление протокола;
- усилить роль суда при проверке законности задержания, в том числе при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, уделяя особое внимание соответствию времени фактического задержания и времени, указанному в протоколе;

– ужесточить процессуальные последствия нарушения права на защиту, безусловно исключая из дела любые доказательства, полученные в период незаконного ограничения этого права.

Реализация предложенных мер будет способствовать достижению баланса между интересами эффективного уголовного преследования и незыблемости прав и свобод личности, что является основой правового государства.

Список литературы:

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс : официальный сайт компании «КонсультантПлюс» – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.10.2025).

2. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Ингушетия от 11.11.2014 по делу №22К–183/2014 // АКТОФАКТ: Архив судебных дел и решений. – URL: <https://actofact.ru/>. (дата обращения: 15.10.2025)

3. Ольшевский, А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно–процессуального принуждения: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Науч. рук. А.П. Гуляев; Московский университет МВД России. – М., 2006. – 211 с.

СТРУКТУРА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Зобнина Кристина Сергеевна, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: kristina.zobnina.98@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна,

доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы, связанные с содержанием и формой приговора в судебных процессах. Автор указывает на основную проблему – отсутствие единых стандартов и критериев при составлении приговоров и приводит примеры случаев, когда приговоры были неправильно составлены, что и привело к обжалованию и пересмотру дел. Далее автор обращает внимание на важность четкого и ясного изложения в приговоре. Отсутствие ясности в приговоре может вызывать различные толкования, что негативно отражается на доверии к судебной системе.

Ключевые слова: приговор, форма приговора, содержание приговора, актуальные проблемы, трактование, общество

На законодательном уровне для оправдательного и обвинительного приговора предусмотрены аналогичные правила и требования к его структуре. Структура приговора состоит из вводной, описательно–мотивировочной и резолютивной части. [1]

Вводная часть приговора должна строго соответствовать ст. 304 УПК РФ с указанием следующий сведений:

- постановление приговора от имени Российской Федерации;
- дата и место постановления приговора;
- рассмотрение дела в открытом или закрытом судебном заседании;
- наименование и состав суда, секретарь судебного заседания и данные о присутствующих участниках процесса;
- характеризующие сведения о личности подсудимого, наличие или отсутствие судимостей, смягчающие и отягчающие обстоятельства;
- существо инкриминируемого деяния. [2]

Основной отличительной чертой вводной части апелляционного приговора является указание на повод апелляционного рассмотрения и на суд первой инстанции постановивший обжалуемый приговор. [3]

Описательно–мотивировочная и резолютивная части оправдательного и обвинительного приговора имеют уже разное содержание и регулируются разными нормами УПК РФ. В описательно-мотивировочной части оправдательного приговора дополнительно указываются основания для оправдания подсудимого с предъявлением на обоснованные и подтверждающие доказательства; мотивированные выводы суда опровергающие выводы стороной

обвинения. Относительно обвинительного приговора, описательно-мотивировочная часть содержит описание события преступления и предъявленного обвинения к подсудимому с подробным описанием преступного деяния, которое признается доказанным стороной обвинения (ст. 307 УПК РФ). Кроме того, в данной части суд указывает на наличие смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, в том числе суд разрешает вопрос, связанный с назначением и отбыванием наказания, освобождения от наказания или от его отбывания, применение дополнительного наказания и иные вопросы, предусмотренные ст. 309 УПК РФ. При разрешении любых вопросов суду необходимо указывать конкретные и мотивированные доводы, по которым он пришел к данному выводу. [4]

Основным отличием описательно-мотивировочной части апелляционного обвинительного приговора является указание на характер допущенных нарушений, которые не представляется возможным устранить путем внесения изменения.

Например, согласно судебному решению суда апелляционной инстанции, судом первой инстанции, вопреки требованиям УПК РФ, при принятии решения не было указано место совершения преступления. Принимая во внимание, что обвинительное заключение в отношении В. содержит не только описание совершенного им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 158 УК РФ, но и место его совершения, что является основанием для отмены постановленного приговора суда первой инстанции. Руководствуясь ст. 389.23 УПК РФ, суд апелляционной инстанции полагает возможным устранить допущенное нарушение закона и постановить новое судебное решение без направления уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. [5]

Однако, в ходе апелляционного рассмотрения в описательно-мотивировочной части решения, также могут быть приведены мотивы, по которым суд доводы стороны защиты опровергает, в связи с тем, что допущенных нарушений судом первой инстанции не имеется или допущенные нарушения не являются существенными, поскольку могут быть устранены в ходе судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции. Например, вопреки доводам стороны защиты, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что цели и задачи наказания, с учетом личности осужденного, характера и степени общественной опасности совершенного им преступления, могут быть достигнуты только при назначении наказания в виде лишения свободы, с применением положений ч. 2 ст. 68 УК РФ, обоснованно не усмотрев никаких оснований для применения положений, предусмотренных ч. 6 ст. 15; ст. 53.1; ст. 64 и ст. 73 УК РФ, о чем в приговоре приведены соответствующие мотивированные суждения, с которыми судебная коллегия полностью соглашается.

Кроме того, при обосновании законности постановленного приговора, суд апелляционной инстанции может указать, что все изложенные в приговоре мотивы и доказательства, согласуются между собой. Оценка доказательствам, дана верная, в соответствии с требованиями УПК РФ и каких-либо противоречий, ставящих под сомнение выводы суда о причастности осужденного к указанному преступлению, судебной коллегией не установлено. Вследствие изложенного, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что все имеющие значение по

делу фактические обстоятельства установлены в полном объеме и им в приговоре дана надлежащая юридическая оценка, квалификация действия И. дана верная, о чем в описательно–мотивировочной части приведены подробные мотивы и выводы суда, с которыми судебная коллегия соглашается в полном объеме. [6]

Описательно–мотивировочная часть обвинительного приговора, постановленного в особом порядке, регламентированного гл. 40 и гл. 40.1 УПК РФ имеет существенные отличия. В данном случае необходимо указать, что инкриминируемое обвинение подтверждается собранными по делу доказательствами, а подсудимый согласен с ним в полном объеме (является основным и главным значением). [7] В данном случае незначительное отклонение от объема предъявленного обвинения, допускается, но только если для этого не требуется исследование доказательств и фактические обстоятельства не изменяются. [8] В соответствии с гл. 40.1 УПК РФ необходимо указывать о надлежащем соблюдении условий подсудимого взятых на себя обязательств, а также какое содействие было оказано подсудимым с приведением результатов (ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ). [9]

В резолютивной части оправдательного и обвинительного приговора суд указывает основные сформулированные выводы по результатам рассмотрения уголовного дела по существу. [10]

В резолютивной части обвинительного приговора указываются сведения о подсудимом, с признанием его виновным с указанием на конкретную санкцию статьи Особенной части УК РФ. Устанавливается конкретный вид и размер назначенного наказания, а также решение о необходимости применения дополнительного вида наказания. В случаях совершения лицом нескольких преступлений, за которые он ранее не был осужден, в первую очередь назначается наказание за каждое преступление, и после этого путем частичного сложения назначается окончательное наказание (по совокупности преступлений – ст. 69 УК РФ). В случае, если ранее в отношении подсудимого было вынесено судебное решение, однако наказание им неотбыто до конца в полном объеме, то суд путем частичного или полного присоединения неотбытой части назначает окончательное наказание (по совокупности приговоров – ст. 70 УК РФ). При назначении наказания в виде лишения свободы, необходимо указать конкретный вид исправительного учреждения и его режим. Например, вид исправительного учреждения для отбывания наказания в отношении Р. в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ была назначена колония–поселение. В случае применения ст. 73 УК РФ, суду необходимо без указания вида исправительного учреждения установить период испытательного срока, с возложением на подсудимого определенных обязанностей и запретов.

Кроме того, указывается о разрешении дополнительных вопросов в ходе судебного заседания: о зачете времени содержания под стражей, домашним арестом, длительности помещения в медицинский или психиатрический стационар; срок начала исполнения наказания; решение по гражданскому иску, судьбы вещественных доказательств, распределении процессуальных издержек и разъяснении о порядке и сроках обжалования приговора и возможности принимать участие в суде апелляционной инстанции. В случае наличия основания

для освобождения подсудимого в соответствии со ст. 24 УПК РФ, суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания.

Таким образом, подводя итог вышесказанного, необходимо обратить внимание, что приговор суда первой или апелляционной инстанции должен быть постановлен в строгом установленном порядке и в соответствии с УПК РФ. В судебной практике за редкими исключениями постановляется апелляционной приговор, поскольку в основном приговор отменяется, а уголовное дело возвращается в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение в ином составе суда со стадии судебного разбирательства. В случаях, когда приговор суда подлежит оставлению без изменения или в его содержание вносятся несущественные изменения, то выносится апелляционное постановление (в случае рассмотрения дела единолично судьей) или апелляционное определение (в случае рассмотрения дела судебной коллегией – в составе 3 судей).

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Консультант Плюс: Законодательство [сайт]: – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.10.2025).

2. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Консультант Плюс: Законодательство [сайт]: – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.10.2025).

3. Сухова, О.А. Форма, структура и содержание итоговых решений суда апелляционной инстанции по уголовным делам / О.А. Сухова, М.А. Феофанова // Огарёв–Online. 2022. №1 (170) [электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 26.10.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Консультант Плюс: Законодательство [сайт]: – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.10.2025).

5. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 17.02.2024 № 22–3123/2024 // Судакт. Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]: – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 26.10.2025).

6. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 25.02.2025 № 22–12/2025 // Судакт. Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]: – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.04.2025).

7. Машинникова, Н.О. Особенности рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40. 1 УПК РФ / Н.О. Машинникова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. №2 [электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

8. Епихин, А.Ю. Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве / А.Ю. Епихин, И.А. Тарханов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №4 (40) [электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

9. Хутько, Г.А. Некоторые особенности судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Г.А. Хутько // Инновационная наука. 2016. №2–3 (14) [электронный ресурс]: – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.04.2025).

10. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 11.01.2025 № 22–2/2025 // Судакт. Судебные и нормативные акты РФ [электронный ресурс]: – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 28.04.2025).

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Игнатенко Владимир Александрович, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: ignatenko.well@mail.ru

Аннотация. В статье поставлена проблема, обусловленная увеличением количества преступлений в отношении лиц старших возрастных групп. В связи с этим, возникла объективная необходимость на ужесточение уголовной ответственности для субъектов данных преступлений. Автор предлагает и обосновывает необходимость включения в перечень обстоятельств, отягчающих наказание введение дополнительных категорий потерпевших – «лицо старческого возраста» и «пожилое лицо, страдающее физическими, психическими заболеваниями либо когнитивными расстройствами личности».

Ключевые слова: общество, государство, пожилое лицо, старческий возраст, когнитивные расстройства, деменция, безопасность, правовая защита, уголовная ответственность, ужесточение наказания

*«Отношение к людям старшего поколения –
один из важнейших показателей
морального состояния общества»*

В.В. Путин

Анализ качественного состояние любого общества, на любом историческом этапе его развития, можно сделать по отношению к лицам пожилого и старческого возрастов.

В связи с этим, с прискорбием следует констатировать, что современное общество находится в наиболее плачевном состоянии, учитывая, что в настоящее время требуются серьезные вмешательства со стороны государства, направленные на актуализацию государственной политики по «социальной защите граждан пожилого возраста» [14, с. 543].

Также И.Ю. Верзунов отмечает, что в связи с возрастными изменениями «граждане пожилого возраста превращаются из кормильцев... в потребителей», что изменяет их положение в семье и обществе, делая уязвимыми [5, с. 173].

А в контексте проблемы повального «старение населения» современных стран, именуемых себя «развитыми» и «цивилизованными», отношение общества к людям старшего поколения выглядит удручающе.

Так, А.Е. Сушкова, анализируя доклад Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), вышедший в 2021 году под названием «*Станет ли старение населения концом социального государства?*», справедливо замечает, что авторов доклада беспокоит не проблема того, что

люди детородного возраста не желают рожать, а опасения того, что государства не выдержат прогнозируемой нагрузки «расходов на здравоохранение», из-за «уменьшения доли трудоспособного населения» [12, с. 173].

На этом фоне, особую обеспокоенность вызывает стремительное увеличение количества преступлений, совершаемых в отношении лиц старших возрастных групп на всей территории современной России.

В частности, в последнее время отмечается значительное увеличение количества преступлений в отношении людей пожилого и старческого возрастов, связанных с телефонным мошенничеством [2], мошенническими действиями в банковской сфере [3], внутрисемейным насилием [10] и по другим видами преступных посягательств на них.

Также, отмечается, что за последние пять лет в ряде регионов страны, уже каждое двенадцатое преступление совершается в отношении лиц старше 60 лет, и при этом данный статистический показатель продолжает расти. [3]

По этому поводу Н.Н. Красовская предлагает решать проблемы, связанные с безопасностью пожилых людей, посредством «совершенствования законодательной базы» [9, с. 66].

В связи с этим, актуальность данной научной статьи обусловлена необходимостью незамедлительного принятия мер по обеспечению правовой защищенности лиц старших возрастных групп посредством ужесточения уголовного наказания в отношении субъектов преступных деяний, посягающих на жизнь, здоровье, имущество лиц пожилого и старческого возрастов.

Прежде чем перейти к непосредственной проблеме, обусловленной темой исследования, следует сослаться на норму, устанавливающую деление лиц по возрастным группам.

Так, согласно возрастной классификации ВОЗ, люди в возрасте с 60 до 75 лет относятся к людям *пожилого возраста*, с 75 до 90 лет – к людям *старческого возраста* и старше 90 лет – к *долгожителям* [6].

По авторитетному мнению исследователей, у людей после 60 лет более интенсивно идет процесс старения, обусловленный ярко выраженными когнитивными расстройствами личности.

В частности, Н.Н. Красовская указывает, что «процесс старения связан с изменениями, происходящими в организме, ведущими к ослаблению биологических и социальных функций человека, к обострению... тяжелых заболеваний. Для любого стареющего человека характерны изменения со стороны центральной нервной системы, что приводит к снижению... памяти и утрате некоторых навыков» [9, с. 64].

Помимо этого, отмечено, что основным заболеванием лиц пожилого и старческого возрастов является «деменция – синдром, при котором происходит деградация памяти, способности мыслить, ориентироваться, рассуждать».

При этом, несмотря на попытки государства, направленные на усиления «защиты прав пожилых людей, эта группа по-прежнему остается уязвимой», сталкиваясь с жестокостью как со стороны общества, так и со стороны членов своих собственных семей. Эта же возрастная группа наиболее уязвима «перед криминальным миром» [11, с. 90–91].

Исходя из изложенных мнений, следует констатировать, что в связи с возрастными изменениями когнитивных функций, состояние сознания лиц старческого возраста, а в ряде случаев и лиц пожилого возраста, приближено к уровню сознания малолетнего ребенка, что, в свою очередь, требует незамедлительного вмешательства со стороны государства посредством внесения изменений в действующее уголовное законодательство.

Так, в целях защиты прав и законных интересов представителей старших возрастных групп, считаю необходимым внести дополнения и изменения в действующую редакцию Уголовного кодекса РФ, расширив перечень обстоятельств, отягчающих наказание виновного.

В целом, о несовершенстве данного перечня, а также о его несоответствии реалиям настоящего времени обстоятельно изложено в трудах современных научных и практикующих работников Д.М. Адылина, А.В. Белякова, А.В. Мусалевой, К.А. Шишкиной [1], В.А. Бугаева, В.В. Савич [4], Т.В. Кириенко [7], С.А. Костюк, О.И. Лубягина [8], Д.А. Шамьянова [15], Э.Г. Шкредовой [16] и др.

Так, в действующей редакции Уголовный кодекс РФ, в числе обстоятельств, отягчающих наказание виновного, согласно пункту «з» части 1 статьи 63, указываются особенности правового статуса личности потерпевшего, к которым отнесены следующие:

- очевидное для виновного состояние беременности потерпевшей;
- малолетний возраст потерпевшего;
- беззащитность и беспомощность потерпевшего;
- нахождение потерпевшего «в зависимости от виновного» [13].

Видимо первоначально законодатель предусматривал, что к категориям «беззащитные или беспомощные лица» в первую очередь будут отнесены люди престарелого возраста. Однако, непосредственно, в ходе правоприменительной деятельности, вследствие отсутствия четких критериев для категорий «беспомощное лицо» и «беззащитное лицо», органами дознания и предварительного следствия данные обстоятельства, в качестве обстоятельства, отягчающих наказание виновному, фактически не указываются.

Более того, в качестве беспомощных и беззащитных лиц в силу возраста не признаются даже лица старческого возраста, в связи с тем, что их «беспомощность» можно установить лишь в ходе медико-социальной экспертизы, а «беззащитность» может быть легко опровергнута позицией стороны защиты, например, фактом наличия взрослых детей у потерпевшего. При этом такая категория как «пожилое лицо» остается вовсе вне рамок действующего правового поля, лишённое справедливой правовой защиты.

В связи с этим, обоснованно считаем, что ныне существующих мер уголовно-правовой защиты потерпевших явно недостаточно, в связи с чем предлагаем расширить указанный перечень обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, внося в него в качестве потерпевших еще две категории «лицо старческого возраста» и «лицо пожилого возраста».

Предлагаем считать «лицо старческого возраста» как объект преступных посягательств, нуждающийся в безоговорочной правовой защите на основании,

исключительно, своего возраста, а «лицо пожилого возраста» лишь при условии, если оно фактически страдает физическим, психическим заболеванием либо когнитивным расстройством личности. При этом наличие или отсутствие данных заболеваний либо когнитивных дисфункций необходимо включать в обязательный предмет исследования личности потерпевшего.

В связи с этим, считаем необходимым внести изменения в пункт «з» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса РФ, дополнив его после слов «малолетнего», словами «лица старческого возраста и пожилого лица, страдающего физическими, психическими заболеваниями либо когнитивными расстройствами личности».

Представляется, что данная мера полностью соответствует целям и задачам государства в обеспечении безопасности лиц старших возрастных групп по защите их от преступных посягательств, обусловлена запросами общества в условиях современных вызовов и направлена на соблюдение прав и свобод человека и гражданина в нашей стране.

Список литературы:

1. Адылин, Д.М. К вопросу о совершенствовании перечня обстоятельств, отягчающих наказание / Д.М. Адылин, А.В. Беляков, А.В. Мусалева, К.А. Шишкина // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 478–480.

2. Ананченкова, П.И. Роль цифровой социализации пожилых людей в защите от телефонного мошенничества / П.И. Ананченкова, И.А. Тюрин, К.К. Макарова // Цифровая социализация. – 2024. – Т. 4. – № 4. – С. 22–32.

3. Белякова, С.В. Создание правовых механизмов защиты лиц пожилого возраста от мошеннических действий в банковской сфере / С.В. Белякова, Н.И. Рудчева, А.С. Колотова // Наука и Образование. – 2023. – Т. 6. – № 2.

4. Бугаев, В.А. Обстоятельства, отягчающие наказание: отдельные проблемы / В.А. Бугаев, В.В. Савич // Уголовно–правовые и криминалистические направления противодействия преступности. Сборник материалов международной научно–практической конференции профессорско–преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2024. – С. 44–49.

5. Верзунов, И.Ю. Правовая защита граждан пожилого возраста: модель обратной защиты / И.Ю. Верзунов // Наука и современность. – 2016. – № 44. – С. 172–176.

6. Возрастная классификация Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://agesecrets.ru/vozrast/vozrastnaya-klassifikatsiya-vsemirnoj-organizatsii-zdravooohraneniya>. (дата обращения 18.10.2025).

7. Кириенко, Т.В. Обоснованно ли ограничение учета обстоятельств, отягчающих наказание при индивидуализации судом наказания / Т.В. Кириенко // Современная нака: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XXV Международная научно–практическая конференция: в 2 ч. – Пенза, 2022. – С. 99–101.

8. Костюк, С.А. Расширение перечня обстоятельств, отягчающих наказание: вопрос эффективности и необходимости / С.А. Костюк, О.И. Лубягин // Научное пространство: результаты исследований и открытий. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно–практической конференции. – Анапа, 2025. – С. 35–42.

9. Красовская, Н.Н. Социально-психологические особенности пожилых людей и меры по их социальной защите / Н.Н. Красовская // Социальная работа в современном мире: науки, образования и практики. Материалы VIII Международной научно–практической конференции. Красноярск, 2016. – С. 64–69.

10. Пучков, П.В. Теоретическая модель защиты лиц пожилого возраста от внутрисемейного насилия / П.В. Пучков // Отечественный журнал социальной работы. – 2010. – № 2 (41). – С. 41–51.

11. Сидоренко, Д.О. Отдельные аспекты защиты людей пожилого и старческого возраста: зарубежный опыт / Д.О. Сидоренко, Е.О. Сидоренко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2023. – № 16. – С. 90–96.

12. Сушкова, А.Е. Социальная защита пожилых людей в контексте задач демографической политики / А.Е. Сушкова // Университеты XXI века: научное измерение. Материалы научной конференции научно–практических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2023. – С. 171–175.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Российская газета. – 2025. – № 238. – 20 октября.

14. Шабнова, Н.В. Социальная защита граждан пожилого возраста и инвалидов: проблемы правового регулирования / Н.В. Шабнов, Т.В. Шабнова // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам II Международной научно–практической конференции, посвященной 10–летней годовщине воссоединения Крыма с Российской Федерацией. – Симферополь, 2024. – С. 539–547.

15. Шамьянов, Д.А. Обстоятельства, отягчающие уголовное наказание: вопросы теории / Д.А. Шамьянов // Вестник науки. – 2025. – Т. 2. – № 6 (87). – С. 828–833.

16. Шкредова, Э.Г. Учет личности виновного и обстоятельства, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания / Э.Г. Шкредова // Журнал российского права. – 2016. – № 6 (234). – С. 134–142.

ПОНЯТИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА СУДОМ

Кондрашин Павел Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
email: PKondrashin78@mail.ru

Аннотация. Уголовное судопроизводство – это сложная и многогранная система, в которой переплетаются интересы государства, потерпевших и лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления. Обеспечение справедливого и законного процесса невозможно без гарантированной и эффективной реализации прав всех его участников. В связи с чем, понимание механизма реализации прав участников уголовного судопроизводства приобретает ключевое значение.

Ключевые слова: права и законные интересы, механизм реализации прав, участники уголовного судопроизводства, судебное разбирательство

Одним из основных элементов политики современных правовых государств является защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [1, с. 81–84; 2, с. 84].

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства определяется их правами и обязанностями. Однако права, в отличие от процессуальных обязанностей органов и должностных лиц, в чьем производстве находится дело, более уязвимы. Именно поэтому так важно обеспечить их реальное осуществление посредством специального механизма.

Необходимо определить, что такое механизм реализации прав участников уголовного судопроизводства. При этом, по мнению Л.В. Бертовского и Е.Н. Петухова следует обращать внимание на то, как законодатель формулирует понятия в уголовно–процессуальном законе [3, с. 63].

Так И.А. Рыжкова указывает, что под механизмом реализации одного из принципов уголовно–процессуального закона понимается комплекс правовых средств, гарантирующий соблюдение данного принципа, включающий в себя «общие правила, порядок производства и тактику отдельных следственных действий, а также систему взаимодействия участников уголовно–процессуальных отношений и иных лиц в их взаимосвязи с иными правовыми явлениями в сфере уголовного судопроизводства, под влиянием множества факторов» [4, с. 234].

Механизм реализации прав участников уголовного судопроизводства – это комплексная система правовых, организационных и процессуальных средств, направленных на обеспечение возможности осуществления и защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса на всех его стадиях. Это не просто декларация прав, закрепленных в Конституции РФ и

Уголовно-процессуальном законе, а совокупность конкретных действий, процедур и институтов, которые позволяют эти права реализовать на практике. Иными словами, это практическое воплощение прав, закрепленных в законе, в реальных действиях и решениях органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Механизм реализации прав участников уголовного судопроизводства состоит из нескольких взаимосвязанных элементов: правовая основа, включающая нормативно-правовые акты (Конституция РФ, УПК РФ и др.), уполномоченные органы (суд, органы предварительного расследования и т. п.),

Эффективный механизм реализации прав участников уголовного судопроизводства имеет огромное значение:

- для обеспечения справедливого и законного уголовного процесса, который гарантирует, что все участники процесса имеют равные возможности для защиты своих прав и законных интересов;

- для защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку предотвращает злоупотребления со стороны органов государственной власти и обеспечивает соблюдение основных прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ;

- для повышения доверия к судебной системе, так как укрепляет уверенность граждан в том, что их права будут защищены в случае совершения преступления;

- предотвращения судебных ошибок, что обеспечивается более тщательным и всесторонним рассмотрением уголовных дел, и как следствие снижение риска вынесения неправосудных приговоров.

Несмотря на наличие развитой правовой базы и институциональной структуры, в практике реализации прав участников уголовного судопроизводства существуют определенные проблемы: недостаточная осведомленность участников о своих правах, и соответственно в связи с этим невозможность их реализации; недостаточная эффективность процедуры обжалования действий и решений органов предварительного расследования, прокурора и суда.

Как указал Верховный Суд РФ в своем постановлении Пленума от 19 декабря 2017 г. № 51 «рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции в точном соответствии с установленным законом порядком, отвечающим критериям справедливого судебного разбирательства, служит надежной гарантией защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [5].

В заключение хотелось бы отметить, что механизм реализации прав участников уголовного судопроизводства является важнейшим элементом справедливого и законного уголовного процесса. Его эффективное функционирование требует постоянного совершенствования правовой базы, институциональной структуры и процессуальных гарантий, а также повышения правовой грамотности населения и квалификации сотрудников правоохранительных органов. Только в этом случае можно обеспечить

реальную защиту прав и законных интересов всех участников уголовного процесса и укрепить доверие к судебной системе.

Список литературы:

1. Бертовский Л.В. Защита прав и законных интересов участников судопроизводства как элемент уголовной политики государства / Л.В. Бертовский // Военно–правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – № 4(6). – С. 81–84.

2. Курбатова С.М. Психосоциальное сопровождение в уголовном процессе ФРГ как элемент обеспечения реализации прав лиц с ограниченными возможностями при производстве процессуальных действий с их участием / С.М. Курбатова // Актуальные вопросы российского судопроизводства: доказывание с использованием современных технологий: Материалы Всероссийской (национальной) научно–практической конференции, Красноярск, 21 октября 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 83–87.

3. Бертовский Л.В. Обязанности властных субъектов, обусловленные особенностями производства дознания по уголовному делу в сокращенной форме / Л.В. Бертовский, Е.Н. Петухов // Российско–азиатский правовой журнал. – 2024. – № 4. – С. 62–65.

4. Рыжкова И.А. Реализация принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий: уголовно–процессуальные аспекты и криминалистические рекомендации / И.А. Рыжкова // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности: Материалы II Национальной (всероссийской) научно–практической конференции, Красноярск, 27 октября 2023 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 233–237.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Доступ из справ.–прав. системы «КонсультантПлюс»

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ НА НЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Костылев Александр Анатольевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: kostilev_alex@mail.ru

Аннотация. Исследование фонограмм с разговорами и печатных текстов на русском языке уже давно используется для расследования различных преступлений. Однако проведение речеведческих экспертиз аналогичных объектов на нерусском языке до сих пор вызывает существенные трудности. В статье рассматриваются новые подходы, разрабатываемые Экспертно–криминалистическим центром МВД России для проведения фоноскопических и лингвистических экспертиз устных и письменных текстов на украинском языке с использованием уже имеющихся в распоряжении экспертных подразделений методик.

Ключевые слова: нерусская речь, украинская речь, фоноскопическая экспертиза, лингвистическая экспертиза

Голос и речь человека дают ему уникальную возможность обмениваться информацией с другими людьми, высказывать своё мнение, выражать чувства и эмоции, показывать отношение к различным событиям, происходящих в стране и мире. Вместе с тем, развитие технологий позволяет с одной стороны значительно проще передавать эту информацию, обмениваться ей с собеседниками, а с другой – фиксировать её в различной форме, предоставляя правоохранительным структурам отличные вещественные доказательства для расследования самых разных преступных проявлений. Конечно, прежде чем превратиться в вещественные доказательства, фонограммы устной речи и письменные тексты становятся объектами исследования различных речеведческих экспертиз – фоноскопической, лингвистической или автороведческой [1]. И если для исследования фонограмм и текстов на русском языке, благодаря самоотверженной работе ещё советских, а затем и российских учёных, были созданы уникальные методики, позволяющие решать большинство интересующих следствие вопросов, то аналогичные объекты, где присутствует нерусская речь, до сих пор вызывают затруднения для проведения полноценных судебных экспертиз.

Многонациональный характер нашей страны, развитие миграционных процессов обусловило появление этнических преступных сообществ, общение внутри которых происходит на своём родном, нерусском языке. Для исследования таких фонограмм в разное время предпринимались попытки разработок соответствующих экспертных решений, например, можно вспомнить об аппаратно–программных комплексах «Этнос». Эти комплексы, разработанные и созданные петербургским ООО «Центр речевых технологий» по заказу Федеральном службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН

России), позволяли проводить фоноскопические экспертизы по фонограммам с таджикской, узбекской, цыганской, азербайджанской, киргизской и литовской речью. Выбор языков обуславливался тем, что именно они чаще всего использовались среди этнических групп, занимавшихся наркоторговлей на территории России. После упразднения ФСКН использование этих комплексов в силу определённых причин было приостановлено. Помимо этого, специалисты ООО «Центр речевых технологий» создавали собственные уникальные разработки, позволяющие им проводить фоноскопические исследования практически на любых языках. Однако это требовало значительных временных и материальных затрат, и имело определённые ограничения, мешающие масштабированию этого опыта.

Помимо борьбы с общеуголовной преступностью, необходимость исследования фонограмм и текстов на нерусском языке стала особенно актуальной после начала Специальной военной операции на Украине и вхождения в состав Российской Федерации новых регионов. Необходимость противодействия деструктивной украинской пропаганде, террористическим угрозам и распространению фейков о действиях Российской армии и государственных органов на новых территориях, требует поиска подходов к исследованию устных и письменных текстов в первую очередь на украинском языке. Близость языковых систем русского и украинского языков, которая выражается в наличии общих черт в словарном запасе, фонетическом строе и грамматической структуре, существенно облегчает эту задачу. В настоящее время, Экспертно–криминалистический центр МВД России при участии территориальных экспертных подразделений разрабатывает методические подходы к фоноскопическому и лингвистическому исследованию такого рода объектов [2].

Анализ практики расследования уголовных и административных дел, где фигурируют фонограммы с разговорами или печатные материалы на украинском языке, показывает что такие объекты можно разделить на три типа:

1. объекты, содержащие только украинскую речь;
2. объекты, содержащие речь на украинском языке с элементами русской речи;
3. объекты, содержащие речь на русском языке с элементами украинской речи.

В большинстве случаев, сопоставимость лексики и сходство синтаксического строя русского и украинского языков позволяет работать с объектами третьего типа без особых затруднений. При поступлении объектов второго типа трудность для эксперта могут представлять ситуации когда в тексте встречаются слова, не имеющие аналога в русском языке по своему звуковому облику, например: «максимально распространять» будет «якогома розповсюджувати», либо аналог в русском языке воспринимается как устаревшее, ныне редко используемое слово: «дорога» – «шлях», «таким образом» – «таким чином». Кроме того, возможны ложные аналогии, когда русские слова близки по звучанию к украинским, но при этом имеют совершенно разные значения (Таблица 1).

**Таблица 1 Примеры аналогии русских и украинских слов,
близких по звучанию**

Украинское слово [звучание по-украински]	Правильный перевод на русский язык (созвучное слово в русском языке)
Квартирка [кватЫрка]	Форточка (созвучно с «квартИра»)
Город [горОд]	Огород (созвучно с «гОрод»)
Нежить [нЭжить]	Насморк (созвучно с «нЕжить»)
Жалоба [жалОба]	Граур (созвучно с «жАлоба»)

Помимо этого, нужно учитывать особенности написания украинских слов в письменной речи, а также есть специфика как в структуре предложения, так и в структуре словосочетаний, например: по-русски «подготовиться к чему-то» по-украински будет «подготовиться до чего-то». Практически отсутствуют характерные для русского языка причастные обороты, так «разыскиваемый преступник» правильнее перевести на украинский используя оборот с придаточным предложением – «злочинець, який перебуває у розшуку» («преступник, находящийся в розыске»).

В самых сложных случаях, когда на экспертизу поступают фонограммы или тексты только с украинской речью, исследование рекомендуется проводить экспертам, изучавшим украинский язык в рамках высшего, среднего или дополнительного образования и имеющими соответствующий документ (диплом об образовании).

Разработанные ЭКЦ МВД России рекомендации по исследованию объектов, содержащих украинскую речь, подразумевают следующий общий подход. Эксперты, проводящие исследование, помимо того, что должны быть аттестованы на право самостоятельного проведения фоноскопических и/или лингвистических экспертиз, также желательно должны обладать специальными знаниями в области украинского языка. При направлении на исследование текстов полностью или частично на украинском языке дополнительно предоставляется официальный перевод на русский язык. Далее, исходя из критериев пригодности прописанных в Типовой методике лингвистического исследования устных и письменных текстов (2008 г.), методических рекомендациях по лингвистической экспертизе текстов, ограниченно пригодных для исследования (2019 г.) и методических рекомендациях «Идентификация лиц по фонограммам речи с применением интерактивной системы, включающей новейшие методы и средства» (2021 г.), определяется практическая пригодность представленных объектов для исследования. Все вышеуказанные методики предназначены для текстов на русском языке и хотя украинский язык близок к русскому, тем не менее требуется адаптация некоторых положений методик.

При проведении фоноскопической экспертизы фонограмма признается полностью или частично пригодной для исследования только при наличии в ней достаточного объема реплик на русском языке. При этом, само проведение таких исследований становится возможным благодаря разработке и

практическому внедрению новейших методов, применяемых сейчас в дополнение к уже ставшим «классическими» подходам при идентификационных исследованиях, а именно фрагментного анализа голосового сигнала. Такой анализ позволяет работать с существенно меньшим количеством речевого материала. При полном отсутствии таких реплик или их незначительном количестве в настоящее время идентификационные фоноскопические исследования по таким фонограммам не проводятся.

При назначении лингвистической экспертизы эксперт с опорой на текст перевода оценивает соотношение в предоставленном исходном тексте (оригинале) элементов русского и украинского языка на лексическом, грамматическом, графическом и прочих уровнях. При достаточно большом уровне соответствия текст признается пригодным (или ограничено пригодным). В противном случае, текст также может быть исследован, но только экспертом, обладающим специальными познаниями в области украинского языка и наличием подтверждающих документов. В любом случае обязательным условием является смысловое понимание экспертом предоставленного оригинала текста, а не его перевода.

Проведение лингвистической экспертизы текста на украинском языке экспертом, не знающим этот язык, не представляется возможным даже при предоставлении официального перевода. Согласно методическим рекомендациям «при анализе переводного текста эксперт не решает вопрос, в какой мере текст аутентичен переводу, то есть выводы делаются по предоставленному тексту перевода без соотнесения с исходным текстом. Иными словами, перенос выводов по предоставленному тексту на исходный текст (не на русском языке) не допустим» [3, с. 1].

Таким образом, практическая возможность исследования объектов устной и письменной речи, реализованной полностью или частично на украинском языке, с применением соответствующих методик, уже имеющихся в распоряжении специалистов экспертных подразделений правоохранительных структур Российской Федерации, в каждом конкретном случае определяется в основном двумя факторами, во первых, характером и степенью смешения элементов русского и украинского языков, и, во-вторых, наличием экспертов с подходящим базовым и специальным образованием. Применение указанного подхода позволяет если не в целом, то хотя бы частично решить поставленную перед экспертным сообществом задачу проведения фоноскопических и лингвистических исследований таких объектов, используя проверенные временем и судебной практикой методические рекомендации для русской речи, адаптируя их под новые задачи.

Успешная апробация описанного алгоритма действий открывает возможность к проведению фоноскопических и лингвистических экспертиз по объектам, где присутствует устная и письменная речь на других, близких к русскому, языках.

Список литературы:

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно–криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России № 511 [Принят Министерством внутренних дел Российской Федерации 29 июня 2005 года]. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения 20.10.2025)
2. Громова, А.В. Методические подходы к исследованию объектов, содержащих речевую информацию на украинском языке, в рамках фоноскопических и лингвистических экспертиз: Информационное письмо / А.В. Громова, А.В. Ростовская, И.А. Михеева, П.А. Манянин. – Москва: ЭКЦ МВД России, 2024. – 14 с.
3. Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремисткой направленности (№ 11/П/2–183) / Одобрена и рекомендована к применению Национальным антитеррористическим комитетом (протокол от 12.02.2019). – Москва, 2019. – 14 с.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ
СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ**

Красильников Илья Алексеевич, слушатель
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: ilushunka@mail.ru,

Научный руководитель: Гарбуз Григорий Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: greg_g@inbox.ru

Аннотация. Внимание автора статьи сфокусировано на проблемных аспектах, касающихся расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, совершенных с использованием криптовалюты. Таких как: является ли криптовалюта предметом преступления, и какое у нее правовое определение, как вычислить участников преступлений в условиях анонимности, осуществить обучение сотрудников для расследования данных уголовных дел, и в чем заключается сложность доказуемости.

Ключевые слова: экономические преступления, легализация (отмывание) денежных средств, криптовалюта, цифровая валюта, предмет преступления

В век цифровых технологий и внедрения новых финансовых инструментов, с учетом темпов развития высокотехнологичного права [1, С. 3–14], легализация денежных средств и иного имущества, совершенная с использованием криптовалюты, становится особенно актуальной проблемой для финансовой системы России. С другой стороны, описываемый феномен определяет предметно–практические задачи для ученых, задействованных на поприще отраслей научного знания блока уголовно–правовых наук.

В соответствии с Федеральным законом от 07.08.2021 № 115–ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» под легализацией традиционно принято понимать процесс, при котором денежные средства или имущество, незаконно полученное в результате преступной деятельности, преобразуются в законный вид, благодаря которым ими можно свободно распоряжаться.

Под иным имуществом в соответствии Постановлением Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 понимается как движимое, так и недвижимое имущество, а также имущественные права, документарные и бездокументарные ценные бумаги и иное, полученное в результате переработки, имущество, приобретённое преступным путем или в результате совершения преступления.

Первая же проблема – что понимается под криптовалютой, ведь в российском законодательстве не дается правовое определение данному определению. Однако ФЗ от 31.07.2020 № 259–ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет за ней статус цифровой валюты [2]. Цифровая валюта – это совокупность электронных сведений, которые хранят в информационной базе и могут быть использованы как платежное средство. Согласно ч. 11 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к цифровой валюте не относятся безналичные денежные средства, электронные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги.

Таким образом, под криптовалютой понимается разновидность цифровой децентрализованной валюты, работающая в автоматическом режиме, не имеющей физического выражения и в основе, которой лежит механизм блокчейн. Это всего лишь цифровое значение, представляющее собой объем расчетных элементов. Оно фиксируется в предназначенном для этого месте пакета данных протокола обмена информацией.

Тогда следующий вопрос: является ли криптовалюта предметом преступления?

ПП ВС РФ от 07.07.2015 № 32, который отсылает на статью 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года, и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ разъясняет, что сама криптовалюта не является предметом преступления, однако денежные средства, преобразованные из криптовалюты – являются предметом преступления. Однако данный вопрос в научных кругах является достаточно дискуссионным, ведь как сам процесс перечислений, хоть и при помощи блокчейна, не может являться предметом?

Следующей проблемой является трудность установления субъекта использования криптовалюты. Ведь, во–первых, присутствует наибольшая латентность таких преступлений, а во–вторых, это анонимные переводы цифровой валюты при помощи механизма блокчейн, которые практически невозможно отследить. Так приговором Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края № 1–125/2025 от 13 марта 2025 года были осуждены два гражданина, которые получали денежные средства в ходе сбыта наркотических средств и легализовывали их при помощи криптовалюты Bitcoin. Сотрудниками был проведен анализ блокчейн–транзакций для отслеживания пути движения криптовалюты, выявляя закономерность, также помогли оперативно–розыскные мероприятия оперативных сотрудников, которые проанализировали переписки в мессенджере Telegram, где и были подтверждены сговоры о незаконных операциях [4].

Также проблемой будет являться переобучение сотрудников. Так как необходимы высококвалифицированные сотрудники, которые будут обладать необходимыми знаниями в сфере IT, а в условиях нехватки кадров в МВД

России по официальным данным на 1 ноября 2024 г. представителя МВД России Ирины Волк 18,8 % или 173.8 тысяч единиц от штатной численности [5]. То необходимы новые методы не только обучения, но и привлечения сотрудников для расследования столь сложных уголовных дел.

Таким образом, существует ряд существенных проблем, которые являются не единственными в своем роде, но из-за которых возникают различные ошибки или недопонимания при расследовании преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, совершенных с использованием криптовалюты. Однако российское законодательство стремительными темпами развивается, и виден положительный результат, поэтому некоторые из этих проблем только временные.

Список литературы:

1. Бертовский, Л. В. Высокотехнологичное право: Точка бифуркации / Л. В. Бертовский // Высокотехнологичное право: точка бифуркации : Материалы V Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва – Красноярск, 15–16 февраля 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2024. – С. 3–14.

2. Земцова, С.И. Криптовалюта как объект криминалистического исследования при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : учебное пособие / С.И. Земцова, П.В. Галушин, А.Л. Карлов. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – 104 с.

3. Приговор Центрального районного суда г. Читы (Забайкальского края) № 1–125/2025 от 13 марта 2025: [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d6QS9R6SGPJZ>.

4. Телеграм-канал официального представителя МВД России Ирины Волк: [сайт] URL: https://t.me/IrinaVolk_MVD/3009.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Кузьмин Павел Григорьевич, слушатель

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: pasha.kuzmin.0555@gmail.com,

Научный руководитель: Гарбуз Григорий Сергеевич,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: greg_g@inbox.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, способы совершения преступления, особенности каждого способа.

Ключевые слова: рубка, лесные насаждения, лесные ресурсы, повреждение, экологические преступления.

Наша страна богата лесными ресурсами, однако, это многообразие стало причиной формирования у человека потребительского отношения к природе и, как следствие, роста экологических преступлений. Так, по данным МВД России, за 2024 г. всего было зарегистрировано 1911258 преступлений, из них 13598 – экологических. При этом среди всех зарегистрированных экологических преступлений раскрыто лишь 7460 (т.е. почти половина остаются нераскрытыми, а преступники – фактически безнаказанными).[1]

На наш взгляд, очевидно, что для совершенствования работы правоохранительных органов по расследованию и раскрытию экологических преступлений необходимо внимательно изучить уголовно-правовую характеристику таких преступлений. В особенности следует уделить внимание такому преступлению, как незаконная рубка лесных насаждений.

В настоящее время спрос на древесину достаточно высок, в результате чего данный лесной ресурс обладает высокой стоимостью, что делает его привлекательным для преступников, стремящихся незаконно обогатиться. Помимо того, незаконная рубка лесных насаждений наносит существенный урон экономике нашего государства, причиняет серьезный и порой невосполнимый ущерб экологии. По некоторым данным, «ежегодно выбытие леса превышает его восстановление в среднем на 450 тысяч га».[2]

Статья 260 УК РФ предусматривает уголовное наказание за совершения рассматриваемого преступления. Объектом преступления является окружающая среда.

Предметом преступления по ст. 260 УК РФ признаются лесные насаждения – деревья, кустарники и лианы, растущие как в лесу, так и вне его. Однако действие статьи не распространяется на древесно-кустарниковую растительность:

- а) на землях сельхозназначения (кроме защитных лесополос);
- б) на придомовых и дачных участках;
- в) на территориях, выделенных под ИЖС, личное подсобное хозяйство, садоводство и огородничество;
- г) в лесопитомниках и питомниках сельскохозяйственных культур.

Кроме того, статья, как правило, не применяется к деревьям, поваленным ветром, буреломным и сухостою, если иное прямо не установлено законом.

В контексте уголовного законодательства Российской Федерации, лесные насаждения определяются как деревья, кустарники и лианы, произрастающие как в лесных массивах, так и за их пределами, включая насаждения в парках, аллеях и отдельные деревья, высаженные в городской черте.

Криминализируемые деяния в диспозиции ст. 260 УК РФ реализуются посредством рубки лесных насаждений. Легальная дефиниция рубки в рамках уголовно–правового регулирования включает в себя два взаимосвязанных компонента:

Валка деревьев, кустарников, лиан – их отделение от корневой системы (спиливание, срубание, срезание).

Сопутствующие технологические процессы – трелёвка, первичная обработка, хранение древесины в границах лесной территории, приводящие к образованию лесоматериалов (хлыстов, сортиментов).

Таким образом, законодатель конструирует состав преступления как формально–материальный, где уголовная ответственность наступает не только за сам акт валки, но и за последующие действия с древесиной, свидетельствующие о доведении преступного умысла до конца. Незаконной признается рубка, осуществляемая в нарушение установленных законодательных требований.

Помимо рубки статьей предусматривается и повреждение лесных ресурсов. Повреждение лесных насаждений или деревьев, кустарников и лиан, не относящихся к лесным насаждениям, до степени прекращения их роста. Данное действие подразумевает нанесение такого ущерба, который делает невозможным дальнейшее развитие и жизнеспособность растительности. В настоящее время лесное законодательство РФ предусматривает виды рубок лесных насаждений, однако, в нем не содержится ни видов, ни признаков именно незаконных рубок. В этой связи анализируем классификацию незаконных рубок, предлагаемую различными авторами, а также приведем собственную классификацию.[3]

По методу реализации незаконной рубки лесных насаждений можно выделить следующие виды:

- а) незаконное спиливание;
- б) незаконное срубание;
- в) незаконное срезание;
- г) незаконная валка.

В.А. Бельков предлагает альтернативную классификацию незаконных рубок, основанную на критерии наличия и правомерности сопроводительной

документации. Согласно его подходу, незаконные рубки подразделяются на следующие категории:

а) Рубки, осуществляемые при полном отсутствии разрешительной документации.

б) Рубки, совершаемые на основании использования фальсифицированных (поддельных) разрешительных документов.

в) Рубки, производимые при наличии разрешительной документации, но с существенными нарушениями условий и требований, изложенных в данных документах.

г) Рубки, санкционированные надлежащей разрешительной документацией, однако в которую должностными лицами лесохозяйственных и иных уполномоченных органов были намеренно внесены искаженные сведения, преследующие интересы лесозаготовителя.

При этом автор отмечает, что последний способ представляет собой наибольшую общественную опасность, т.к. приводит к нарушению законного порядка функционирования системы органов власти и местного самоуправления. [4]

Анализ способов совершения незаконных рубок позволят авторам прийти к выводу о том, что видами незаконных рубок могут быть:

а) рубки, связанные с обманом – которые осуществляются с использованием намеренно неверно составленных документов, или же их подменой, а также рубки, производимые при помощи разных ухищрений и т.д.

б) рубки, проводящиеся без разрешительных документов.

Таким образом, существует несколько классификаций незаконных рубок лесных насаждений. Критериями этих классификаций могут быть: способ, метод реализации незаконной рубки, наличие разрешительных документов.

Подводя итог вышесказанному следует сказать, что количество преступлений в сфере незаконной рубки леса постоянно повышается, положения ст. 260 УК РФ конкретизируют большое количество способов совершения данного преступления.

Список литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328>

2. Абрамченко заявила о необходимости восстановления более 35 млн га леса // Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/3095184>

3. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 15.12.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/

4. Бельков, В. А. Способ совершения незаконной рубки лесных насаждений как элемент криминалистической характеристики преступления / В. А. Бельков // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – №3 (45). – С. 15–19.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Курбатова Светлана Михайловна, доктор юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые тенденции развития современного российского уголовного судопроизводства, в контексте анализа научных трудов в области уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, эволюция, тенденции развития, уголовный процесс

Вопросы, связанные с дальнейшим эволюционированием российского уголовного судопроизводства, имеют как теоретическое, так и практическое значение. Особенно актуальными они стали в свете недавнего юбилея со дня принятия в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), когда подводились итоги 20-летия действия УПК РФ и многие ученые рассуждали о тенденциях дальнейшего изменения российского уголовно-процессуального законодательства.

Изучение многочисленных трудов авторов, занимающихся исследованиями в сфере уголовного судопроизводства, позволили выявить следующие закономерности:

– Многие труды посвящены проблемам совершенствования действующего УПК РФ, но, так сказать, локально и точно. Это предложения по изменению отдельных институтов [6, 7], производства следственных и иных процессуальных действий [12], процессуального статуса участников уголовного судопроизводства [8] и т.п.

– Актуальной в настоящее время стала тематика по цифровизации отраслей и сфер российского государства и общества; не стало исключением и уголовное судопроизводство. Одним из первых комплексно подошел к рассмотрению данного вопроса профессор Л.В. Бертовский в своих трудах о технологии блокчейна в уголовном процессе как элементе уголовного судопроизводства [3], о проблемах становления цифрового судопроизводства [2, 4], о высоких технологиях в уголовном судопроизводстве [2] и др. Разные аспекты цифровизации рассмотрены профессорами О.В. Качаловой (электронное уголовное дело [11], искусственный интеллект [10], стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве [9] и др.), Л.Н. Масленниковой [13] и др.

– Все больший интерес вызывают социальные аспекты, лежащие в основе уголовно-процессуальной деятельности. Об этом свидетельствуют труды профессоров Л.А. Воскобитовой, рассматривающей уголовное судопроизводство как социальную технологию [5], В.В. Николюка,

рассуждающего о значимости психологизации уголовного судопроизводства [14], И.Г. Смирновой и Е.В. Марковичевой, отмечающих социальный аспект назначения уголовного судопроизводства [15] и др.

При этом можно говорить и о многих иных уголовно–процессуальных направлениях, по которым проводят свои научные изыскания ученые. Вышеприведенные выделены на основе вызванного внимания со стороны автора – как инновационные и социально значимые.

Список литературы:

1. Бертовский, Л. В. Высокие технологии в цифровом судопроизводстве как эффективное средство борьбы с экстремизмом и терроризмом / Л. В. Бертовский // Национальная политика в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму как условие обеспечения единства российской нации и гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений : Сборник материалов II Всероссийской научно–практической конференции с международным участием, Абакан, 18 октября 2019 года / Научный редактор Н.А. Никиташина. Ответственный редактор В.Н. Козлова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2019. – С. 278–281.

2. Бертовский, Л. В. Развитие уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общественных отношений / Л. В. Бертовский // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : Сборник научных трудов Международной научно–практической конференции, Москва, 12 ноября 2021 года / Под редакцией О.В. Химичевой. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 194–197.

3. Бертовский, Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства / Л. В. Бертовский // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 6. – С. 226–230.

4. Бертовский, Л. В. Цифровое судопроизводство: проблемы становления / Л. В. Бертовский // Проблемы применения уголовного и уголовно–процессуального законодательства : Сборник материалов международной научно–практической конференции, Симферополь, 19–20 апреля 2018 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 173–178.

5. Воскобитова, Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология / Л.А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. – 2021. – № 2. – С. 6–17.

6. Головкин, Л. В. Институт преюдиции в уголовном процессе Франции: к российским дискуссиям / Л. В. Головкин // Закон. – 2022. – № 9. – С. 86–101.

7. Головкин, Л. В. Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы / Л. В. Головкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 7. – С. 22–25.,

8. Качалов, В. И. Ненадлежащие субъекты получения доказательств / В. И. Качалов // Российское правосудие. – 2023. – № 4. – С. 82–86.

9. Качалова, О. В. Европейские стандарты применения информационных технологий в судопроизводстве в условиях современных вызовов и угроз / О. В. Качалова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1(67). – С. 101–115.
10. Качалова, О. В. Искусственный интеллект в правосудии – светлое будущее с оговорками / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2020. – № 10(190). – С. 8.
11. Качалова, О.В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // О.В. Качалова, Ю.А. Цветков // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 95.
12. Манцурова, Л.А. Производство допроса, предшествующего предъявлению для опознания : монография / Л. А. Манцурова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 140 с.
13. Масленникова, Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / Л. Н. Масленникова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10 (74). – С. 52–65.
14. Николук, В.В. К вопросу о «психологизации» уголовного судопроизводства: от педагога к психологу / В.В. Николук // 20 лет действия уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы. Тезисы докладов и сообщений международной научно–практической конференции. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2022. – С. 33–37.
15. Смирнова, И. Г. Социальный аспект назначения уголовного судопроизводства: к вопросу о пределах его действия / И. Г. Смирнова, Е. В. Марковичева // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 44. – С. 71–80.

**ОТСУТСТВИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ
ОТ УПЛАТЫ ДОЛГА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА
ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ЛИСТУ: ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ
И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Лопалева Ольга Юрьевна, магистрант
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
e-mail: o.lopaeva@mail.ru

Аннотация. В современном обществе судебная система играет ключевую роль в защите и восстановлении нарушенных прав граждан и организаций. Однако процесс этой защиты не заканчивается с вынесением судебного решения. Напротив, он лишь переходит к следующей фазе – реализации этого решения на практике. В центре данной проблемы стоит вопрос исполнения судебных решений, а также гарантии того, что взыскатель получит реальное удовлетворение своих требований.

Ключевые слова: неисполнение судебных решений, защита прав граждан и организаций, судебная система, уголовная ответственность, служба судебных приставов, принудительное исполнение судебных актов

Как актуальна в наше время цитата французского философа и ученого Блеза Паскаля: «Справедливость без силы беспомощна; сила без справедливости деспотична»; «бессильной справедливости противятся, ибо всегда есть дурные люди». Это говорит о том, что справедливость, лишённая поддержки силы, подобна лодке без вёсел – она не может двигаться вперёд. А сила без справедливости похожа на бурный поток, который может выйти из берегов и принести разрушение. Как верно замечает Б. Паскаль – создание системы, где справедливость и сила находятся в равновесии возможно через соблюдение законов, которые обеспечивают защиту прав человека и равенства перед законом.

Правовое государство в РФ обеспечивает защиту основных прав и свобод граждан, закреплённых в конституции и других законодательных актах. Игнорирование статьи 2 Конституции РФ при неисполнении судебных решений, ставит под сомнение саму основу правового государства.

В связи с отсутствием в Российском законодательстве уголовной ответственности за неисполнение судебного решения в отношении физических лиц, прямо указывают на слабость существующей системы обеспечения исполнения судебных решений, тем самым позволяя многим должникам избежать справедливого наказания. Это влияет на снижение социального доверия к судебной системе и праву в целом, что негативно сказывается на социальной стабильности и безопасности.

Нередко должники противодействуют исполнению решения суда: скрывают неофициальный заработок, ценные вещи, машины, недвижимость

переписывают на кого-то другого – это все указывает на отсутствие традиционных рычагов воздействия со стороны взыскателя и судебного пристава, что затрудняет процесс взыскания долга. А также работа самого судебного пристава оставляет желать лучшего. Недостаток инициативы и активности пристава в процессе взыскания долгов позволяет должникам оставаться безнаказанными.

Есть решение суда по взысканию долга, осталось только передать в работу судебным приставам, но взыскатель оказывается в положении, напоминающем марафонский забег, в котором каждый этап – новая бюрократическая инстанция. Приходится сталкиваться с чередой обращений и заявлений к судебному приставу–исполнителю на предмет наличия задолженности по исполнительному листу, а также жалоб на самого судебного пристава к вышестоящим должностным лицам. Это не только вызывает моральное истощение, но и может привести к значительным финансовым потерям.

Современное Российское законодательство не предусматривает ответственность за «тунеядство», позволяя трудоспособным должникам уклоняться от труда. Уголовное наказание за тунеядство отменили в 1991 году, когда приняли закон «О занятости населения» и ввели понятие безработных граждан. В случае, когда у должника отсутствуют имущество и банковские счета пусты, а также он не имеет официального места работы или регистрации в центре занятости населения, возникает коллизия между нормами права и реальной возможностью исполнения решения суда. Отсутствие в законе механизма принудительного трудоустройства усиливает эту проблему.

У службы судебных приставов на исполнении находится судебное решение, которое не исполняется, должник наказан, но наказание не несет, наказание остается лишь на бумаге, несмотря на то, что судебные постановления обязательны к исполнению для всех без исключения на всей территории РФ. Это порождает замкнутый круг, в котором федеральный орган исполнительной власти оказывается бессильным в действиях, чем провоцирует формирование культуры безответственности, когда физические лица могут систематически пренебрегать судебными решениями, зная, что серьезные юридические последствия их не ждут.

Статья 315 УК РФ, регулирующая неисполнение судебных актов, занимает особое место в российской правовой системе, однако не всегда удовлетворяет потребностям современного общества и имеет некоторые недостатки – это отсутствие точного определения термина «злостность деяния», а также довольно узкий состав субъектов, оставляя обычных граждан вне сферы данного вида ответственности. Уголовная ответственность по статье 157 УК РФ предусмотрена исключительно по семейным обязательствам и не охватывает долговые обязательства перед третьими лицами. Статья 177 УК РФ применима только к долгам свыше 3,5 млн. рублей.

Следует признать, что в Уголовном кодексе нет специальной статьи, которая бы предусматривала уголовную ответственность для данной категории должников. Тогда где искать защиту? Если не у государства.

Уклонение от исполнения судебного решения является грубым нарушением законодательства. Привлечение к уголовной ответственности за подобное поведение вполне обосновано, так как такое противоправное деяние подрывает авторитет судебной ветви власти, способствует повышению уровня ощущения безнаказанности.

В целях повышения эффективности исполнения судебных решений представляется актуальным рассмотреть вопрос о расширении сферы действия ч. 2 статьи 315 УК РФ на физические лица, которые имеют реальную возможность исполнить судебное решение, но не исполняют без уважительных причин, с установлением признаков, по которым будет определяться злостность уклонения от исполнения судебного решения, чтобы избежать произвольных трактовок и необоснованных обвинений.

Оптимизация и применение ч. 2 статьи 315 УК РФ, в том числе к физическим лицам, может стать мощным стимулом для погашения долгов. Серьёзность уголовной ответственности заставит должников более ответственно подходить к исполнению своих обязательств перед взыскателями, что позволит обеспечить защиту интересов граждан и организаций, чьи права часто остаются невыполненными. Эффективное применение данной статьи укрепит авторитет судебной системы, продемонстрирует обществу, что судебные решения обязательны к исполнению и что уклонение от их выполнения наказуемо.

Список литературы:

1. Векленко, В.В. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под общей редакцией 3–е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2025 // Образовательная платформа Юрайт [сайт].

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138–ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 29.03.2025).

3. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2025).

4. Мамаев, А.А. Правовое положение взыскателя в исполнительном производстве / А.А. Мамаев // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2025).

5. Наумов, А.В., Уголовная ответственность и наказание: Учебник для вузов / А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 6–е издание, переработанное и дополненное, Москва: Юрайт, 2025 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – С. 12–15.

6. Новина, Д.И. Неисполнение решения суда / Д.И. Новина // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 29.03.2025).

7. Паскаль, Б. Мысли. С комментариями и объяснениями / Б. Паскаль // Н.Н. Плужникова составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2020 / Ю.А. Гинзбург (наследники), перевод с французского. М.: ООО «Издательство АСТ», 2020 // <https://www.litres.ru>. – С. 235.

8. Печенкина, Ю. А. Порядок судопроизводства на стадии исполнения приговора / Ю. А. Печенкина, М. А. Петрова // Государственная власть и местное самоуправление в современный период : Сборник материалов Всероссийской научно–практической конференции, Стерлитамак, 28 апреля 2023 года. – Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 106–109.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 №50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 29.03.2025).

10. Раянов, Ф.М. Правовое государство и современный мир / Ф.М. Раянов. СПб.: ООО «Юридический центр–Пресс», 2012. – 123 с.

11. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63–ФЗ (ред. от 28.02.2025) // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 29.03.2025).

12. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (УК РСФСР) (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) // Гарант: официальный сайт компании «Гарант» (дата обращения 29.03.2025).

13. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» /ФЗ от 02.10.2007 № 229–ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2025).

14. Федеральный закон от 21.07.1997 N 118–ФЗ (ред. от 08.08.2024) Об органах принудительного исполнения Российской Федерации // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2025).

15. Фоков, А.П. О перспективах повышения эффективности исполнения судебных решений в Российской Федерации / А.П. Фоков // Итоги деятельности исполнения решений судов Российской Федерации в 2010–м и текущем году, а также освещаются законодательные инициативы повышения их эффективности в 2011 – 2020 гг. // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2025).

16. Цечоев, В.К. История органов и учреждений юстиции России: учебник для вузов / В.К. Цечоев. – 3–е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025 // Образовательная платформа Юрайт [сайт].

17. Чистяков, О.И. Конституция РСФСР 1918 года: учебник / О. И. Чистяков. – 3–е изд., стер. – Москва: Издательство Юрайт, 2025 // Образовательная платформа Юрайт [сайт].

АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Майко Дарья Петровна, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: elenakrs@bk.ru

Научный руководитель: Бертовский Лев Владимирович,

доктор юридических наук, профессор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e-mail: bgl1980@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается участие адвоката в процессе доказывания на стадии кассационного обжалования при производстве по уголовному делу. Обращается внимание на этапы деятельности адвоката на вышеуказанной стадии. Исследуются права адвоката, при реализации которых он осуществляет доказывание на стадии кассационного обжалования. В результате исследования автор обосновывает вывод относительно того, что на стадии кассационного обжалования приговора в полной мере проявляется деятельность адвоката по доказыванию.

Ключевые слова: Кассационная стадия уголовного судопроизводства, адвокат, субъект доказывания, собирания доказательств, их проверка и оценка

Российская Федерация относится к романо–германской правовой семье, уголовное судопроизводство которой в полной мере отражает в себе следственные начала обвинительного уголовного процесса, в том числе разделение на досудебную и судебную стадии.

Т. Е. Логинова [1], Н. Н. Розин [2] отмечают, что предпосылки разделения расследования дел на досудебную и судебную стадии было заложены еще при раннефеодальном государстве, но не пользовались популярностью и, как следствие, не применялись. Затем, церковь переняла данное разделение в целях реализации возможности установления истины. Впоследствии, светские суды стали также делить процесс на досудебную (поиск доказательств, подготовка материалов дела) и судебные стадии (основное разбирательство, выяснение вопросов виновности лица и т.д.).

В настоящее время уголовное судебное производство включает рассмотрение материалов уголовного дела в первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях, а также при исполнении приговора [3].

Ожидается, что адвокат является активным субъектом доказывания на всех вышеперечисленных стадиях при производстве по уголовному делу.

Согласно Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации адвокат вправе представлять интересы потерпевших (п. 8 ч. 2 ст. 42), гражданских истцов (п. 8 ч. 4 ст. 44), гражданских ответчиков (п. 6 ч. 2 ст. 54) и

частных обвинителей (ст. 43). Также, адвокат вправе быть защитником – представлять интересы подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

Вместе с этим, вне зависимости от того, является адвокат представителем или защитником, он обязан обеспечивать законность расследования и рассмотрения дела, вынесение справедливого решения [2].

Как верно указывал А.Д. Бойков – деятельность адвоката объективно должна способствовать установлению истины по делу [3]. Возможность оказания квалифицированной юридической помощи и участия в процессе доказывания напрямую связана с реализацией адвокатом прав и обязанностей. Доказывание, при этом, состоит в собирании, проверке и оценке доказательств.

Любое решение суда должно быть законным, мотивированным справедливым.

Вступивший в законную силу приговор может быть обжалован в суд кассационной инстанции участниками процесса и иными лицами, чьи права были затронуты судебным решением. Так, адвокат, как защитник, так и представитель вправе подать кассационную жалобу в случае существенного нарушения судами требований действующего законодательства, повлиявших на рассмотрение дела и вынесение решения.

В сравнении с апелляционной инстанцией, в которой адвокат может заявлять о несоответствии судебного решения принципу справедливости, предмет рассмотрения кассационных жалоб – только нарушения норм законодательства.

Статистические данные Верховного Суда Российской Федерации свидетельствуют о том, что за 6 месяцев 2024 г. в кассационном порядке рассмотрено 12 285 жалоб и представлений по уголовным делам [4].

Деятельность адвоката на стадии кассационного обжалования включает в себя следующие этапы:

– подготовка жалобы / возражения. Адвокат на данном этапе ознакомиться и анализирует материалы дела, в том числе судебные решения, протоколы судебных заседаний и т.д., сравнивает, проверяет и оценивает их на предмет противоречий, несоответствия законодательству; составляет дополнения осуществляет подготовку к выступлению в кассационной инстанции;

– участие в судебном разбирательстве. На данном этапе адвокат вправе заявлять отводы и ходатайства.

Согласно результатов опроса, проведенного автором в 2024 – 2025г.г. среди судей общей юрисдикции, работников прокуратуры, следователей, дознавателей, адвокатов, органов государственной и муниципальной власти, организаций Красноярского края, Новосибирской, Кемеровской области и иных регионов на вопрос «Считаете ли вы, что адвокат на стадии кассационного обжалования при производстве по уголовному делу является субъектом доказывания», 55, 5% опрошенных лиц ответили положительно, и только 24, 5% ответили отрицательно, оставшиеся 10% указали, что не готовы дать ответ.

Также, на вопрос «Считаете ли вы работу адвоката на стадии кассационного обжалования важной», 76% опрошенных лиц населения

Российской Федерации ответили положительно, 16% ответили отрицательно, 8% указали, что не готовы дать ответ.

На наш взгляд, адвокат, является субъектом доказывания в кассационной инстанции. Так, он собирает доказательства, обосновывает необходимость их приобщения, участвует в доказывании в интересах своего доверителя в соответствии с процессуальным законодательством.

Права адвоката, при реализации которых он осуществляет доказывание на стадии кассационного обжалования:

– право знать о жалобе (представлении), а также подавать на нее возражения (ст. 401.12 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации). Защитник должен будет доказать несостоятельность доводов кассационной жалобы;

– право адвоката заявлять отводы и ходатайства (ч. 4 ст. 401.13 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации), каждое из которых должно быть обосновано перед судом кассационной инстанции;

– право выступления с мнением по существу кассационной жалобы (ч. 7 ст. 389.13 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации). Необходимо доказать правомерность конечной позиции по делу и убедить суд в принятии именно его доводов (а не позиции стороны обвинения);

– в случае ведения протокола судебного заседания кассационной инстанции право ознакомления с протоколом и принесение на него замечаний (ч.10 ст. 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации);

– право адвоката заявления ходатайства об отмене приговора в случае устранения обстоятельств, изложенных в ч. 5 ст. 247 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 401.15 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации).

Таким образом, на наш взгляд, можно сделать обоснованный вывод относительно того, что на стадии кассационного обжалования приговора в полной мере проявляется деятельность адвоката по доказыванию ввиду того, что он проверяет и оценивает материалы дела, доводы участников процесса, обосновывает суду кассационной инстанции свою позицию.

Список литературы:

1. Бойков, А.Д. Основы профессиональной этики адвоката / А. Д. Бойков // Этика адвоката. – 2007. – С.45–46..

2. Логинова, Т. Е. История развития нового типа уголовного процесса в средневековой Германии / Т. Е. Логинова // Вестник Пермского университета. – 2009. – № 3. – С. 71.

3. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям / Н. Н. Розин. – Санкт–Петербург : Юридический книжный склад "Право", 1916. – 598 с.

4. Статистика ВС: главные цифры первого полугодия 2024–го [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/254586/> (дата обращения: 05.09.2025)

5. Уголовно–процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174–ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Консультант Плюс.

6. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63–ФЗ СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 02.09.2025).

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Миронова Валерия Александровна, слушатель
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: mironovavaleria15@gmail.com,

Ронжина Анастасия Николаевна, слушатель
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: anastasiaronzina6@gmail.com,

Гарбуз Григорий Сергеевич, кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
e-mail: greg_g@inbox.ru

Аннотация. Статья представляет собой авторское видение проблем такого феномена, как оценочные признаки, с которым сталкиваются как следователи и лица, осуществляющие дознание по уголовным делам, так и судьи судов общей юрисдикции. Делается акцент на имеющейся динамике существования определенных оценочных признаков, встречающихся в рамках конкретного уголовного дела. Исходя из конечных уголовно-процессуальных целей расследования, выдвигается гипотеза о преобладающей роли судейского усмотрения в познании оценочных признаков на стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: предварительное расследование, оценочные признаки, судебное разбирательство, судейское усмотрение, правоприменительные риски

Современное состояние научной мысли позволяет с уверенностью судить о прогрессивном развитии гуманитарных наук, задающих вектор познания существующих и формирующихся общественных правоотношений. В свете активного становления высокотехнологичного права [1, С. 3–14] следует заметить, что отрасли знания блока уголовно-правовых наук, имея тесную связь с правоприменительной практикой, занимают далеко не последние порядковые позиции в решении важнейших государственных задач, стоящих перед правоохранительными органами Российской Федерации.

Любое общество нуждается в защите от преступных посягательств, поэтому одной из задач очередной ежегодно проводимой Красноярским государственным аграрным университетом конференции как раз является исследование актуальных вопросов российского уголовного судопроизводства в привязке к правоприменительной и судебно-экспертной деятельности.

Погружение авторов в обозначенную в наименовании статьи проблематику позволило утвердиться в суждениях о том, что деятельность органов судебной власти является высшей формой юридической практики. Не секрет, что правовые позиции высших судебных органов российского государства, которые воплощаются в так называемые «практикообразующие

решения», во многом определяют правоприменение для судов первой, апелляционной и кассационной инстанции.

Большой интерес для работников следственных и судебных органов, задействованных в уголовном судопроизводстве, представляли и представляют оценочные признаки, с которыми в рамках различных категорий дел вынуждены сталкиваться как субъекты поисково–познавательной деятельности, так и судьи судов общей юрисдикции.

Не вдаваясь в теоретический анализ дефиниции «признака», под которым общепринято понимать характерную (отличительную) черту того или иного предмета, отметим, что вопросам изучения оценочных признаков в уголовно–правовых науках уделялось достаточно внимания. Этому феномену посвящены труды таких ведущих ученых–правоведов и процессуалистов, как: М. И. Бару, Л. В. Бертовский, Т. И. Кабанова, Т. В. Кашанина, В. Н. Кудрявцев, С. М. Курбатова, А. В. Наумов, В. В. Питецкий, С. Д. Шпаченко и др. В то же время на междисциплинарном уровне монографические исследования трансформации понимания правоприменителями оценочных признаков от стадии к стадии уголовного судопроизводства в пределах предлагаемого авторами статьи научного контекста – не встречались.

В теории и практике уголовного права наиболее часто встречаются такие оценочные признаки, как «беспомощное состояние потерпевшего», «неизгладимое обезображивание лица» [2, С. 247–249], «значительный ущерб», «иной доход», «крупный и особо крупный размер» и др. Среди прочих встречающихся в теории уголовного права оценочных признаков отдельного внимания, с нашей точки зрения, заслуживают смягчающие (ст. 61 УК РФ) и отягчающие (ст. 63 УК РФ) наказание обстоятельства. При этом полагаем, что в широком смысле понимания права в том случае, когда конструкция той или иной нормы будет иметь открытый перечень, правоприменитель неизбежно будет вынужден столкнуться с оценочными признаками.

Перспективным и прорывным для российской уголовно–процессуальной науки является проведенный С. М. Курбатовой в рамках докторской диссертации фундаментальный анализ когнитивных способностей лиц, имеющих ограниченные возможности, полноценно участвовать в уголовном судопроизводстве [3], что напрямую связано с оценкой лицами, осуществляющими предварительное следствие и дознание, а также судьями соответствующих способностей отдельных категорий граждан.

С нашей позиции заслуживает пристального внимания такой важный аспект, как трансформация существующих в уголовном судопроизводстве оценочных признаков, под которой нами предлагается понимать восприятие правоприменителями тех или иных оценочных признаков на разных этапах судопроизводства. Как видится, процесс расследования уголовных дел задается процессуальными (конечными) целями расследования, которые закреплены в ст. 73 УПК РФ. В то же время оценочные признаки, изучаемые и устанавливаемые следователем/дознавателем на стадии предварительного расследования, исходя из конкретного предмета доказывания, могут не

получить реализации в приговоре, который суд первой инстанции выносит по итогам рассмотрения уголовного дела по существу.

Так, например, по уголовному делу в отношении К., который обвинялся в совершении кражи с причинением значительного ущерба гражданину, такой вмененный следствием оценочный признак, как «значительный ущерб», не нашёл должного подтверждения по результатам судебного разбирательства. Действия подсудимого К. были переqualificированы судом с п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ (Уголовное дело № 1–35/2022 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края).

Нередко суды первой инстанции сталкиваются с ситуацией, при которой дознаватели вменяют обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, наличие в их действиях отягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного ч. 1.1 ст. 63 УК РФ: «...совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ...». В то же время диспозиция части первой и части второй ст. 264.1 УК РФ содержит в себе названный признак как необходимый для наличия объективной стороны состава преступления, поэтому вышеназванные отягчающие обстоятельства исключаются судом из обвинения (Уголовное дело № 1–90/2022 // Архив Кежемского районного суда Красноярского края). Подобные случаи исключения вышеназванного отягчающего наказания обстоятельства имеют место в судебной практике по иным категориям уголовных дел (Уголовное дело № 1–863/2025; Советский районный суд г. Красноярска), ввиду того, что суды на основании исследования всей совокупности доказательств по-иному оценивают влияние состояния алкогольного опьянения подсудимого на снижение толерантности к выполнению объективной стороны общественно опасного деяния и степень сформированности умысла на совершение преступления.

Отдельно следует упомянуть случаи прекращения судами рассмотрения уголовных дел в особом порядке принятия процессуального решения либо изначальное назначение судебных заседаний в общем порядке судебного разбирательства, несмотря на четко выраженные по тексту протокола об ознакомлении с материалами уголовного дела ходатайства обвиняемых об особом порядке разбирательства.

Помимо названных, судьи в рамках уголовного судопроизводства сталкиваются и с другими производственными ситуациями, требующими иной, нежели она была дана следователем / дознавателем, – оценки конкретных обстоятельств дела, как то: необходимость обеспечения переводчика участнику, не владеющему языком судопроизводства; решение вопроса о допуске представителя потерпевшего с новой, надлежаще оформленной доверенностью, что влечет его повторный допрос о ставших известными обстоятельствах совершения преступления и др. Описанные случаи можно отнести к оценочным признакам из категории уголовно-процессуальных.

Подводя краткие итоги, отметим, что проблема законодательного закрепления и практического использования оценочных признаков в уголовном

судопроизводстве имеет давнюю историю. Предпринятая нами попытка провести анализ оценочных признаков в уголовном судопроизводстве подводит к необходимости осуществления более глубоких междисциплинарных исследований, связанных, в том числе, с их систематизацией и классификацией, с целью уяснения содержания. Отдельные стороны изучаемого научного феномена, полагаем, подлежат освещению сквозь призму судейского усмотрения.

Список литературы:

1. Бертовский, Л. В. Высокотехнологичное право: Точка бифуркации / Л. В. Бертовский // Высокотехнологичное право: точка бифуркации : Материалы V Международной научно–практической конференции. В 3–х частях, Москва – Красноярск, 15–16 февраля 2024 года. – Москва: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2024. – С. 3–14.

2. Зиненко, Ю. В. Некоторые проблемы судебно–медицинской экспертизы по решению вопроса о неизгладимости повреждений лица / Ю. В. Зиненко // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXVIII международной научно–практической конференции. Часть 2. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. – С. 247–249.

3. Курбатова, С. М. Участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями: Дис. ... докт.юрид.наук: 5.1.4 / С. М. Курбатова ; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва. 2023. – 548 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УНИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Русаков Алексей Геннадьевич, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: rusalger@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются некоторые аспекты категории криминалистически значимой информации в ее связи с предметом доказывания и признаками доказательств при трансформации в судебные доказательства с позиции предлагаемой автором концепции унификации доказательств во всех видах российского судопроизводства.

Ключевые слова: российское судопроизводство, судебные доказательства признаки и свойства доказательств, криминалистически значимая информация, предмет доказывания по юридическим делам

В основе разрабатываемой автором настоящей статьи концепции унификации доказательств в российском судопроизводстве находится система унифицированных (универсальных) судебных доказательств, под которыми предлагается понимать формально–определенную информацию об юридически значимых фактах.

В предложенном понятии следует выделить три составляющих: а) формальная определенность (система закрепленных в законе признаков доказательств); б) юридически значимая информация (в первую очередь – криминалистически значимая); в) юридически значимые факты (предмет доказывания по юридическому делу).

В соответствии с указанной концепцией, полагаем, доказательства обладают общими свойствами: объективность, познаваемость, проверяемость и детерминизм (т.е. связь с основой, преемственность), внешним отражением которых выступает система признаков доказательств, которая состоит из трех системообразующих: относимость доказательств, достоверность и допустимость доказательств. (закрепленных в процессуальном законе), а также – четвертого факультативного признака – электронно-цифровой визуализации (отражает применение электронно-цифровых технологий при использовании доказательств).

Криминалистическое учение о следообразовании, формировании причинно–следственных связей характеристики криминалистически значимой информации имеют практическое значение для правоприменительной, в том числе – судебной–следственной деятельности.

Так, А.И. Рахимов и А.А. Бессонов считают задачей криминалистики обеспечить извлечение криминалистически значимой информации, содержащейся в следах-отображениях, вызванных преступлением изменений внешней среды [10; с. 56].

Применительно к теме статьи полагаем целесообразным начать анализ с третьего элемента предлагаемого понятия доказательств – юридически значимых фактов, т. е. сложного фактического состава, образующего предмет доказывания по юридическим делам и состоящего из материально-правового и процессуально-правового блоков.

Первый блок полагаем необходимым рассматривать как совокупность общей (например общий предмет доказывания в уголовном судопроизводстве, закрепленный ст.73 УПК РФ), особенной (квалифицирующие признаки конкретного правонарушения), специальной (например спецсубъект – должностное лицо) и дополнительной (например смягчающие или отягчающие обстоятельства в уголовном процессе) частей.

Криминалистически значимая информация в данном случае выступает первичным источником доказательственной информации.

Я.В. Комиссарова рассматривает следы в широком смысле как «любые изменения, связанные с событием преступления, отражающие его сущность и специфику». По ее мнению, каждый след содержит в себе только часть информации, а их совокупность – комплекс информации о преступлении и лицах его совершивших. Она предлагает различать следы – предметы, следы – вещества и следы – изображения [9, с. 133–135].

А.И. Сотов отмечает наличие трех признаков материальных следов, свидетельствующих о преступлении: подлинность, неизменность и относимость к расследуемому событию [14, с. 157–158].

Л.А. Воскобитова и В.И. Пржиленский полагают, что расследование уголовного дела начинается с фрагментарного познания следов реальности. По их мнению, эти следы имеют свои особенности, оказывающие влияние на познание фактов [2, с. 785–786].

Информационный элемент доказательств, полагаем, составляет информация о юридически значимых фактах по юридическим делам (в нашем случае – криминалистически значимая информация).

Так, М.К. Треушников предлагал рассматривать доказательства как информацию, полученную установленным законным путем, свойства которой с точки зрения познания относятся к фактическим данным, а признаки отражают процессуальную форму фиксации информации [5, с. 80, 85, 91].

Некоторые авторы под доказательствами подразумевают единство между сведениями об обстоятельствах дела и процессуальной формой, в которой они содержатся [1, с. 34]; другие исследователи понятие доказательства рассматривают через ряд существенных признаков, но в качестве сведений: имеющих значение для дела, полученных из законного источника и в законном порядке, воплощенных в процессуальном источнике [3, с. 153].

А.И. Зазулин, в свою очередь, трактует доказательства как сведения, которые сообщили участники уголовного судопроизводства, либо сведения, содержащиеся на предметах, собранных и закрепленных по процессуальным правилам [5, с. 18–19].

Т.В. Сахнова утверждает, что представленная в суд информация должна соответствовать закрепленным в законе признакам судебных доказательств, а именно: объективная связь с юридически значимым обстоятельством; качественная организация информации, полученной из допустимого законом источника с помощью допустимого средства доказывания; информация получена с соблюдением установленной законом процедуры [12, с. 364, 367].

Термин информация используется в узком смысле с предметным содержанием, в котором информация имеет юридическое значение (по уголовным делам – криминалистически значимой информации), поскольку данная информация является первичным звеном в трехуровневой конструкции трансформации юридически значимой, т.е. доказательственной информации и в процессуальное доказательство отражает органическую связь всех трех блоков предлагаемого понятия доказательства.

П.С. Пастухов отмечает, что именно «...информационная природа доказательств обеспечивает познание механизма совершения преступления» [9, с. 696].

С.В. Зуев и А.С. Титова не отождествляют информацию о преступлении с доказательствами, которые являются результатом деятельности управомоченного правоприменителя [6, с. 50]. В.О. Давыдов рассматривает криминалистически значимую информацию как отражающую факты изменения окружающей среды, которые произошли вследствие преступления, характеризующуюся в том числе относимостью и достоверностью [4, с. 22, 32]. Он пишет: «Таким образом, возникающие следы-отображения имеют способность сохранять и передавать содержащуюся в них информацию о механизме совершенного преступления».

Органическая связь криминалистически значимой информации с признаком относимости доказательств (по нашему мнению, является первичным по отношению к другим признакам описываемой системы), в первую очередь, заключается в следующем: доказательственная информация должна относиться к предмету доказывания по юридическому делу, конструкция которого содержится в нормах материального права.

Связь криминалистически значимой информации с признаком допустимости доказательств, полагаем, характеризуется тем, что деятельность правоприменителей по использованию криминалистически значимой информации в ходе ее трансформации в доказательства. Допустимость такого доказательства обеспечивается: 1) управомоченный субъекта доказывания; 2) использование допустимого законом источника доказательств; 3) соблюдение процессуальных правил формирования доказательств; 4) надлежащая процессуальная форма результатов доказательственной деятельности. М.А. Фокина среди процессуальных критериев отмечает: надлежащий источник данных, надлежащий субъект доказывания, соблюдение процессуальной формы допустимости доказательств отмечает [15, с. 105].

Н.В. Карепанов полагает, что для «чистой достоверности нужна совокупность следов, гармонирующих между собой», правоприменитель может

принять решение о принятии доказательств только после анализа обстоятельств преступления с учетом места и времени его совершения [8, с. 387].

В условиях цифровизации правоприменители активно используются современные технологии при совершении различных «манипуляций» с доказательственной информацией путем использования электронных цифровых технологий и (или) электронно-цифровых доказательств, в процессе фиксации, преобразования, передач от одного субъекта доказывания другому, хранения, тиражирования доказательственной информации (комплексно охватывает формирование доказательств, их отражаемость и воспроизводство доказательственной информации). Именно поэтому электронно–цифровая визуализация доказательств выдвигается в качестве факультативности признака судебных доказательств.

Указанная трансформация, по нашему мнению, происходит следующим образом. На первом (условно-нижнем) уровне криминалистически значимая информация сигнализирует о наличии информации об юридически значимых фактах по юридическим делам (это соотносится с признаком относимости доказательств).

На втором уровне юридически значимая информация рассматривается с точки зрения юридически значимых фактов материального правоотношения (например, относимость информации через признаки состава правонарушения, подлежащих установлению и доказыванию).

На третьем уровне данная информация приобретает качественное содержание и является юридически значимой с точки зрения процесса в случае подтверждения соответствия информации признакам относимости, достоверности и допустимости доказательств (закрепленных в действующем процессуальном законодательстве). Только после этого правоприменители вправе принимать процессуальные решения по юридическим делам.

Ю.Н. Соколов выделяет «электронную криминалистически значимую информацию», т. е. «...любые сведения о событии преступления и других с ним связанных обстоятельств, отраженные в памяти электронного устройства, а затем и в сознании правоприменителя, обладающая определенными свойствами, позволяющими ее использовать в криминалистической деятельности в целях реализации назначения уголовного судопроизводства» [13, с. 17].

Ю.Н. Соколов, рассматривает доказательства в качестве специфической процессуальной формой информационных сигналов, которая может быть познана и расшифрована для познания для трансформации криминалистически значимой информации в уголовно–процессуальные доказательства, т.е. криминалистически значимая информация «...перекодируемая в дальнейшем доказательственную информацию» [13, с. 110].

Таким образом, с момента слеодообразования, доказательственная информация претерпевает ряд внешних воздействий со стороны правоприменителей, а именно: выявление данной информации, фиксацию (с использованием криминалистических и уголовно–процессуальных познаний),

преобразование информации в цифровую модель и ее фиксация на специальном носителе. передача информации в зашифрованной «машиночитаемой» форме от одного субъекта доказывания к другому, хранение на специальном носителе, в условиях, исключающих внешнее несанкционированное вмешательство, воспроизводство информации с помощью спецпрограммы на оборудовании, обеспечивающем «человекочитаемость» форму информации, тиражирование, использование при доказывании обстоятельств юридических дел, обработку с помощью специальных программ и т. п. Весь перечень операций исчерпывающим не является и охватывает и отображаемость и воспроизводство доказательственной информации [11, с. 473–474].

Таким образом, криминалистически значимая информация, трансформируемая в юридически значимую информацию, а затем – в доказательственную информацию и доказательства в предписанной (формально–определенной) законом форме является первоосновой юридического познания юридически значимых обстоятельств юридических дел для достижения целей доказывания.

Данная информация органически связана с предметом доказывания по юридическим делам, указанными признаками доказательств (в формировании которых используется криминалистически значимая информация) в рамках процессуальной формы с использованием допустимых средств доказывания. Поэтому криминалистическое познание фактов юридических дел, криминалистическое учение о слеодообразовании, выявлении причинно-следственных связей, и вопросы криминалистического «обеспечения» судопроизводства являются актуальными и научно перспективными.

Список литературы:

1. Артамонова, Е.А. Основы теории доказательств в уголовном процессе России / Е.А. Артамонова, О.В. Фирсов. – М.: Норма, Инфра–М.2014. – 240 с.
2. Воскобитова, Л.А. Эволюция понятия факта: проблемы юридического познания и правоприменительной практики / Л.А. Воскобитова, В.И. Пржиленский // Уголовно–процессуальные меры противодействия преступности. – 2016. – № 10 (4). – С. 779–789.
3. Галузо, В.Н. Доказывание в правосудии Российской Федерации: монография / В.Н. Галузо, Н.А. Канафи, Д.М. Редкоус, / под ред. В.Н. Галузо. – Москва: Проспект, 2022. – 448 с.
4. Давыдов, В.О. Информация в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: теория, практика, инновации: монография / В.О. Давыдов. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 248 с.
5. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. дисс. канд. юрид.наук / А.И. Зазулин. – Екатеринбург, 2018. – 31 с.
6. Зуев, С.В. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства / С.В. Зуев, А.С. Титова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 1 (20). – С. 49–54.

7. Игнатъев, М.Е. Установление причинно–следственных связей в расследовании преступлений: монография / М.Е. Игнатъев, И.М. Комаров. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 328 с.
8. Карепанов, Н.В. Криминалистическое использование следов / Н.В. Карепанов // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 382–388.
9. Комиссарова, Я.В. Понятие и классификация следов в криминалистике / Я.В. Комиссарова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (ГЮА). – 2018. – № 3. – С. 131–141.
10. Пастухов, П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно–процессуальных доказательств / П.С. Пастухов // Пермский юридический альманах. – 2019. – С. 695–707.
11. Рахимов, А.И. Получение и проверка информации, содержащейся в идеальных следах: монография / А.И. Рахимов, А.А. Бессонов. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 184с.
12. Русаков, А.Г. Электронно–цифровая визуализация – факультативный (четвертый) признак судебных доказательств в российском судопроизводстве / А.Г. Русаков // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 12. – С. 472–474.
13. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т.В. Сахнова. – М.: ВолтерсКлувер. – 696 с.
14. Соколов, Ю.Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики: дис. ... д–ра. юрид. наук / Ю.Н. Соколов. – Екатеринбург, 2023. – 440 с.
15. Сотов, А.И. Использование материальных следов в процессе расследования преступлений / А.И. Сотов // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т.8. – № 1А. – С. 155–159.
16. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – М.: Издательство «Городец», 1999. – 288 с.
17. Фокина, М.А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации / М.А. Фокина // Современное право. – 2015. – № 9. – С. 102–111.

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ И ЛИЦА,
В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА
НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Рыжкова Инна Александровна, кандидат юридических наук, сотрудник
Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации
(Росгвардия), Москва, Россия

e-mail: g89370720000@gmail.com,

Рыжков Сергей Александрович, адвокат,
Палата адвокатов Самарской области, Самара, Россия

e-mail: g89272080000@gmail.com

Аннотация. Существующий механизм реализации прав и свобод человека при производстве отдельных следственных действий в российском уголовном процессе выстраивается на протяжении многих лет, постоянно совершенствуясь, видоизменяясь в соответствии с новыми условиями. Однако нерешенных вопросов в области соблюдения прав личности в уголовном судопроизводстве множество и научные дискуссии не утихают. Данная статья посвящена одной из неразрешенных на данный момент проблеме: процессуальному статусу заявителя и лица, в отношении которого проводится проверка на досудебном производстве и недостаточному уровню гарантий прав указанных участников со всеми вытекающими последствиями в виде нарушения принципов уголовного процесса.

Ключевые слова: досудебное производство, участники уголовного процесса, права личности, заявитель, лицо, в отношении которого проводится проверка

Досудебное производство возникает с момента получения сообщения о преступлении и заканчивается направлением прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения по существу [1]. Большинство российских ученых в области уголовного процесса делят досудебное производство на две стадии: возбуждение уголовного дела и предварительное расследование. Такое разделение определяет последовательность процессуальных действий и позволяет дифференцировать подходы к их оценке, с учетом рисков фальсификации или неполноты данных[2].

Сообщение о преступлении – это извещение органов предварительного расследования о фактах с признаками состава преступления. Но это не только инициация процесса, сообщение о преступлении формирует основу доказательственной базы. И здесь требуется баланс между оперативностью и защитой прав участников. Например, Петухов Е.Н. акцентирует внимание на необходимости тщательной проверки сообщений, поданных в электронной форме (через порталы госуслуг), которые помимо доступности, могут быть уязвимы к киберугрозам [4]. Несмотря на то, что доследственная проверка является наиважнейшим этапом стадии возбуждения уголовного дела,

представляя собой самостоятельное расследование, она не выделена в самостоятельную стадию. УПК РФ использует термин «проверка сообщения о преступлении». Именно при проверке сообщения о преступлении производится сбор сведений с целью установления данных, которые указывают на признаки преступления и в дальнейшем будут признаны доказательствами. Сообщение о преступлении инициирует механизм защиты общественных интересов от противоправных посягательств. В рамках проверки сообщения о преступлении производится множество следственных действий, которые не имеют чёткой регламентации в законе. Например, должностные лица отбирают объяснения, получают образцы для сравнительного исследования, производят осмотр места происшествия и освидетельствование, они вправе истребовать документы, изымать предметы, назначать исследования и получать заключения, давать поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий и др. Указанные процессуальные действия производятся без предоставления полного объёма прав гражданину, как заявителю, так и лицу, в отношении которого проводится проверка. То есть до возбуждения уголовного дела фактически правоохранительные органы собирают доказательства с помощью идентичных следственным действиям, но без процессуальных гарантий участвующим лицам. Действия оформляются как результаты ОРМ, и в последующем данная информация используется для построения обвинения. При производстве «не следственных» процессуальных действий стороны не пользуются профессиональной помощью адвоката, не имеют процессуального статуса со всеми вытекающими из него гарантиями, производство действий не подлежит контролю. В то время как информация, полученная при проведении проверки сообщений о преступлениях, может быть уникальной без возможности повторного получения.

Так, осмотр жилища должен производиться с ориентацией на приоритет конституционных гарантий неприкосновенности жилища. Необходим гарантированный баланс между публичными интересами и личными правами человека. Можно дополнить УПК РФ нормами об обязательном уведомлении заявителя и лица, в отношении которого проводится проверка о результатах осмотра в течение суток. Осмотр жилища как следственное действие в отличие от осмотра места происшествия предполагает гарантии судебного контроля, участия защитника, права участников.

Полученные при проверке сообщения о преступлении объяснения могут быть оспорены в последующем, так как участие защитника не является регламентированным. Кроме того, на предварительном следствии участники, у которых получены объяснения, допрашиваются по тем же обстоятельствам, что затягивает сроки следствия.

Дискуссии вызывают получение образцов для сравнительного исследования и освидетельствование при их применении до момента возбуждения уголовного дела. Данные процессуальные действия затрагивают телесную неприкосновенность и необходимо принимать меры, направленные на минимизацию рисков произвольного принуждения. Несомненна ценность получения образцов для сравнительного исследования и освидетельствования

при проверке сообщения о преступлении, оно направлено на оперативное фиксирование следов, но их производство сталкивается с проблемами законности принуждения.

Судебная экспертиза позволяет объективно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, но ее применение до возбуждения дела сопряжено с рисками нарушения баланса интересов [4].

Отсутствие процессуального статуса у заинтересованных лиц на рассматриваемой стадии ограничивает их права на ознакомление с постановлением и участие в экспертизе, что приводит к нарушению принципов уголовного процесса, поскольку отсутствуют механизмы защиты от необоснованного вторжения в личную сферу.

Проблемой является доказательственный статус заключения эксперта, полученного до возбуждения дела. Как правило, такие заключения часто оспариваются на последующих стадиях уголовного судопроизводства, что приводит к необходимости повторной экспертизы и затягиванию сроков уголовного судопроизводства [5, с. 94]. Особенно, если материалы для производства экспертизы были собраны до возбуждения дела без судебной санкции.

Единство прав и обязанностей подразумевает корреспонденцию, но на этой стадии участники не наделены полным объемом гарантий, что приводит к дискуссиям. Пробелы в законодательстве, связанные с отсутствием процессуального статуса у таких участников уголовного судопроизводства как заявитель и лицо, в отношении которого проводится, проверка приводят к проблемам на практике. Необходимо оптимизировать баланс между оперативным реагированием на сообщение с признаками состава преступления и сохранением конституционных гарантий неприкосновенности личности.

Изучаемая проблема приводит к необходимости повторных действий на предварительном следствии, затягивая уголовный процесс и нарушая разумные сроки [3, с. 163].

Список литературы:

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 30.09.2025).
2. Бертовский, Л.В. Генезис и проблемы совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве: монография / Л.В. Бертовский, П.Э.Эдиллова. – М., 2018. – 170 с.
3. Москвина, Д.Р. Стадия возбуждения уголовного дела как значимый институт уголовного судопроизводства / Д.Р. Москвина // Юрист–Правоведь, 2023. – № 4 (107). – 218с.
4. Петухов, Е.Н. Механизм обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства: дис. ... д–ра юрид. наук: 5.1.4. / Е.Н. Петухов. Уфа–Барнаул, 2024. – 528 с.
5. Щеглов, М.И. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля на предварительном следствии: дис. ... кандидат юридических наук: 5.1.4. / М.И. Щеглов. – Москва, 2024. – 251 с.

ЗНАЧЕНИЕ ВЕРОЯТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Селезнев Виктор Михайлович, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
e-mail: svit1017@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о процессуальном значении вероятных заключений экспертов. В судопроизводстве в процессе оценки заключения эксперта принимают во внимание его как доказательство на предмет относимости, допустимости и достоверности. А так же возможности включения этого доказательства в обоснование своего решения по конкретному делу.

Ключевые слова: заключение эксперта, эксперт, вероятный вывод, доказательство, процессуальный порядок, степень вероятности, средство доказывания

В экспертной практике встречаются случаи, когда заключения содержат вероятностные выводы. В научных трудах дискутируется вопрос о юридической силе подобных заключений и допустимости их применения в доказывании. Судебная экспертиза стремится к тому, чтобы экспертное исследование приводило к однозначному подтверждению или опровержению искомого факта. Такой исход обеспечивает категорический вывод. Однако это не всегда возможно, и эксперт не всегда может дать определенный ответ на поставленные вопросы. На основе полученных данных эксперт может сформулировать лишь вероятностный вывод, то есть частично обоснованное предположение. Заключение, содержащее такой вывод, называется вероятным.

Ю.К. Орлов придерживается мнения, что вероятностное заключение допустимо только при высокой степени вероятности, иначе эксперт должен признать невозможность разрешения вопроса [6]. М.К. Треушников указывает на доказательственную ценность вероятного заключения, считая, что оно может служить косвенным доказательством [8].

В.Д. Арсеньев придерживался иной точки зрения. Он допускал возможность формулирования вероятностных выводов, но подчеркивал, что они не обладают доказательной силой и могут служить лишь своего рода ориентиром в процессе расследования и судебного разбирательства [1]. Овсянников полагает, что «категоричность или вероятностный характер заключения отражает не степень его определенности, а уровень субъективной уверенности эксперта в своем выводе. Следовательно, как категорические, так и вероятностные выводы могут быть определенными» [5].

В.А. Михайлов и Ю.П. Дубягин утверждают, что «вероятностные заключения способны содействовать поиску новых доказательств, формированию версий и их проверке. Не следует игнорировать такие заключения, необходимо оценивать их в контексте всех материалов дела» [4].

В.П. Приказчиков, А.Г. Резван и В.Н. Косарев отмечают, что вероятностное заключение эксперта, не имея доказательственной ценности, обладает тактическим значением [7].

Т.А. Лилуашвили придерживалась мнения, что вероятностный вывод эксперта обращает внимание суда, во-первых, на возможность использования установленных экспертом фактических данных лишь в качестве косвенных улик, и, во-вторых, на недостаточность совокупности этих косвенных улик для формирования однозначного заключения [3]. Из этой точки зрения вытекает возможность рассмотрения экспертного заключения не как целостного документа со своей структурой и содержанием, а фрагментарно – с самостоятельным использованием установленных экспертом фактических данных. Мы считаем, что к данной позиции необходимо подходить с осторожностью.

Причина заключается в следующем. В соответствии с ч. 2 ст. 195 ГПК РФ, суд выносит решение исключительно на основании доказательств, исследованных в ходе судебного заседания. Доказательство, согласно общему пониманию, представляет собой информацию о фактах, полученную в установленном процессуальным законодательством порядке и оформленную в предусмотренной этим же законодательством форме.

П. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ определяет заключение эксперта как одну из таких форм (средств доказывания). Законодательство не предусматривает использование в качестве доказательств фактических данных, выявленных экспертом в процессе исследования, даже если они содержатся в отдельной части экспертного заключения. Доказательством является именно заключение эксперта как единое, неделимое целое, включающее в себя элементы, выработанные практикой и закрепленные в законе. Следует согласиться с мнениями процессуалистов, утверждающих, что вероятностные заключения допустимо рассматривать в качестве доказательств.

По мнению Давтяна А.Г., вероятностное заключение эксперта, подобно другим формам экспертных оценок, представляет собой доказательство, подлежащее оценке судом в соответствии с установленными законом принципами и которое, по усмотрению суда, может служить основанием для судебного решения [2].

С нашей точки зрения, любая информация о фактах, представленная суду и оформленная в виде, предусмотренном ГПК РФ, представляет собой судебное доказательство в широком понимании этого термина. Судья, принимая то или иное средство доказывания, изначально не знает, будет ли оно использовано при вынесении решения по существу дела. Следовательно, любое вероятностное заключение эксперта, представленное в суд, уже является доказательством. Лишь после того, как суд оценит представленное доказательство на предмет его относимости, допустимости, достоверности и учтет его при обосновании своего решения по конкретному делу, только тогда это судебное доказательство можно рассматривать в узком смысле этого слова.

Согласно статье 79 Гражданского процессуального кодекса РФ, только суд правомочен назначать экспертизу, если при рассмотрении дела возникают

вопросы, требующие специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Окончательный перечень вопросов для экспертного заключения также определяет суд. Учитывая эти и другие обязательные нормы, регулирующие судебную экспертизу, оценка экспертного заключения включает:

Анализ соблюдения установленной процедуры подготовки, назначения и проведения экспертизы. Анализ соответствия содержания заключения поставленным вопросам. Оценка полноты представленного заключения. Оценка научной обоснованности выводов эксперта. Анализ фактических данных, представленных в заключении, с точки зрения их релевантности и роли в общей системе доказательств.

При оценке исчерпывающего характера вероятностного заключения у суда может возникнуть вопрос о целесообразности его использования в качестве прямого доказательства. Его дальнейшая судьба – стать косвенным доказательством или быть исключенным из рассмотрения – зависит от совокупности других доказательств, поскольку экспертное заключение всегда взаимосвязано с ними и является результатом их специализированного анализа.

В заключении хотелось бы отметить, что результатом экспертизы является получение новой информации о фактах, что, по нашему мнению, является неотъемлемой частью любого доказательства. Вероятностное заключение эксперта, как и любое другое, представляет собой доказательство по делу, что прямо предусмотрено статьей 55 ГПК РФ, определяющей заключение эксперта как средство доказывания. При этом законодательство не содержит положений, исключающих вероятностное заключение из категории доказательств или средств доказывания.

Список литературы:

1. Арсеньев, В. Д. «К вопросу о внутреннем убеждении судебного эксперта» / В.Д. Арсеньев. – Труды ВНИИСЭ. – М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1973, Вып. 5. – С. 147–173.
2. Давтян, А.Г. Экспертиза в гражданском процессе (на материале республики Армения) [Текст] : автореф. дис. ... кандидат юридических наук / А. Г. Давтян. – Ереванский гос. ун-т. – Ереван, 1993. – 27 с.
3. Лилуашвили, Т. А. Экспертиза в советском гражданском процессе [Текст] / Т.А. Лилуашвили. – [АН Груз. ССР. Ин-т экономики и права]. – Тбилиси : Мецниереба, 1967.
4. Михайлов, В. А., Дубягин, Ю. П. Назначение и производство судебной экспертизы в стадии предварительного расследования: учебное пособие. / В.А. Михайлов, Ю.П. Дубягин. – Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1991. – С. 93–94.
5. Овсянников, И. О допустимости вероятностного заключения эксперта / И.О. Овсянников. – Российская юстиция. – 1998. – № 6. – С. 29–30
6. Орлов, Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам: учебное пособие / Ю.К. Орлов. – Москва: Юрист, 1995. – 64 с.
7. Приказчиков, В.П., Резван, А.П., Косарев, В.Н. Подготовка и назначение экспертиз : Учеб.-метод. пособие» / В. П. Приказчиков, А. П. Резван, В. Н. Косарев. – М-во внутр. дел. Рос. Федерации, Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград, 1999. – 105, с.
8. Треушников, М. К. Судебные доказательства: монография / М. К. Треушников. – М.: Городец, 1997. – 320 с.

ОБСТАНОВКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серда Ольга Викторовна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из основных элементов криминалистической характеристики коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК) – обстановка преступлений. Элемент изложен через призму механизма взаимодействия субъектов и правового механизма ЛПК, приведены типичные коррупционные преступления на каждом этапе ЛПК и примеры из судебной практики.

Ключевые слова: обстановка преступлений, коррупционное преступление в сфере ЛПК, коррупция, оборот леса, незаконная рубка, контрабанда

«Обстановка преступлений» – один из наиболее распространенных элементов криминалистических характеристик во всех методиках расследования разнообразной криминальной коррупции. В данном вопросе интересен подход А.В. Дулова. Автор, описывая обстановку должностных преступлений выделил в ней такие компоненты, как: организационная, технологическая структура, документооборот [1]. Другие авторы, например, Е. В. Христинина, предлагают рассматривать пространственно–временные связи, установленный порядок деятельности соответствующих организаций, включающий организационную структуру, регламент и пр. [2, с. 48.].

В этом контексте, для определения обстановки совершения коррупционных преступлений в сфере ЛПК рассмотрим подробно правовую и организационно-технологическую структуру сферы лесопромышленного комплекса (ЛПК). Основываясь на данном ранее в наших работах понятии лесопромышленного комплекса [3], разобьем его на несколько элементов–этапов: лесооценка, лесозаготовка, лесовосстановление, лесопереработка и реализация лесопродукции.

Коррупционные и сопутствующие им преступления в сфере ЛПК, данные об обстановке их подготовки, совершения и сокрытия, делим на несколько групп согласно названным этапам (немного детализировав их на этапе лесопереработки):

- 1) преступления до стадии заготовки, т.е. на этапе лесооценки;
- 2) преступления на этапе лесозаготовки;
- 3) преступления на этапе лесовосстановления;
- 4) преступления на этапе *лесопереработки и реализации лесопродукции (включая транспортировку)*
 - 4.1) преступления на этапе транспортировки незаконно полученного леса и лесоматериалов;

4.2) преступления на этапе переработки/перепродажи внутри страны, в том числе в рамках проведения торгов/закупок изъятых леса и лесоматериалов,

4.3) преступления на этапе таможенного оформления и перемещения леса и лесоматериалов через границу.

На каждом этапе совершаются, прежде всего, «первичные» экологические и экономические преступления. Как отмечено во введении, наиболее опасные из них, в особо крупном размере, приносящие особо крупный ущерб и иной вред, государству и обществу, экологии и экономике страны, совершаются в совокупности с коррупционными и иными сопутствующими им преступлениями [4].

Этап 1. Коррупционные преступления до заготовки, т.е. на этапе лесооценки. В первую очередь, как и на всех этапах далее, совершается взяточничество – дача, получение, коррупционное посредничество (ст.ст. 290–291.2 УК РФ) в том числе и на высоком уровне, а также должностные преступления коррупционной направленности, то есть с корыстным мотивом (ст. 201, 285, 286, 292 УК РФ). Распространено также мошенничество как со стороны государственных служащих, должностных лиц, так и со стороны лиц, выполняющих управленческие функции в лесозаготовительных компаниях (чч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159 УК РФ).

Ярким примером высокоуровневой коррупции на данном этапе является уголовное дело в отношении директора департамента Министерства промышленности и торговли РФ гр. П., который получил от руководителя лесозаготовительной компании взятку в размере более чем 78 млн руб. за возможность компании быть включенной в перечень приоритетных инвестиционных проектов РФ. Помимо получения взятки гр. П. был осужден за превышение должностных полномочий по п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ. Ущерб составил более 484 млн руб. [5].

Иной способ получения лесных участков для лесозаготовки – через аукционы для лесозаготовителей, проводимые на уровне министерства региона. Участвуя в аукционах, управленцы коммерческих организаций зачастую совершают преступления, предусмотренные по ст. 204–204.2 УК РФ.

Коррупционные преступления на этапе лесозаготовки. Это самый коррупциоёмкий этап сферы ЛПК с большим выбором способов и механизмов преступлений для преступников–коррупционеров. То есть это этап самых высоких коррупционных рисков для типичных субъектов криминальной коррупции в сфере ЛПК. А значит, внимание правоохранительных органов к этому этапу на первоначальном этапе расследования должно быть повышенным. Как известно к категории коррупционных преступлений может относиться незаконная рубка лесных насаждений, совершенная с использованием служебного положения и с корыстным мотивом (п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 260 УК РФ) [6]. Показательным примером является групповое преступление (4 фигуранта) в соучастии с министром Иркутской области. Группа совершала незаконные рубки леса на особо охраняемой территории на площади более тысячи гектар с причинением ущерба более 481 млн. руб. Рубка была оформлена как санитарная, хотя древесина наоборот – была высочайшего

качества, так как произрастала в заказнике. Действия лиц были квалифицированы по ч. 3 ст. 260 УК РФ, по некоторым эпизодам – в соучастии (ст.33 УК РФ) [7]. Не удалось выяснить, почему следствие не вменило должностным лицам более тяжкий коррупционный состав (составы) [8].

Так же на данном этапе нередки случаи взяточничества (ст.ст. 290–291.2 УК РФ) за укрывательство различного рода нарушений в части законной заготовки, укрывательство незаконной заготовки древесины предпринимателями и предприятиями.

Присутствуют на этом этапе и сопутствующие коррупционным должностные преступления с коррупционным и некоррупционным мотивами (ст. 201, 285, 286, 292 УК РФ). Очень часто такие преступления совершаются рядовыми лесниками. При этом их не столько реальная, сколько доказанная следствием и судом преступная мотивация – личная заинтересованность может оказаться не только корыстной, но и «иной личной», так как преступления по материалам дел зачастую совершаются по мотиву родственных/дружеских или иных связей, сложившихся в сельской местности. По этим мотивам коррупционеры часто «не замечают» первичных экологических и экономических преступлений на подконтрольной им территории. Совокупности преступлений, групповой их характер выявляется достаточно редко. То есть взятки зачастую бывают мелкими, «символическими», а основной мотив – скорее «дружеские отношения». Так, участковый лесник управления лесничествами Забайкальского края Л. совершил злоупотребление должностными полномочиями за символические 3000 рублей, полученными от ранее хорошо знакомого ему лица, за возможность забрать телегу с незаконно заготовленной древесиной. При этом приговором установлено, что лесник неоднократно бездействовал по фактам выявленных незаконных рубок на своем участке. Мотивировочная часть приговора содержит выводы суда о том, что ущерб, нанесенный бездействием Л. – это 97 сосен общим объемом 77,11 м² на сумму 2 162 628 рублей. Вот почему сумма в 3000 рублей, предложенных леснику за бездействие, названа нами символической [9]. И если бы не серьезный ущерб экологии, иным объектам уголовно-правовой охраны, подобные распространенные деяния можно было признавать малозначительными (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Коррупционные преступления на этапе лесовосстановления. Учитывая специфический целенаправленный характер деятельности, а именно, восстановление лесов, в том числе, за счет бюджетных средств, на данном этапе распространены различные хищения, в том числе, коррупционные (ч.ч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ).

На этом этапе распространены злоупотребления полномочиями и иные должностные преступления с корыстным мотивом и без такового (ст.201, 285, 286, 292 УК РФ). К примеру, в августе 2025 года органы СК РФ возбудили уголовное дело в отношении руководителя Маганского лесничества по подозрению в превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). По версии следствия, в 2024 году лесничество получило более 380 тысяч рублей из краевого бюджета на агротехнический уход за деревьями на 9 участках общей

площадью 71 гектар. Проверяется версия о том, что вместо выполнения работ руководитель лесничества распорядился использовать средства на другие цели. Расследование дела продолжается [10].

Что касается такого специфического состава как «нецелевое расходование бюджетных средств» (ст.285.1 УК РФ), который относится к числу коррупционных при наличии корыстного мотива, то по нашим, возможно неточным данным, соответствующая практика в сфере ЛПК пока еще не сложилась. Бюджетные субвенции на восстановление леса выделяются колоссальные. И это касается не только непосредственно восстановления лесов путем его воспроизводства, но и, например, санитарных мероприятий, направленных на уничтожение насекомых-вредителей. Оздоровление леса таким образом приводит к снижению, в том числе до минимальных показателей, объема сухостойных деревьев. Наличие же сухостоя может привести к пожарам в сухую и жаркую погоду, а пожары в труднодоступных местах тайги приводят к массовой потере древостоя и подроста [11]. Есть отдельные попытки следователей в некоторых регионах установить и доказать нецелевое использование бюджетных средств, но пока они не привели к реальным уголовным делам [12].

Уголовные дела о преступлениях, квалифицируемых по классическим составам коррупционного подкупа – взяточничеству (ст. 290–291.2 УК РФ) на этапе лесовосстановления так же распространены. Взятки передают за бездействие проверяющих лиц – оставление без внимания наличие порубочного остатка на лесных участках, не высадки лесных насаждений или минерализации почвы для естественного восстановления леса и пр. Смеем предположить, что данные преступления, как и многие иные в сфере ЛПК, в массе своей остаются высоко латентными. Это связано, в первую очередь, с нехваткой кадров в лесничествах. Проверяющие просто физически не могут выехать на место для проверки актов лесовосстановления. А в лесничествах прекрасно осведомлены об этой кадровой проблеме.

Коррупционные преступления на этапе транспортировки незаконно полученного леса и лесоматериалов. На данном этапе в большей степени используется автомобильный транспорт, но может использоваться и железнодорожный. И если при транспортировке автотранспортом груз (лес, лесоматериалы) в криминальной практике могут вообще не иметь документов, то при использовании железнодорожного транспорта сопроводительные документы необходимы. В такой криминальной ситуации кроме непосредственно совершения «первичного» преступления в сфере ЛПК (предусмотренного ст. 191.1 УК РФ), совершается сопутствующее преступление – подделка документов (ст.327 УК РФ).

Коррупционные преступления на этапе переработки/перепродажи внутри страны, в том числе проведения торгов (закупок) леса и лесоматериалов, изъятого по уголовным делам о незаконной рубке.

Исходя из реальной следственной (но не всегда реальной криминальной) практики на данном этапе основными, широко распространенными коррупционными преступлениями являются те, что квалифицируются по ст.

204, ст. 204.1 ст. 204.2 УК РФ – составы коммерческого подкупа. Обвиняемые – управленцы и подкуподатели, связанные с реализацией леса и лесоматериалов, изъятых в качестве вещественных доказательств по делам о «первичных» преступлениях в сфере ЛПК (ст. 260, 191.1, 226.1 УК РФ). Занимаются реализацией пиломатериалов территориальные управления «Росимущества». Хранение древесины происходит в том числе в лесничествах [13].

Перепродажа леса и лесоматериалов возможна и от организаций, производящих заготовку древесины. В России нередко это осуществляется учреждениями ФСИН. То есть распространены коррупционные преступления со стороны должностных лиц данных учреждений (ст.290–292.1, а также ст.285, 286, 292 УК РФ). Например, гр–ка С. – начальница отдела сбыта готовой продукции центра трудовой адаптации осужденных одной из колоний Красноярского края, в силу своего должностного положения, в полном объеме контролировала процесс отгрузки и вывоза лесоматериала с территории исправительного учреждения. В разное время С. угрожала созданием препятствий для своевременной отгрузки лесопродукции для нескольких коммерческих организаций. Цель разумеется – получение взяток. В результате получила от предпринимателей взятки в суммах от 70 до 600 тыс.руб. Суд квалифицировал ее многоэпизодные действия по п.п. «б,в» ч. 5 ст. 290, п. «б,в» ч. 5 ст. 290, п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ [14].

Коррупционные преступления на этапе перемещения через таможенную границу. Как и на этапе перевозки леса и лесоматериалов здесь, в этой обстановке экспортируемый лес может быть вырубленным как законно, так и незаконно. Если происхождение леса и лесоматериалов незаконно, то сопутствующим преступлением часто является подделка документов (ст. 327 УК РФ). Однако в следственной практике преобладают уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 290–291.2 УК РФ без вменения сопутствующих преступлений, в т.ч. первичных.

Взятки на этом этапе получают не только таможенники, но и начальники станций, приемосдатчики груза и багажа. Эти должностные лица имеют широкий круг полномочий по принятию решений в интересах грузоотправителя или вопреки им: штрафы за искажение в транспортной накладной наименований грузов, их объема и веса, а также других характеристик.

Безусловно, на данном этапе совершаются и коррупционные преступления, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 226.1 УК РФ – контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов (лесоматериалы) лицом с использованием своего служебного положения. Следственная практика показывает, что контрабанда и иные преступления на данном этапе сферы ЛПК совершаются либо группой по предварительному сговору, либо в составе ОПГ/ОПС. Распространены совокупности с преступлениями, предусмотренными ст.260 и ст. 191.1 УК РФ.

Целью данного исследования было – показать разнообразие коррупционных составов на всей протяженности деятельности различных субъектов в сфере ЛПК.

Список литературы:

1. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершаемых должностными лицами / А.В. Дулов. Минск, 1985. – 170 с.
2. Христинина, Е. В. Особенности расследования получения взятки в системе высшего образования : дис. ... кандидат юридических наук / Е.В. Христинина. – Тюмень, 2016. – 245 с.
3. Гармаев, Ю. П. Понятие и признаки преступлений в сфере лесопромышленного комплекса / Ю. П. Гармаев, О. В. Середа // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9(213). – С. 134–138.
4. Гармаев, Ю. П. Преступления в сфере лесопромышленного комплекса как объект криминалистических исследований / Ю. П. Гармаев, О. В. Середа // Гуманитарные, социально–экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 58–65.
5. Апелляционное определение от 02.06.2022 года Хабаровского краевого суда по делу № 22–1335/2022. – URL: https://kraevoy—hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=35587797&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 14.10.2025).
6. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России N 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». – Доступ из справ.–правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 14.10.2025).
7. Приговор Кировского районного суда г. Иркутска от 18.05.2022 г. по делу № 1–9/2022 (1–17/2021; 1–155/2020;). – URL: https://kirovsky—irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=537902170&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 14.10.2025).
8. Постановление Кировского районного суда г. Иркутска от 04.01.2021 г. по делу № 1–285/2021. – URL: https://kirovsky—irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=496334635&case_uid=a24aa610-5932-41d4-851e-e1fca83e0593&delo_id=1540006 (дата обращения 15.10.2025).
9. Середа, О. В. К вопросу о злоупотреблении должностными полномочиями в сфере лесопромышленного комплекса / О. В. Середа // Научно–практические аспекты развития АПК : Материалы национальной научной конференции, Красноярск, 18 ноября 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 359–360.
10. В Березовке возбуждено уголовное дело против главы лесничества за нецелевое использование бюджетных средств / Новостной портал Сибновости [Электронный ресурс] // URL:<https://sibnovosti.ru/news/445886/>. (дата доступа 20.10.2025).
11. Горбунов, И. В. Лесопатологическая ситуация в лесных насаждениях Забайкальского края / И.В. Горбунов // Вестник КрасГАУ. 2017. №10. С. 130–135.
12. Новости Арбитражного суда Красноярского края. Представление Управления Федерального казначейства по Красноярскому краю оспаривает в суде Министерство лесного хозяйства Красноярского края, которому данное предписание выдано по мотивам нецелевого использования средств субсидии на сумму 124 162 267,16 р. [Электронный ресурс] // URL: <https://krasnoyarsk.arbitr.ru/node/21945>. (дата доступа 11.10.2025).
13. Постановление Правительства РФ от 23.08.2012 № 848 (ред. от 23.04.2024) «О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» (вместе с «Положением о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения»). – Доступ из справ.–правовой системы «Консультант Плюс». (дата доступа 11.10.2025).
14. Уголовное дело № 1–35/2019, Архив Богучанского районного суда Красноярского края, 2019 г.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ АДВОКАТА ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сторожева Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: storanna2021@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье поднимаются актуальные аспекты участия адвоката при защите прав участников уголовного судопроизводства. Автор описывает обязательные условия участия адвоката защитника в уголовном судопроизводстве. Анализируются правовые нормы закрепления участия адвоката –защитника в уголовном судопроизводстве, а также рассматриваются причины возникновения возможных проблем участия и предлагаются способы их устранения.

Ключевые слова: адвокат, защитник, права участников, уголовное судопроизводство, комплексная информационная система адвокатуры России, проблемы участия

Актуальность темы отражена в статье 48 Конституции Российской Федерации, которая занимает центральное место в системе гарантий прав человека в уголовном судопроизводстве. Конституцией гарантировано право каждого на получение квалифицированной юридической помощи [1]. В условиях динамичного развития общества и права эта норма приобретает особую значимость, выступая барьером против произвола и обеспечивая справедливость процесса.

Конституционная гарантия (ч. 1 ст. 48) подчеркивает доступность юридической помощи, включая бесплатную в предусмотренных законом случаях. В уголовном судопроизводстве это право реализуется через участие адвоката–защитника, что необходимо для защиты интересов обвиняемого, особенно уязвимых категорий граждан (например, несовершеннолетние, лица с ограниченными возможностями и др.).

Участники уголовного судопроизводства имеют право на адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48 Конституции)

Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если:

1) подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ;

2) подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним;

3) подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту;

3.1) судебное разбирательство проводится в порядке, предусмотренном статьей 241.1, частью пятой статьи 247 УПК РФ;

4) подозреваемый, обвиняемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

5) лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь;

6) уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей;

7) обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном главой 40 УПК РФ;

8) подозреваемый заявил ходатайство о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме в порядке, установленном главой 32.1 УПК РФ [2].

Адвокат по назначению участвует в деле с момента его назначения до полного исполнения принятых обязательств, если иное не предусмотрено законодательством.

Труд адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, оплачивается за счет средств федерального бюджета. Расходы на эти цели учитываются в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной год в соответствующей целевой статье расходов (ст. 25 Закона об адвокатской деятельности) [3].

Участие адвоката–защитника в уголовном судопроизводстве сопровождается определенными проблемами. В частности, В.И. Иванова, отмечает, что: «одной из главных проблем это отсутствие надлежащего правового регулирования процессуального статуса адвоката, его прав и обязанностей в судебном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» [4]. Такое положение не соответствует не только назначению уголовного судопроизводства, но и закрепленным в общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции РФ, УПК РФ принципам уголовного процесса, правовым позициям Конституционного и Верховного Суда РФ [4].

Например, авторы Т.В. Сысоева, А.В. Сысоев, утверждают, что: «сегодня достаточно актуальной является проблема качества юридической помощи, которую оказывают адвокаты по назначению» [5]. Обозначенная проблема заключается в том, что зачастую на практике назначенные адвокаты участвуют в деле только для того, чтобы получить денежное вознаграждение, а не за тем, чтобы оказать реальную юридическую помощь своему доверителю. Данные авторы называют таких защитников «карманными адвокатами» и под ними понимается защитник, действующий в интересах органов предварительного расследования, а не в интересах своего подзащитного. Деятельность таких адвокатов приводит к нарушению конституционного права гражданина на получение квалифицированной юридической помощи. [5].

Такое положение отражает лишь формальное участие адвоката–защитника в системе уголовного судопроизводства и в таких случаях реальной защиты в полной мере не осуществляется. Подобная проблема решена Советом

Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 15 марта 2019, который утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве [6].

В соответствии с п. 4.1. Порядка в рамках принятия мер по назначению защитника, предусмотренных статьей 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд принимают решение, обеспечивающее реализацию права на защиту подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве и влекущее возникновение расходных обязательств государства по выплате вознаграждения адвокату и возмещению иных процессуальных издержек.

О принятом решении дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле [6]. Он означает централизованное назначение адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве с использованием информационной системы автоматизированного распределения заявок в КИС АР (комплексной информационной системы адвокатуры России).

Следовательно, Федеральная палата адвокатов РФ (далее по тексту ФПА) данным порядком установила принцип равноправия адвокатов, означающий недопустимость установления каких бы то ни было дискриминационных ограничений, в том числе в зависимости от формы адвокатского образования, стажа работы и других факторов [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что многие проблемы участия защитников в уголовном процессе сняла ФПА, а роль адвоката–защитника не только способствует совершенствованию уголовного процесса, но и отвечает вызовам времени, способствуя укреплению демократических институтов и защите фундаментальных прав граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // Консультант Плюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 30.09.2025).

2. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // Консультант Плюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 30.09.2025).

3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63–ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024)// СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // Консультант Плюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс»: –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения 30.09.2025).

4. Иванова, В. И. Участие защитника (адвоката) в уголовном судопроизводстве (процессе) / В. И. Иванова // Молодой ученый. – 2023. – № 24(471). – С. 254–256.

5. Сысоева, Т. В. Проблемы, возникающие в уголовном судопроизводстве при участии адвоката в качестве защитника по назначению правоохранительных органов / Т. В. Сысоева, А. В. Сысоев // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 7–6(63). – С. 149–156.

6. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утв. Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г. Протокол № 4// <https://fparf.ru/documents/fparf/the-documents-of-the-council/the-procedure-for-appointment-of-lawyers-as-defenders-in-criminal-proceedings> (дата обращения 30.09.2025).

**ВОЖДЕНИЕ В НЕТРЕЗВОМ СОСТОЯНИИ СРЕДИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ФАКТОРЫ РИСКА, ДЕТЕРМИНАНТЫ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: pavlushat@mail.ru,

Харламова Сабрина Игоревна, студент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: sabr.r.i@list.ru,

Санников Кирилл Юрьевич, студент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: kirillsannikov04@icloud.com

Аннотация. Управление транспортным средством несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения является одной из наиболее тревожных тенденций в современной преступности. В статье выявлены и проанализированы факторы риска и детерминанты, способствующие совершению общественно опасных деяний, а также уголовно–правовые последствия для несовершеннолетних. Рассмотрены особенности уголовной квалификации данного деяния, а также меры наказаний, применяемых к несовершеннолетним, и вопросы профилактики вождения в нетрезвом виде среди этой категории лиц. Предлагаются рекомендации по совершенствованию безопасности дорожного движения и усилению воспитательной работы с несовершеннолетними в целях снижения уровня преступности на дорогах, связанной с употреблением алкоголя.

Ключевые слова: несовершеннолетние, детерминанты, уголовно–правовые последствия, дорожно–транспортное происшествие, алкогольная зависимость, преступление, опьянение, субъект преступления, профилактика, предупреждение

Алкоголизм – это глубоко укоренившаяся социальная патология, которая является не просто безобидным времяпрепровождением, а опасной зависимостью, характеризующейся неконтролируемым употреблением алкогольных напитков в опасных количествах. Это является следствием не только физической зависимости, в связи с негативным влиянием на здоровье человека, но и оказанием разрушительного воздействия на психику и социальные связи. Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних в эту разрушительную сферу. Их организм и психика особенно уязвимы к воздействию алкоголя, и злоупотребление им в юном возрасте не только наносит непоправимый ущерб здоровью, препятствуя нормальному развитию, но и оказывает крайне негативное влияние на формирование личности, моральных ценностей и социальную адаптацию.

Криминологические исследования показывают прямую связь между употреблением алкоголя несовершеннолетними и совершением ими противоправных деяний. Алкогольное опьянение, снижая критическое мышление и ослабляя силу воли, часто становится катализатором импульсивных,

необдуманных действий, приводящих к преступлениям различной степени тяжести. Злоупотребление алкоголем среди несовершеннолетних – тревожная тенденция, которая распространяется гораздо быстрее, чем среди взрослого населения. Такая ускоренная динамика обусловлена повышенной уязвимостью молодого организма к веществам, вызывающим расслабление и эйфорию. Формирование устойчивой зависимости в юном возрасте значительно усложняет процесс реабилитации в будущем и кажущееся расслабление и эйфория, вызываемые алкоголем, маскируют серьезные риски для здоровья, в том числе повреждение мозга, печени и других органов, которые еще находятся в стадии развития.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) отмечает рост числа случаев алкоголизма среди несовершеннолетних в возрастных группах от 0 до 14 и от 15 до 17 лет. Согласно опубликованным данным Росстата, несмотря на наблюдаемую тенденцию ежегодного снижения общего числа несовершеннолетних, зарегистрированных за употребление алкоголя, абсолютные цифры по-прежнему вызывают серьезную обеспокоенность. В возрастной группе 0–14 лет зарегистрировано 1606 человек (по данным за 2022 год), среди подростков в возрасте 15–17 лет этот показатель значительно выше и составляет 8200 человек (также данные за 2022 год) [1]. Эти цифры подчеркивают серьезность проблемы детского и подросткового алкоголизма в России и актуальность разработки и внедрения эффективных профилактических мер.

Согласно научным исследованиям, распространенность потребления алкоголя среди несовершеннолетних в значительной степени определяется рядом взаимосвязанных факторов. А. М. Смирнов отмечает, что, прежде всего, значительное влияние оказывает пример взрослых, в частности родителей или опекунов, а также других значимых членов семьи, употребляющих алкогольные напитки, этот фактор формирует поведение и восприятие подростками алкоголя как приемлемого и, возможно, желательного атрибута взрослой жизни. Кроме того, если употребление алкоголя является нормой в кругу общения несовершеннолетнего, в значимых для него группах, вероятность его вовлечения значительно возрастает. Еще одним важным фактором являются досуговые занятия, то есть отсутствие интересных и значимых занятий, скука и однообразие могут подтолкнуть подростков к поиску развлечений в употреблении алкоголя. И наконец, агрессивная реклама и продвижение алкогольной продукции в СМИ создают положительный образ потребления алкоголя, что особенно опасно для уязвимой психики подростков.

Эмоциональная и психологическая устойчивость несовершеннолетних к алкогольной зависимости во многом определяется особенностями их семейного воспитания, характер их отношений с родителями, их ценности и установки оказывают непосредственное влияние на формирование личности подростка, его жизненные цели и систему ценностей. Поддержка, понимание и доверительные отношения в семье способствуют формированию здоровой самооценки и сопротивляемости негативным влияниям, в том числе и к алкоголю [2].

Несомненно, детерминантами потребления алкоголя и противоправных действий в состоянии алкогольного опьянения среди несовершеннолетних являются сложный комплекс факторов, тесно переплетенных с особенностями

подросткового возраста. Незрелость, недостаток жизненного опыта и неразвитое критическое мышление делают подростков уязвимыми, желание подражать, особенно авторитетным личностям или сверстникам, употребляющим алкоголь, может стать мощным стимулом к употреблению алкоголя, неблагоприятная семейная обстановка, отсутствие положительных ролевых моделей и легкий доступ к алкоголю могут значительно повысить риск его употребления и совершения правонарушений и преступлений. В таких условиях подростки становятся более восприимчивыми к влиянию антисоциальных взглядов и привычек, перенимая девиантные модели поведения, важно понимать, что употребление алкоголя несовершеннолетними часто является результатом ряда взаимосвязанных факторов, требующих комплексного подхода к профилактике и коррекции.

С января по сентябрь 2025 года на дорогах страны было зарегистрировано 94 868 дорожно-транспортных происшествий, эта неутешительная статистика свидетельствует о серьезных проблемах в обеспечении безопасности дорожного движения: более 10 000 человек погибли и более 117 000 получили травмы различной степени тяжести, и особую обеспокоенность вызывает тот факт, что около 10 000 ДТП были вызваны водителями, находившимися в состоянии алкогольного опьянения [3].

Уголовные последствия управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения несовершеннолетними регулируются статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая является строгой мерой воздействия на лиц, пренебрегающих правилами безопасности дорожного движения и создающих угрозу жизни и здоровью граждан. Часть 1 статьи 264.1 УК РФ применяется к водителям, которые ранее подвергались административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения или отказ от прохождения медицинского освидетельствования. Повторные нарушения влекут за собой более суровые наказания, часть 2 статьи 264.1 УК РФ устанавливает ответственность для лиц, ранее осужденных за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения, повлекшие тяжкий вред здоровью или смерть [4].

Уголовно–правовые методы, используемые для борьбы с повторным вождением в нетрезвом виде, призваны не только наказать совершенные деяния, но и оказать превентивное воздействие на водителей в целом. Однако не каждый водитель, который находится за рулем в нетрезвом состоянии, может быть признан субъектом преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ.

Для привлечения к уголовной ответственности по статье 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации водитель должен быть не моложе 16 лет, вменяем и находиться под воздействием алкоголя, наркотиков или других одурманивающих веществ. Важным условием является то, что водитель ранее привлекался к административной или уголовной ответственности. Только при соблюдении всех вышеуказанных условий можно говорить о наличии состава преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ.

Возраст уголовной ответственности, установленный законодателем в 16 лет, является важным критерием при рассмотрении дел о вождении в нетрезвом виде,

поскольку ошибка в определении возраста может привести к уклонению виновного от ответственности. В. Е. Трофимов приводит пример дела в Тамбовской области, где несовершеннолетний Ш., управлявший автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, избежал уголовной ответственности из-за процессуальных нарушений, допущенных сотрудниками милиции при сборе доказательств, в частности, не был приглашен законный представитель. Данное дело демонстрирует не только проблему вождения в нетрезвом состоянии среди несовершеннолетних, но и их правовой нигилизм, проявляющийся в управлении транспортными средствами без соответствующих документов [5].

При анализе личности несовершеннолетнего, совершившего преступление в состоянии алкогольного опьянения, А. И. Добренков считает, что особое внимание следует уделить воспитательному аспекту. Согласно статистическим данным, подавляющее большинство (88%) несовершеннолетних в возрасте 16–17 лет на момент совершения преступления были учащимися общеобразовательных школ, и лишь небольшая часть (12%) обучалась в учреждениях среднего профессионального образования. Примечательно, что значительная часть несовершеннолетних из этой категории получала положительные оценки в своих учебных заведениях, этот факт, наряду с самим фактом их обучения, может свидетельствовать о стремлении этих молодых людей к социализации, интеграции в общество и соблюдению принятых норм [6].

Однако следует отметить, что положительные характеристики и стремление к социализации не являются абсолютной гарантией законопослушного поведения. На совершение преступления могут влиять и другие факторы, такие как неблагоприятная среда, психологические проблемы, отсутствие контроля со стороны родителей или опекунов, а также влияние негативной информации, полученной из СМИ и Интернета. Изучение образовательного аспекта в контексте личности преступника позволяет выявить важные закономерности и лучше понять мотивы совершения преступления, но для формирования полной картины необходимо учитывать и другие факторы, влияющие на поведение несовершеннолетних.

В. Е. Трофимов отмечает, что среди несовершеннолетних, совершивших преступления в сфере дорожного движения, только 36 % прошли обучение в автошколе, а значительная часть, около 54 %, приобрела навыки вождения под руководством родителей или родственников [5]. Этот факт подчеркивает влияние семейной среды на процесс обучения вождению, который часто проходит без надлежащего контроля и профессиональной подготовки. Примечательно, что родители, несмотря на осознание рисков, тем не менее разрешали подросткам управлять различными видами транспорта, что может свидетельствовать о непонимании ответственности и возможных последствий таких действий. Дополнительные данные указывают на то, что большинство несовершеннолетних воспитывались в обеспеченных семьях и характеризовались положительными отзывами по месту жительства, и это обстоятельство подчеркивает, что социальное благополучие не является гарантией соблюдения законов и ответственного поведения на дороге.

Таким образом, на национальном уровне стоит острая проблема обеспечения безопасности дорожного движения, в связи с этим необходима

активная интеграция социальных институтов, включая семьи, учебные заведения всех уровней, от школ до университетов, и трудовые коллективы, а также важность привлечения внимания подростков к долгосрочным преимуществам здорового образа жизни.

Приоритетным направлением должна стать работа с несовершеннолетними, склонными к употреблению алкоголя и вождению в нетрезвом состоянии, особую тревогу вызывает рецидивизм, свидетельствующий о недостаточной эффективности профилактических мер и необходимости разработки целевых программ для этой категории лиц. Важно проводить систематическую просветительскую работу о недопустимости вождения в нетрезвом виде, повышать осведомленность подростков об опасности алкоголя и его последствиях в форме различных мероприятий, программ, ориентированных на широкую общественность, и активной социальной рекламы. Также важно развивать систему психологической помощи и реабилитации несовершеннолетних, столкнувшихся с проблемой алкогольной зависимости.

В связи с этим представляется необходимым совершенствовать меры по повышению безопасности дорожного движения, включая более строгий контроль за соблюдением правил дорожного движения, ужесточение наказаний за вождение в нетрезвом виде и профилактические меры, направленные на улучшение культуры вождения, это должно стать приоритетом для соответствующих органов, в частности ГИБДД. Это позволит сократить количество дорожно–транспортных происшествий, уменьшить число погибших и травмированных и сделать дороги страны более безопасными для всех участников дорожного движения.

Список литературы

1. Здравоохранение в России 2023: Статистический сборник / Росстат.3–46. – М., 2023. – 179 с.
2. Смирнов, А. М. Криминологические проблемы пьянства несовершеннолетних / А. М. Смирнов // Гуманитарные, социально–экономические и общественные науки. – 2019. – № 1. – С. 1–3.
3. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения / [Электронный ресурс] // Госавтоинспекция: [сайт]. – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63–ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.10.2025).
5. Трофимов, В. Е. Уголовно–правовые и криминологические характеристики несовершеннолетних, выступающих субъектом преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ / В. Е. Трофимов // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 1. – С. 96–99.
6. Добренков А. И. Предупреждение дорожно–транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно–исполнительное право»: Автореферат на соискание кандидата юридических наук / Добренков А. И. – Москва, 2019. – 30 с.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Фастович Галина Геннадьевна, старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: Fastovich-85@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются лучшие практики ведущих вузов Российской Федерации, способствующих минимизации вовлечения молодежи в противоправную деятельность и формирующие антитеррористическое сознание в студенческой среде. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации выступает базовым документом, в соответствии с которым формируется ряд комплексных мероприятий.

Ключевые слова: молодежь, терроризм, информационные технологии, эффективность, государство, система студенческого самоуправления, мероприятия Комплексного плана противодействия идеологии терроризма, государственная информационная политика

В системе высшего образования Российской Федерации деятельность, направленная на противодействие идеологии терроризма, возложена на структурные подразделения воспитательной направленности, управления по молодежной политике и службы безопасности. Во исполнение Комплексного Плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр–2610 (далее – Комплексный план) [1] и в целях развития у студенческой молодежи, активной гражданской позиции, направленной на неприятие идеологии терроризма, на базе аграрных ВУЗов Российской Федерации по итогам 1 полугодия 2025 года проведено 1 966 мероприятий профилактического, воспитательного, культурно–просветительского характера. Работа проводится на плановой основе, уделяя особое внимание студентам прибывших из стран Центрально–Азиатского региона (п. 2.3 Комплексного Плана), а именно:

– общее количество лиц, прибывших из стран Центрально–Азиатского региона, с которыми проведены мероприятия – 4 109 человека, из них проживают в общежитиях – 3 500 человек;

– общее количество мероприятий, реализованных с лицами, прибывшими из стран Центрально–Азиатского региона – 2 228 мероприятий [2].

Комплексный План предусматривает мероприятия профилактического, воспитательного, культурно–просветительского и спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей [3], представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта.

Красноярский ГАУ, Иркутский ГАУ, Омский ГАУ, Белгородский ГАУ проводит патронирование иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условия для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 1 000 человек.

Арктический ГАТУ проводит «Час Наставника», где студенты старших курсов активно проводят мероприятия со студентами 1 курсов по доведению норм правовой, социальной и культурной жизни студенческого сообщества ВУЗа. Охват мероприятия – 120 человек [4].

В Башкирском ГАУ, Красноярском ГАУ, Казанском ГАУ, Иркутском ГАУ эффективно действует проект «Равный равному». В течение всего периода обучения студентам оказывается юридическая помощь в рамках студенческой правовой клиники, где разъясняются нормы действующего законодательства и меры ответственности, предусмотренные за нарушение норм административного и уголовного законодательства. Вместе с тем реализуется Проект «Дружба», «Матрешка» в рамках которых проводится ряд мероприятий. В образовательных организациях определены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, социальном и языковом поле, подготовлены и реализованы. Программы кураторских часов с участием гостей из правоохранительной сферы.

В вышеуказанных образовательных организациях реализуются принципы корректирующего воздействия «триединства»: обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения студентов. Охват мероприятия составляет более 800 человек.

В Белгородском ГАУ действует объединенный международный центр «Притяжение». Охват мероприятия составляет более 950 человек. В Тверской ГСХА продолжает реализацию проект «Патриотизм, подвиг, героизм», в рамках которого важная роль отводится работе по выявлению «группы риска» (обучающихся с отклонениями в поведении и обучающиеся, находящиеся в социально опасном положении), признаков повышенной агрессии и депрессивного состояния у студентов, анализу причин асоциального поведения. Центральным звеном профилактической работы выступают кураторы, которые способствуют вовлечению такой категории обучающихся в общественно-полезную, спортивную, волонтерскую, духовно-нравственную деятельность. Отдельный раздел в программе посвящён вопросам организации социально-психологического сопровождения и психологической поддержки. Охват мероприятия составляет более 280 человек.

Среди традиционных форм: тематические выставки на темы «Наш мир – без терроризма», «Экстремизму, терроризму скажем – нет!», «Терроризм – это зло», «Терроризм – это не про нас!», беседы и обучающие семинары «Ответственность за участие молодежи в несанкционированных массовых мероприятиях, в том числе радикального характера», «Современная вербовка!», «Экстремизм и терроризм – проблема современности», «Социальные сети в

работе куратора» (Белгородский ГАУ, Кубанский ГАУ), организованы кинолектории «Россия без террора» (Кузбасский ГАУ), интеллектуальные игры «Нет терроризму», «Диктант победы» (Рязанский ГАУ, Смоленская ГСХА), адаптационно-профилактические встречи (Санкт-Петербургский ГУВМ), культурно-просветительские проекты «Урок мужества, посвященный трагической дате – дню памяти жертв теракта в Беслане» (Бурятская ГСХА, Красноярский ГАУ), лекции со студентами первого курса по «Противодействию экстремизма».

Особого внимания заслуживает практика Дагестанского ГАУ, где реализуется проект «Патриотизм. Воспитание. Будущее». Проект направлен на сохранение и укрепление традиционных российских духовно–нравственных ценностей». Охват мероприятия – более 100 человек.

Некоторые вузы имеют отдельные планы работы в рамках адаптации иностранных студентов. Так, например, в Башкирском ГАУ успешно реализуется проект «Открытый диалог» на тему «Антитеррористическая безопасность–наша общая задача», «Равный равному», направленные на доверительные беседы приглашенных спикеров с иностранными студентами по недопущению их вовлечения в незаконные формирования террористического характера. Охват встреч – более 100 человек. Мероприятия спортивного направления с привлечением федеральных и региональных политических деятелей, представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта, охват лиц – 110 020 человек (п. 1.2 Комплексного Плана).

Так, Кубанский ГАУ, Омский ГАУ, Чувашский ГАУ на системной основе проводит патронирование иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условия для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 150 человек.

В каждом ВУЗе определены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, экономическом, социальном, духовном и языковом поле. Реализуются программы/курсы по бесплатному изучению русского языка Алтайский ГАУ, Южно–Уральский ГАУ, Костромская ГСХА). Так по итогам более 600 иностранных студентов прошли подготовку и эффективно освоили/усилили знание русского языка [5]. Большое внимание в воспитательной работе аграрных вузов уделено формированию законопослушного поведения в студенческой среде, развитию активной гражданской позиции и привитию традиционных российских духовно–нравственных ценностей. Среднее количество мероприятий, проводимых ВУЗами варьируется от 38 до 160 за отчетный период. Кубанский ГАУ, Иркутский ГАУ, Белгородский ГАУ, Брянский ГАУ, Омский ГАУ, Красноярский ГАУ, Южно-Уральский ГАУ, Пензенский ГАУ являются лидерами по проведению мероприятий [6].

В целях предотвращения использования религиозного фактора в распространении идеологии терроризма и совершенствования форм и методов профилактической работы [7] среди верующих на системной основе образовательными организациями организованы встречи со священнослужителями, муфтиями и представителями национальных общин (общее количество приглашенных религиозных деятелей – более 15000 человек).

Список литературы:

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр–2610: [сайт]. – URL.: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.03.2025). – Текст: электронный.

2. Храбровская, Ю.Р. Информационно–правовое регулирование деятельности СМИ в России / Ю.Р. Храбровская, Г.Г. Фастович, Н.Б. Бузурная // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 4–3. – С. 206–210.

3. Фастович Г.Г. К вопросу о международном академическом пространстве: проблемы и перспективы / Г.Г. Фастович, Т.В. Шитова // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 9 (177). – С. 71–72.

4. Рябченко О.Н. Интернет и его воздействие на современное общество / О.Н. Рябченко, Г.Г. Фастович // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 3–1. – С. 143–145.

5. Фастович Г.Г. Социальная политика современной России (на примере принципа нуждаемости граждан при предоставлении мер социальной поддержки) / Г.Г. Фастович // Право и практика. – 2020. – № 3. – С. 37–42.

6. Шуточкина, А.С., Влияние психических аномалий на преступное поведение личности / А.С. Шуточкина, Г.Г. Фастович // Инновационные тенденции развития российской науки. Материалы XII Международной научно–практической конференции молодых ученых. – 2019. – С. 130–132.

7. Курбатова С.М. Некоторые аспекты правового регулирования процесса цифровизации сельского хозяйства / С.М. Курбатова, Л.Ю. Айснер // Аграрное и земельное право. 2019. № 9 (177). С. 58–59.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Храпенкова Евгения Юрьевна, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

e-mail: sosna_evgeniya@mail.ru

Научный руководитель: Бертовский Лев Владимирович,

доктор юридических наук, профессор

Московский государственный университет, Москва, Россия

e-mail: gl1980@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные особенности деятельности следователя при обеспечении участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Раскрываются правовые и тактические аспекты признания лица потерпевшим, разъяснения ему прав и обязанностей, участия в следственных действиях, а также вопросы недопущения вторичной виктимизации. Проведён анализ современной статистики МВД России за 2025 год, отражающей тенденции снижения традиционной уличной преступности и роста преступлений с использованием ИКТ.

Ключевые слова: следователь, потерпевший, уголовное судопроизводство, процессуальные гарантии, виктимизация, допрос, предварительное расследование.

Процессуальная деятельность следователя по обеспечению участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный правовой институт, отражающий взаимодействие процессуальных гарантий, следственной тактики и принципа состязательности в российской правовой системе. Потерпевший как процессуальный субъект наделен двойственной природой: с одной стороны, он является объектом государственной защиты и заботы; с другой стороны, он является активным участником процесса, реализующим права, влияющие на установление фактических обстоятельств дела и осуществление правосудия [1]. Эта двойственность возлагает на следователя обязанность создать процессуальные условия, при которых участие потерпевшего будет не только формально признано, но и фактически обеспечено в соответствии с принципами законности, равноправия сторон и защиты прав человека.

Начальная фаза этого процесса начинается с определения процессуального статуса потерпевшего. Решение следователя о признании лица потерпевшим должно основываться на наличии физического, морального или имущественного вреда, причинно связанного с преступным деянием [1]. Этот этап имеет решающее значение, поскольку неверная оценка или процессуальное затягивание могут привести к ограничению конституционных

прав лица на защиту и участие в процессе. Следователь, выступая в качестве процессуального гаранта, обязан установить размер причиненного вреда, зафиксировать его в процессуальных актах и вынести обоснованное решение. Законность этого решения определяет дальнейшую траекторию участия потерпевшего и допустимость процессуальных действий с его участием.

Основой процессуальной деятельности следователя является реализация прав потерпевшего, гарантированных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. К ним относятся право быть уведомленным о процессуальных действиях, давать показания, участвовать в очных ставках, знакомиться с материалами дела, обжаловать процессуальные решения и заявлять ходатайства [5]. Следователь обязан всесторонне и доступно разъяснить эти права, обеспечить их практическую реализацию и избежать формализма, способного исказить смысл правовой защиты. Сам акт выяснения должен быть процессуально зафиксирован, что впоследствии приобретает доказательственное значение при оценке законности расследования.

Обеспечение участия также предполагает надлежащее коммуникативное взаимодействие следователя и потерпевшего. Это взаимодействие регламентируется не только процессуальными нормами, но и этическими нормами профессионального поведения. Общение следователя должно быть лишено психологического давления и предвзятости, поскольку подобные нарушения могут поставить под сомнение достоверность собранных доказательств [2]. Уровень процессуальной культуры действий следователя проявляется в уважении к достоинству потерпевшего и бережном обращении с информацией, содержащей персональные данные или сведения частного характера. Соблюдение конфиденциальности, особенно в делах о несовершеннолетних или преступлениях против личности, является важнейшим элементом законного процессуального поведения.

На этапе сбора доказательств следователь должен соблюсти баланс между эффективностью расследования и защитой интересов потерпевшего. В связи с этим участие потерпевшего в таких следственных действиях, как допрос, опознание и очная ставка, становится ключевым процессуальным механизмом. Каждое из этих действий требует от следователя оценки психологического и эмоционального состояния потерпевшего, чтобы гарантировать, что процедура не приведет к вторичной виктимизации [3]. Следователь должен рассмотреть возможность привлечения психолога или представителя для обеспечения процессуальной справедливости и защиты психического благополучия участника. Несоблюдение этих гарантий может привести к признанию доказательств недопустимыми.

Проблема вторичной виктимизации особенно актуальна в современном уголовном судопроизводстве. Она возникает, когда сами процессуальные действия причиняют потерпевшему дополнительный моральный или психологический вред. Для предотвращения подобных последствий следователь обязан выбирать процессуальные формы и методы, минимизирующие риск повторной травматизации. Например, следователь может использовать видеозапись вместо многократных допросов или

проводить закрытые следственные заседания, если публичное раскрытие информации может нанести ущерб достоинству потерпевшего [4]. Эти процессуальные меры не являются факультативными, а представляют собой правовую обязанность, основанную на международных стандартах гуманного обращения в рамках уголовного судопроизводства.

С точки зрения процессуальной теории, роль следователя в обеспечении участия потерпевшего не ограничивается техническими организационными вопросами. Она также предполагает реализацию принципа равенства сторон, при котором права потерпевшего защищаются наравне с правами обвиняемого. Дискреционные полномочия следователя в определении формы и частоты участия потерпевшего не должны превращаться в произвол. Механизмы процессуального контроля и судебного надзора служат гарантией, обеспечивая сбалансированность и законность на протяжении всего расследования [6]. Заявления и жалобы потерпевшего не являются подчинёнными инструментами, а представляют собой процессуальные инструменты восстановления справедливости и предотвращения злоупотреблений властью.

Другим важным аспектом является обязанность следователя обеспечить осведомлённость потерпевшего о его процессуальном статусе. Правовая грамотность является необходимым условием эффективного участия. На практике следователи часто ограничиваются формальными уведомлениями, не разъясняя реального значения участия. Такой подход противоречит духу статьи 42 Уголовно–процессуального кодекса, которая подчёркивает обязанность следователя содействовать реализации прав потерпевшего, а не просто признавать их [5]. Правильное общение следователя превращает потерпевшего из пассивного наблюдателя в активного участника, способного влиять на процессуальные решения.

Анализ современной судебной практики показывает, что процессуальные ошибки в обеспечении участия потерпевшего зачастую обусловлены недостаточной подготовкой следователя и чрезмерной бюрократической нагрузкой. Эти факторы приводят к поверхностному документированию и процессуальному формализму, когда права потерпевшего формально признаются, но фактически не реализуются [1].

Следователь должен действовать в рамках законности, применяя дискреционные полномочия в выборе процессуальных средств. Закон предоставляет следователю гибкость, однако эта гибкость всегда должна быть ограничена данным законом. Осуществление дискреционных полномочий должно быть обоснованным, соразмерным и документально подтвержденным. Профессиональная честность следователя и соблюдение им процессуальной дисциплины служат основой законного участия потерпевшего в уголовном процессе [3]. Процессуальный акт обеспечения участия, таким образом, является как юридической, так и моральной обязанностью, объединяющей формальную структуру уголовного судопроизводства с этической миссией защиты человеческого достоинства.

Практическая реализация участия потерпевшего на досудебной стадии требует от следователя сочетания организационных и тактических решений,

направленных на предупреждение вторичной виктимизации и формирование полноценно доказуемой позиции обвинения. Ключевыми инструментами выступают: процессуально корректное признание статуса, своевременное разъяснение прав с фиксацией факта разъяснения, индивидуальный выбор формы участия в следственных действиях (личное присутствие, представитель, дистанционные технологии), обеспечение доступа к материалам дела и эффективная обработка ходатайств [5]. Нарушение любой из указанных позиций приводит к риску признания доказательств недопустимыми и к снижению доверия к результатам расследования.

Актуальные статистические тенденции (Таблица 1) указывают на перераспределение криминальной нагрузки, что напрямую влияет на режим взаимодействия следователя с потерпевшими. По данным МВД России, в январе–сентябре 2025 года число преступлений, поставленных на учет органами внутренних дел, снизилось на 2,2% к аналогичному периоду 2024 года; на улицах и в публичных пространствах зарегистрировано на 14,2% преступлений меньше, грабежей – на 31,5%, краж – на 20,7%. В январе–сентябре 2024 года отмечался рост деяний с использованием ИКТ на 15,3% при общем снижении традиционных корыстных преступлений. За 2023 год МВД фиксировало сокращение преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 10,3%, а также снижение преступлений в отношении иностранцев на 12,4%. Совокупно эти сдвиги усиливают значение дистанционных форм участия потерпевших и повышают требования к обеспечению конфиденциальности и информационной безопасности процессуальных действий [7].

Таблица 1 – Ключевые тренды преступности (официальные сводки МВД)

Период	Изменение общего числа преступлений	Уличные преступления	Грабежи	Кражи	ИКТ-преступления
Янв.–сент. 2024 к АППГ	–	–	–20,2%	–16,8%	+15,3%
Янв.–сент. 2025 к янв.–сент. 2024	–2,2%	–14,2%	–24,8%	–20,7%	н/д

Для планирования участия потерпевших значение имеет и нагрузка на суды (Таблица 2), поскольку она определяет сроки рассмотрения жалоб на действия следователя и реализацию прав потерпевшего в конце досудебной стадии. В 2023 году количество уголовных дел с вынесенными приговорами превысило полмиллиона, что описывает высокий базовый поток дел и требует у следователя точного календарного планирования процессуальных уведомлений и передач материалов для ознакомления.

Таблица 2 – Нагрузочные внешние факторы, влияющие на тактику обеспечения участия потерпевшего

Фактор (внешняя статистика)	Процессуальный эффект для следователя	Приоритетные меры обеспечения участия
Рост доли ИКТ–преступлений (2024)	Сложность идентификации вреда и круга потерпевших; дистанционные допросы	Безопасные каналы связи; видеофиксация; защита персональных данных
Снижение уличной и корыстной преступности (2025)	Смещение фокуса на неочевидные составы и длительные экспертизы	Раннее подключение представителя; поэтапный доступ к материалам
Высокий поток дел в судах общей юрисдикции (2023)	Риски задержек при рассмотрении жалоб и ходатайств	Проактивное направление уведомлений и материалов, контроль сроков

С учетом обозначенных трендов тактика следователя в части работы с потерпевшим должна основываться на трех уровнях гарантий. Во-первых, организационный уровень: персонализированные графики участия, использование дистанционных технологий без нарушения тайны следствия, однократность травмирующих действий при максимальной доказательной результативности [7]. Во-вторых, доказательственный уровень: протоколирование разъяснения прав и отказов, фиксация причин неявки, применение видео–аудиозаписи и специальных знаний для объективного подтверждения факта и размера вреда [3]. В-третьих, правозащитный уровень: своевременное рассмотрение ходатайств и жалоб потерпевшего, заблаговременное направление уведомлений о признании, назначении и ходе действий, корректная реализация права на ознакомление с материалами по окончании расследования.

Материально–правовая специфика отдельных категорий дел требует от следователя адаптации форм участия потерпевшего. При преступлениях против личности приоритетом становится профилактика вторичной травматизации через минимизацию повторных допросов и применение щадящих процедур идентификации [4]. При имущественных и ИКТ–составах ключевой задачей выступает фиксация имущественного вреда, правомерное вовлечение представителя и оперативный сбор цифровых следов с сохранением процессуальной чистоты источников.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– Обеспечение участия потерпевшего представляет системную функцию следователя, соединяющую разъяснение прав, индивидуализацию процедур и доказательственную эффективность; процессуальная фиксация каждого шага является условием допустимости доказательств [5].

– Смещение криминогенной структуры в сторону ИКТ–преступности и параллельное снижение уличного насилия требуют устойчивых дистанционных форматов участия потерпевших и усиленных режимов защиты данных; это должно быть заложено в тактические планы следователя уже на этапе возбуждения дела.

– Высокая судебная нагрузка делает критическим своевременное рассмотрение ходатайств и подготовку материалов для реализации прав потерпевшего на завершающих стадиях расследования; промедление приводит к срыву сроков и снижает качество судебного контроля.

– Комплекс указанных мер согласуется с научными позициями о необходимости предотвращения вторичной виктимизации и о приоритете полноты разьяснения прав потерпевшему как условиях законности и устойчивости результатов расследования.

Список литературы:

1. Буфетова М. Ш. Процессуальные особенности получения статуса потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве / М.Ш. Буфетова, Э. Ж. Базаржапова // Сибирские уголовно–процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – С. 45–49.

2. Майорова, Е. А. Особенности участия потерпевшего в судебном разбирательстве по уголовному делу / Е.А. Майорова // Форум молодых учёных. – 2020. – С. 322–327.

3. Крайнова, О. А. Участие потерпевшего в проведении следственных действий при рассмотрении уголовного дела / О.А. Крайнова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – С. 111–116.

4. Дроздовская, Е. С. Особенности участия представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве / Е.С. Дроздовская // Вестник Южно–Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2013. – С. 78–83.

5. Уханова, Н. В. К вопросу о разьяснении следователем некоторых прав потерпевшему от преступления / Н.В. Уханова // Юридическая наука. – 2015. – С. 64–68.

6. Актемирова, Д. К. Право потерпевшего на участие в предварительном расследовании / Д.К. Актемирова // Форум молодых учёных. – 2022. – С. 141–146.

7. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Статистические сведения о состоянии преступности в январе–сентябре 2025 года // Официальный сайт МВД России. – 2025. – Режим доступа: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-sentyabre-2025-goda/> (дата обращения: 29.10.2025).

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭКСПЕРТНАЯ ЗАДАЧА»

Червяков Михаил Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: mc256gt@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть содержание понятия «экспертная задача» и выделить основные элементы ее структуры. Исследование опирается на две методологические предпосылки – неразрывной связи понятия «цель» и «задача», а также рассмотрении обозначаемых ими явлений в качестве элементов более общего процесса – деятельности человека. Если цель – это предвосхищенный в сознании результат деятельности, то задача – субъективно представляемый образ действий, выполнение которых позволит достичь намеченного результата. Судебно–экспертная деятельность (судебная экспертиза) является одним из видов трудовой деятельности человека, поэтому цель и задача как соподчиненные понятия должны относиться к характеристике ее субъективной стороны. На этом основании сделан вывод, что экспертная задача является не столько действиями, которые осуществляет эксперт, сколько профессиональными представлениями эксперта об этих действиях. В содержание понятия «экспертная задача» включаются также представление об объектах экспертного исследования, методах и средствах его осуществления. Взятые во взаимосвязи между собой, эти элементы образуют структуру явления, обозначаемого понятием «экспертная задача».

Ключевые слова: деятельность, цель, задача, судебно–экспертная деятельность, экспертная задача

Понятие «экспертная задача» традиционно относится к числу основных в теории и практике производства судебных экспертиз. Характеристика любого вида судебной экспертизы в качестве обязательного элемента наряду с другими включает в себя предмет, объект и задачу исследования. В этом легко убедиться, открыв сборник типовых методик экспертного исследования, например, сборник находящихся в открытом доступе рекомендаций по производству судебных экспертиз, выполняемых в экспертно–криминалистических подразделениях органов внутренних дел. Описание каждой методики начинается здесь с формулировки экспертной задачи [см.: 1].

Между тем, несмотря на всю значимость понятия «экспертная задача», содержание его по-разному раскрывается в научной литературе. В разных источниках приводятся несколько отличающиеся друг от друга определения, поэтому вопрос о существенных признаках понятия «экспертная задача» на сегодняшний день остается дискуссионным.

В рамках данной статьи мы хотели бы привести некоторые из имеющихся определений, выразить мнение относительно их соответствия сущности

изучаемого явления, и опираясь на мнение авторитетных авторов, раскрыть основные элементы структуры экспертной задачи.

При ответе на поставленный вопрос мы будем исходить из двух методологических предпосылок. Первая – понятие «задача» самым тесным и неразрывным образом связана с понятием «цель». Задача и цель – парные категории, они не существуют друг без друга. Во всяком случае говорить о каких-то задачах имеет смысл постольку, поскольку поставлена цель, при этом цель – более широкое понятие с точки зрения отражения конечного результата осуществляемого процесса; в отличие от нее задача фиксирует в себе некоторый промежуточный этап на пути к достижению цели. Взятая отдельно, «сама по себе» задача является частью или как принято говорить, элементом структурной декомпозиции цели [2].

Вторая методологическая предпосылка предполагает рассмотрение цели и задачи в качестве элементов более широкого явления, называемого деятельностью человека (или, что то же самое, человеческой деятельности). Для краткости будем называть этот процесс словом «деятельность», имея в виду, что главным актором его осуществления является человек. Деятельность может пониматься как основная форма проявления активности людей, или основной способ взаимодействия человека с окружающим миром. Условием осуществления деятельности является знание человеком закономерностей развития той области объективной действительности, на которую он воздействует, используя орудия труда; движущая сила деятельности – необходимость удовлетворения потребностей отдельного взятого индивида, группы людей, всего общества в целом [3, с. 151].

Деятельность по своей структуре представляет собой сложное образование, в котором может быть выделен субъект, объект, предмет, методы и средства деятельности; необходимым также является выделение отдельных трудовых операций – собственно действий, или более точно воздействий на объект через его предметную составляющую.

Действия человека порождает результаты (промежуточные и конечный), которые, на наш взгляд, также следует относить к структурным элементам деятельности. Наконец, в каждой деятельности существуют цель и задача – по крайней мере, в тех видах деятельности, которые человека осуществляет сознательно, а только сознательные действия способны преобразовывать окружающий мир и позволять человеку достигать желаемых результатов [4].

Анализируя выделенные элементы, следует обратить внимание на одну важную деталь. До некоторой степени условности все элементы деятельности могут быть разделены на две большие группы в зависимости от того, являются ли они элементами окружающего мира или порождаются психическими процессами, происходящими в сознании действующего субъекта. В этой связи объект и предмет деятельности, ее методы средства, а также ее результат могут быть отнесены к объективной стороне деятельности, поскольку они существуют во вне как более или менее независимая от субъекта реальность, с которой ему приходится считаться, принимая решение действовать. К объективной стороне деятельности очевидно относятся также и сами

действия субъекта, активное поведение которого порождает внешнюю сторону деятельности.

В то же время цель и задачи совершенно четко образуют субъективный (внутренний, имплицитный) аспект деятельности человека. Субъективный в том смысле, что его компоненты формируются в процессе внутренней, психической жизни субъекта, его интеллектуальных, волевых и эмоциональных переживаний.

Именно такое понимание структуры деятельности человека является основанием для определения ее цели как «предвосхищенного в сознании результата деятельности» [3, с. 763]. Цель – мысленный образ желаемого изменения состояния объекта, которой стремиться достичь действующий субъект.

Исходя из смысла понятия цели, становится понятной и содержательная природа задачи. Логично рассматривать цель и задачу как явления, однородные друг другу, образно говоря, сделанными из одного и того же «строительного материала». И если наши рассуждения верны, то следующий шаг в движении мысли требует определить задачу не просто как действия, которые необходимо совершить на пути достижения цели, а как представления об этих действиях или «мысленной образ пути» от исходного состояния объекта воздействия к его конечному, планируемому, желательному состоянию. Цель по своей природе субъективна и есть все основания полагать, что и задача тоже относится к этой мысленной и субъективно воспринимаемой категории.

Следует отметить, что деятельность по производству судебных экспертиз является одним из видов общественно-полезной (трудовой) деятельности и в ней могут быть выделены все те элементы, о которых было сказано выше. Поэтому понимание цели и задачи как явлений однородного плана, а также отнесение их к субъективной деятельности в полной мере распространяется и на судебно-экспертную деятельность, включая ее главный, системообразующий элемент – о непосредственное производство судебных экспертиз (именуемую во многих случаях одним словом – «экспертиза»).

Опираясь на эти рассуждения, приведем несколько определений понятия «экспертная задача» и проанализируем их с точки зрения выявленного соотношения понятий цели, задачи и места этих элементов в структуре деятельности.

В работе по теоретическим основам судебной экспертизы знаменитые отечественные криминалисты Зинин Александр Михайлович и Майлис Надежда Павловна приводят следующее определение. Экспертная задача – это «такая экспертная деятельность, которая направлена на преобразование потенциальной доказательственной информации, содержащейся в представленных на экспертизу в качестве исходных данных материалах дела, в актуальную доказательственную информацию, которая может быть использована для правильного решения уголовного или гражданского дела» [5, с. 24].

Авторы отмечают, что экспертная задача имеет информационную природу и процессуальную роль. По их мнению, экспертная задача может быть

интерпретирована также как вопрос, «требующий разрешения на основании специальных познаний эксперта по собранным следователем (судом) данным с соблюдением условий процессуальной деятельности». А.М. Зинин и Н.П. Майлис полагают, что «эти два понятия: задача экспертизы и вопрос, который поставлен на экспертизу, весьма схожи. Первое представляет собой научное определение, которое может быть выражено множеством разнообразных формулировок вопросов... В известном смысле задача есть научно обобщенное объяснение смысла наиболее типичных вопросов» [5, с. 24–25].

Таким образом, в приведенном определении экспертная задача характеризуется как деятельность по исследованию объектов судебной экспертизы. Исследование позволяет осуществить диалектический переход от возможного – получению доказательственной информации носителем, которой выступают исследуемыми объектами – к действительному – фактическому обладанию этой информацией, выраженной в терминах соответствующей отрасли экспертного знания и зафиксированной в заключении эксперта. Очевидно, что указанная деятельность включает в себя систему практических действий. Цель, для достижения которой предпринимаются данные действия, выражена в системе вопросов, выносимых на разрешение экспертизы.

Понимание экспертной задачи как содержания поставленного перед экспертом вопроса приводится в работе еще одного знаменитого российского ученого-криминалиста Татьяны Федоровны Моисеевой. Со ссылкой на «Словарь основных терминов судебной экспертизы» она соотносит экспертную задачу с конечной целью экспертного исследования (искомый факт) и условиями ее достижения, то есть теми данными, с учетом которых эксперт обязан действовать, чтобы ответить на поставленный вопрос [6, с. 32].

По мнению Т.Ф. Моисеевой, экспертная задача может пониматься сразу в нескольких аспектах: как цель исследования, рассматриваемая через призму условий деятельности эксперта; поставленный перед экспертом вопрос; сведения об объекте экспертного исследования – очевидно, сообщаемые сведущему лицу инициатором назначения экспертизы и выявляемые сами экспертом в ходе проведения исследования.

В научной литературе приводятся и другие определения понятия «экспертная задача». На наш взгляд, большинство из них так или иначе может быть сведено к двум основным группам. В одних экспертная задача отождествляется с деятельностью по исследованию объектов судебной экспертизы в других рассматривается как форма существования цели проводимого исследования. Безусловно, каждое из существующих определений выражает ту или иную сторону сущности изучаемого явления, однако на наш взгляд в них может быть внесено определенной уточнение, опирающееся на представление о задаче как субъективной стороне деятельности человека.

Экспертиза является одним из видов профессиональной, трудовой деятельности человека. Как в любом другом виде деятельности, у нее есть цель и задача. По своей природе цель, как и задача (задачи) являются элементами субъективной стороны деятельности поэтому, наверное, было бы не совсем

правильно рассматривать их как саму осуществляемую деятельность. Иной вариант определения приводит к смешению субъективного и объективного, отражения и отображенного. Представляется, что внутренняя, психическая деятельность человека и внешняя форма ее выражения – не одно и то же, поэтому правильно было бы говорить о задаче как о представлении о той системе действий, которая позволит преобразовать информацию, потенциально содержащуюся в объектах экспертного исследования в актуальные, извлеченные и адресованные для «внешних наблюдателей» сведения обстоятельствах юридического дела. Эти сведения излагаются в заключении эксперта в форме, доступной для понимания других участников судопроизводства, а внешняя форма их существования (текст заключения определенного содержания, приложения к нему) становится материализованным результатом деятельности судебного эксперта.

Такое понимание экспертной задачи наиболее полным образом согласуется с общепринятым определением понятия «цель» (существующий в сознании образ результата – итога выполняемой деятельности) и разграничивает внутренний, психический мир деятельностного субъекта с внешним, объективно существующим миром, в котором субъекту приходится решать поставленные задачи.

В заключении попытаемся кратко перечислить структурные элементы экспертной задачи. Полагаем, что к их числу следует отнести три группы представлений – системы образов, существующих в профессиональном сознании судебного эксперта и отражающих реальные закономерности формирования и изучения объектов судебной экспертизы:

– представление об объектах экспертного исследования. К их числу таких объектов и соответственно, представлениям о них относятся: материальные объекты со следами правонарушения; сведения об этих объектах, зафиксированные в материалах дела; предполагаемый участник события (живое лицо, информация о его свойствах и состояниях); другие объекты в соответствии с положениями законодательства о судебной экспертизе;

– представлениях о методах, средствах и алгоритмах достижения цели. Другими словами, представление об экспертной технологии, позволяющей изучить объекты судебной экспертизы. Данная группа элементов субъективной стороны деятельности судебного эксперта позволяет ему ответить на следующие вопросы: Какие средства необходимо использовать для исследования представленных объектов? Какие действия необходимо выполнить, чтобы извлечь информацию из объектов экспертного исследования?

– третья составляющая экспертной задачи – представление о промежуточных результатах действий с объектами судебной экспертизы и условиях, при которых эксперт может полагать, что в ходе исследования и достигнут его итоговый результат

Представление об итоговом результате является целью экспертного исследования и на наш взгляд в содержание самой экспертной задачи, строго говоря не входит. Однако данный элемент является частью более сложного комплекса, который может быть обозначен как «система задачи–цель» или

область целеполагания судебного эксперта. Образуя основу субъективной стороны деятельности судебного эксперта, данная система выступает непосредственным регулятором его поведения, обеспечивая решение поставленных задач и достижение цели экспертного исследования.

Список литературы

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

2. Структурная декомпозиция: как сложные проекты превратить в простые задачи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://noboring-finance.ru/gazeta/strukturnaya-dekompoziciya-kak-slozhnye-proekt-prevratit-prostue-zadachi> (дата обращения: 17.10.2025)

3. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

4. Караваев, Н.Л. Структурная организация деятельности человека / Н.Л. Караваев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnaya-organizatsiya-deyatelnosti-cheloveka/viewer> (дата обращения: 17.11.2025)

5. Зинин, А.М. Судебная экспертиза: Учебник / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. – М.: Право и закон, Юрайт-Издат, 2002. – 320 с.

6. Моисеева, Т. Ф. Основы судебно-экспертной деятельности: Конспект лекций / Т.Ф. Моисеева. – М.: РГУП, 2016. – 191 с.

7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22. 07. 2024). – КонсультантПлюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 17.11.2025)

СУБЪЕКТЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Швороб Валентина Николаевна, соискатель, преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет (Ачинский филиал),
Ачинск, Россия
e-mail: valyanp@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна
доктор юридических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия,
e-mail: ksm-2024@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов реализации права на обжалование решений по уголовному делу, не вступивших в законную силу. Основное внимание сосредоточено на анализе субъектного состава лиц, имеющих право на обжалование апелляционного решения.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, апелляционная жалоба, субъекты апелляционного обжалования, уголовный процесс, уголовное судопроизводство

Право на обжалование не вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного судом первой инстанции по уголовному делу, – является незыблемой основой защиты прав личности, закрепленной как в Конституции Российской Федерации, так и в основополагающих международно-правовых актах, и детально регламентировано Уголовно–процессуальным кодексом РФ (далее – УПК РФ). Закрепление и реальное использование указанного выше права взаимосвязано и взаимообусловлено наличием правового статуса у субъектов, вовлеченных в сферу правового регулирования в суде апелляционной инстанции.

Проблема определения надлежащего субъекта обжалования является ключевой в обеспечении доступности правосудия и реализации права на пересмотр судебных решений. Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает определенный круг лиц, наделенных правом подачи апелляционной жалобы. Особое внимание следует уделить категории иных лиц, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются вынесенным решением. Законодательство не дает исчерпывающего перечня таких лиц, предоставляя возможность суду в каждом конкретном случае оценивать наличие связи между решением и нарушением прав.

В статье 389.1 УПК РФ [1] установлен круг участников уголовного процесса, а также иных лиц, которым предоставлено право обжалования решения суда, не вступившего в законную силу. Формально, их можно разделить на три категории, а именно участники со стороны защиты, со стороны обвинения, и иные лиц, в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Постановления Пленума

Верховного Суда РФ № 26 от 27.11.2012 [2], в том числе № 41 от 19.12.2013 [3] и № 21 от 20.12.2011 [4]; № 1 от 10.02.2009 [5] не просто уточнили, но и значительно расширили круг участников уголовного процесса, наделенных правом апелляционного обжалования.

Рассмотрев более детально вопрос о правовом статусе участников уголовного судопроизводства, позволит установить их круг и присущий им объем прав по обжалованию в апелляционном порядке приговоров и иных судебных решений, вынесенных первой инстанцией.

Согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 26 круг лиц со стороны защиты в первую очередь определен – осужденным, оправданным, а также лицами наравне с указанными выше, имеющими право обжаловать судебные решения в апелляционном порядке, прежде всего согласно УПК РФ также представлен: подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, лицом, уголовное дело в отношении которого прекращено, лицом, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительной меры медицинского характера, лицом, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора, их защитниками, законными представителями. Также к указанным лицам возможно отнести гражданского ответчика, его законного представителя и (или) представителя (в части, касающейся гражданского иска).

В свою очередь круг лиц со стороны обвинения представлен: государственным обвинителем, прокурором и (или) вышестоящим прокурором, частным обвинителем, потерпевшим, их законными представителями и (или) представителями, как и в первом случае в той или иной степени к данной категории возможно отнести гражданского истца, его законного представителя и (или) представителя (в части, касающейся гражданского иска).

При этом, к данной категории лиц со стороны обвинения возможно отнести «иных лиц» указанных в главе 6 УПК РФ: следователя (ст. 38); руководителя следственного органа (ст. 39); начальника подразделения дознания (ст. 40.1); начальник органа дознания (ст. 40.2); дознавателя (ст. 41). Однако, являются ли указанные участники уголовного судопроизводства субъектами обжалования решения суда первой инстанции, не имеется однозначной позиции, в том числе закрепленной на законодательном уровне.

По мнению С. В. Рудаковой, в работах противников отнесения следователя (дознателя) к числу лиц, наделенных правом обжалования судебных решений, утверждается, что ему это право законом не предоставлено [8, 55].

Вместе с тем, автором разделяется противная позиция вышеуказанной, принадлежащая С. В. Рудаковой, которая поддерживает мнение тех ученых, которые обосновывают необходимость наделения следователя правом самостоятельного обжалования судебных решений, полагая, что следует законодательно закрепить такое право для устранения противоречий на практике, приводя в пример апелляционное постановление ВСП Саха (Якутия) от 13.07.2018 по делу № 22К–1174/2018, в том числе исключить из содержания

п. 5 ч. 2 ст. 38 и ч. 4 ст. 221 УПК РФ требования о получении согласия руководителя [8, 56].

Кроме того, правом обжалования наделены иные лица согласно ч. 1 ст. 398.1 УПК РФ в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы и в данном случае, круг лиц обладающих правом обжалования имеет широкий перечень, к которому можно отнести всех участников процесса, так или иначе права и законные интересы, которых могут быть затронуты в процессе разбирательства по уголовному делу.

В соответствии с действующим уголовно–процессуальным законом к «иным лицам» могут быть отнесены иные участники уголовного судопроизводства установленные в главе 8 УПК РФ, которые по мнению автора также наделенным правом на обжалование решения суда: свидетель (ст. 56); лицо, в отношении которого уголовное дело выделено, в связи с заключением досудебного соглашения (ст. 56.1); эксперт (ст. 57); специалист (ст. 58); переводчик (ст. 59); понятой (ст. 60).

Согласно имеющейся судебной практике участники уголовного судопроизводства в статусе свидетеля и представителя (адвоката) свидетеля реализуют свое право на обжалование решений суда по уголовным делам, следует, из апелляционного определения ВС РФ от 07.11.2019 № 16–АПУ19–16 и определения СКУД ВС РФ №20–УД22–6А3 от 16.08.2022.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, нарушения закона, допущенные при производстве предварительного расследования или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, обращая внимание на факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Следовательно, по мнению автора, помимо следователя (дознавателя) субъектом апелляционного обжалования на основании п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 26 и иные участники уголовного судопроизводства, могут обжаловать частные определения или постановления суда первой инстанции, как до вынесения итогового решения по делу (если оно вынесено в ходе судебного разбирательства), так и одновременно с ним, в том числе и указанные выше в статьях 57, 58, 59 УПК РФ.

Кроме того, перечень указанный в главе 8 УПК РФ не может являться полным и исчерпывающим, поскольку к «иным лицам» имеющим право на обжалование следует также отнести: очевидца (ст. 91); заявителя (ст. 141); врача (ст. 178); близкого родственника (родственника) покойного, подлежащего эксгумации, как и администрацию места захоронения (ст. 178); адвоката свидетеля (ст. 56); поручителя (ст. 103); командование воинской части (ст. 104); лицо, которому был отдан под присмотр несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый (ст. 105); залогодателя (ст. 106); законного представителя свидетеля (ст. 191); лицо, предъявляемое для опознания (ст. 193); педагога (ст. 425), психолога (ст. 425), и других среди прочих лиц, осуществляющих хотя бы одно из предоставленных им уголовно–процессуальных прав или исполняющих возложенные на них уголовно–процессуальных обязанностей.

Открытый перечень субъектов, наделенных правом апелляционного обжалования, объясняется тем, что апелляционное производство является не только самостоятельной стадией уголовного процесса, следующей непосредственно за постановлением приговора, но и основным способом проверки любых судебных решений, принятых в том числе и на досудебных стадиях или судебных стадиях до рассмотрения дела по существу и постановления приговора [7].

Таким образом, анализ субъектного состава лиц, имеющих право на обжалование апелляционного решения, является важным этапом в обеспечении эффективной защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Дальнейшее изучение практики применения норм, регулирующих этот вопрос, позволит выработать более четкие критерии определения надлежащего субъекта обжалования и повысить качество рассмотрения уголовных дел в апелляционной инстанции.

Список литературы:

1. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // [сайт] «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 18.10.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 (ред. от 27.06.2023) "О применении норм Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции" // СПС Консультант Плюс. – Текст: электронный // [сайт] «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 18.10.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 27.05.2025) "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // СПС Консультант Плюс. – Текст: электронный // [сайт] «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения 18.10.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 (ред. от 25.06.2024) "О практике применения судами законодательства об исполнении приговора" // СПС Консультант Плюс. – Текст: электронный // [сайт] «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123850/ (дата обращения 18.10.2025).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 28.06.2022) "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС Консультант Плюс. – Текст: электронный // [сайт] «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/ (дата обращения 18.10.2025).

6. Рудакова, С. В. Следователь и его право обжалования / С.В. Рудакова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. №1 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledovatel-i-ego-pravo-obzhalovaniya> (дата обращения: 18.10.2025).

7. Антонов, А. Апелляционный порядок пересмотра судебных решений по уголовным делам / А. Антонов / Адвокатское бюро «Антонов и партнеры» // (сайт) Блог. URL: <https://pravo163.ru/apellyacionnyj-poryadok-peresmotra-sudebnyx-reshenij-po-ugolovnym-delam/>

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМЫМ ФУНКЦИЙ ЗАЩИТЫ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Шефер Вероника Максимовна, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: shaforostova.nika@mail.ru

Курбатова Светлана Михайловна, научный руководитель,
доктор юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются права обвиняемого в качестве участника уголовного процесса, ключевая роль которых заключается в возможности осуществления защитных функций. Эти функции направлены на защиту прав и интересов индивида, втянутого в уголовное преследование. Защитные меры со стороны обвиняемого предназначены для контрбаланса активности обвинения и являются средством противодействия уголовно–процессуальным давлению.

Ключевые слова: обвиняемый, уголовный процесс, участник, права

В условиях развития правовой демократии, когда конституционное признание и гарантии прав и свобод человека становятся обязанностью государственных структур и общественных институтов, защита прав обвиняемого в уголовном процессе приобретает критическую важность. Этот подход способствует равноправию всех участников судебного разбирательства, нейтрализуя тенденцию к перекосам в пользу обвинения, что крайне важно в контексте использования строгих мер государственного принуждения. Такие меры могут наносить серьёзный ущерб правам граждан, отсюда велика роль соблюдения баланса интересов всех сторон процесса.

Тема процессуальных функций остается спорной в рамках уголовного процесса. В дебатах по данному вопросу отсутствует консенсус относительно количества, структуры и содержания уголовно–процессуальных функций.

Слово "функция" происходит от латинского "functio", что означает "исполнение" или "выполнение". Это понятие применяется в разнообразных областях с уникальным значением для каждой. В биологии, например, функция относится к определенной роли или активности, в области управления она представляет целенаправленные операции системы, тогда как в математике функция изображается как зависимость одной переменной от другой.

Исследование положений Уголовно–процессуального кодекса РФ демонстрирует двойственный подход законодателя к определению ролей участников процесса: через определение задач и обязанностей представителей государственной власти, занимающихся расследованием, и через предоставление правовых возможностей другим участникам. В доктрине уголовного процесса традиционно различают три ключевые функции:

обвинительную, защитную и судебную функцию по рассмотрению дела в сущности.

В этом исследовании мы сосредотачиваем внимание на функции защиты, осуществляемой обвиняемым и адвокатом. Эта функция считается одной из ключевых процессуальных функций в системе юстиции, в отличие от других процессуальных функций, таких как обнаружение и расследование преступлений, предъявление и поддержка гражданского иска, а также воспитательная функция, которые являются второстепенными.

По российскому уголовно–процессуальному праву статус обвиняемого присваивается индивидууму после оформления соответствующего постановления о привлечении к уголовной ответственности, обвинительного акта или обвинительного постановления, как указывается в первой части 47 статьи Уголовно–процессуального кодекса РФ.

Обсуждаемым лицом по части 1 статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации могут быть лица как совершеннолетние, так и несовершеннолетние, достигшие возраста, с которого законодательно допускается уголовная ответственность. Это может быть гражданин в любом состоянии здоровья и независимо от занимаемой им должности и прочих социальных характеристик. Согласно части 2 статьи 19 Конституции РФ, государство обеспечивает равенство прав и свобод каждого человека и гражданина, не зависимо от любых личных или социальных факторов, включая пол, расу, национальность, язык, происхождение, имущественное положение, место проживания, вероисповедание, убеждения и принадлежность к общественным группам. Эти принципы равенства полностью применимы к лицам, имеющим статус обвиняемого.

Права обвиняемого предназначены для обеспечения предусмотренного законом права на защиту и принципа состязательности уголовного судопроизводства уже на стадии предварительного расследования, при этом обвиняемому для защиты своих прав и законных интересов должно быть предоставлено достаточное время и возможность для подготовки к защите.

Задача защиты в рамках уголовного процесса, согласно артикулам 45 и 46 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, осуществляется не только самим обвиняемым, но и его законными представителями, адвокатами, а также гражданскими истцами, их представителями. Эта функция проявляется через процессуальные действия, предпринимаемые вышеупомянутыми участниками уголовного процесса. Они направлены на опровержение обвинений и подозрений в адрес фигуранта, обоснование его невиновности, разъяснение обстоятельств, исключающих уголовную ответственность или преступный характер деяния, а также на облегчение или отмену наказания, обеспечение оправдания и прочее.

Для осуществления этой функции обвиняемому предоставлены дополнительные права, не оговоренные в статье 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Так, лицо, заключённое под стражу, имеет право на встречи с защитником, визиты родственников и других лиц, а также на обмен корреспонденцией с ними.

Встречи с защитником для подсудимого не ограничены по времени и количеству. Однако для взаимодействия с родственниками и другими лицами необходимо получить специальное письменное разрешение от ответственного органа или лица, у которого находится дело. Такие свидания разрешены лишь дважды в месяц, и каждая встреча не должна превышать трех часов.

Гарантии непрепятственного общения адвоката с клиентом, находящимся под стражей, предоставляются как обвиняемым, так и подозреваемым. Однако существует отличие: для подозреваемых возможно установление временных рамок на продолжительность встреч, в то время как для обвиняемых подобные временные ограничения отсутствуют.

Обвиняемый, выполняя роль субъекта защиты в процессуальной системе, обладает по ч. 3 ст. 47 УПК РФ законным правом на защиту своих прав и интересов. Для эффективного исполнения таких полномочий ему гарантированы достаточный временной промежуток и необходимые условия для качественной подготовки к процессуальным действиям.

Подозреваемый или обвиняемый активно использует свои неотъемлемые права, установленные законодательством и подкрепленные государственной силой. В число защищаемых прав входят не только нормы, регулирующие уголовный процесс. В частности, конституционные права, прописанные во второй главе Конституции РФ, предоставляют ему широкий спектр защиты его личных и гражданских свобод. Таким образом, обвиняемый имеет полное право на защиту своих законных интересов [1].

Подозреваемый освобожден от необходимости доказательства собственной невиновности или снижения степени обвинения. Кроме того, он имеет законное право воздержаться от любых показаний.

Действующий в Российской Федерации принцип презумпции невиновности утверждается статьёй 14 УПК РФ. Он закрепляет, что статус человека как обвиняемого не приравнивается к его виновности. Вина должна быть доказана в процессуальном порядке, предусмотренном уголовно–процессуальным законодательством, и признана судебным вердиктом, который вступил в законную силу.

Учитывая важность и ответственность привлечения гражданина в качестве обвиняемого по уголовному делу, закон провозглашает, что никто не может быть привлечен в качестве обвиняемого иначе, как на основании и в порядке, установленном законом. То есть, привлечение в качестве обвиняемого должно быть законным и обоснованным.

Существуют определённые характеристики, присущие статусу обвиняемого:

– обвиняемый занимает центральное место в уголовном судопроизводстве, обладая обширными процессуальными полномочиями. Это дает ему возможность отстаивать свои права и оспаривать обвинения в рамках закона, в соответствии со статьёй 47 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, а также используя законные средства защиты.

– лицо, ведущее дознание, должно гарантировать обвиняемому возможность реализации прав, предусмотренных законом (ст. 16 УПК РФ);

– у подозреваемого или обвиняемого существуют определенные процессуальные обязательства, несоблюдение (или угроза несоблюдения) которых может привести к осуществлению в отношении него мер процессуального принуждения.

Права обвиняемого на процессуальное участие, в том числе через защитника или законного представителя, должны обеспечиваться без ограничений.

В соответствии со статьёй 48 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на получение юридической помощи профессионального адвоката сразу после ареста, взятия под стражу или официального предъявления обвинений.

Гарантирование права подозреваемого на оборону включает статью 51 Уголовно–процессуального кодекса РФ, определяющую ситуации, когда участие адвоката обязательно. Согласно этому положению, защитник обязан присутствовать в процессе уголовного разбирательства, если:

– подсудимый не отрекся от услуг адвоката в соответствии с процедурой, определённой статьёй 52 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации.

– подсудимый не достиг совершеннолетия;

– подсудимый из-за физических или психологических ограничений не способен сам защищать свои права;

– Рассмотрение дела осуществляется в соответствии с процедурой, установленной пятой частью статьи 247 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации.

– обвиняемый не владеет языком судопроизводства, что затрудняет его понимание материалов уголовного дела;

– индивидуум импугнируется преступление, предусматривающее возможность приговора к длительному заключению более пятнадцати лет, пожизненной тюремной отсидке или экзекуции.

– рассмотрение уголовного дела должно происходить в судебном заседании с привлечением присяжных.

– обвиняемый просит рассмотреть его дело в соответствии с упрощённой процедурой, предусмотренной главой 40 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации.

– подсудимый выразил намерение заключить соглашение о сотрудничестве с предварительным расследованием по процедуре, предусмотренной главой 40.1 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации.

Если адвокат не вызван самим подсудимым, его законным представителем или иными лицами при его согласии, то органы дознания, следствия или суд обязаны обеспечить присутствие защитника в процессе уголовного судопроизводства, включая предоставление бесплатной юридической помощи в ситуациях, регламентированных Уголовно–процессуальным кодексом РФ.

Согласно статье 48 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется право на юридическую помощь адвоката с момента его задержания, заключения под стражу или в момент, когда ему официально предъявлено обвинение.

Гарантирование права на защиту обвиняемого включает требования статьи 51 Уголовно–процессуального кодекса РФ, которая определяет ситуации, когда участие защитника является обязательным. В соответствии с этой статьёй, защитник необходимо присутствует в процессе рассмотрения уголовных дел, когда:

- подозреваемый не отказывался от услуг адвоката в соответствии с процедурой, предусмотренной статьёй 52 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации;

- обвиняемый является несовершеннолетним;

- подсудимый из-за физиологических или психоэмоциональных ограничений неспособен самостоятельно реализовывать свое право на защиту;

- судебное разбирательство осуществляется в соответствии с процедурой, определенной частью 5 статьи 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

- подсудимый не обладает знаниями языка, используемого в ходе уголовного процесса;

- лицо подозревается в совершении уголовного преступления, наказание за которое предусматривает лишение свободы на срок более пятнадцати лет, пожизненное заключение или применение смертной казни.

- в рамках уголовного процесса дело должно быть представлено в суд с привлечением коллегии присяжных.

- подсудимый подал ходатайство о рассмотрении уголовного процесса в соответствии с нормами, предусмотренными главой 40 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации.

- подсудимый подал петицию о прекращении уголовного преследования путём заключения соглашения о сотрудничестве, согласно процедурам, определённым в статье 40.1 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации.

В случаях, когда защитник не задействован по инициативе подсудимого, его законного представителя или по рекомендации других лиц с санкции обвиняемого, обязанность обеспечить присутствие адвоката в рамках уголовного процесса возлагается на дознавателя, следователя или судью. Это включает предоставление бесплатной юридической помощи в ситуациях, определённых Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Анализ судебной практики убедительно демонстрирует, что из-за формальности и сложности норм уголовно–процессуального законодательства, включая детально регламентированные процедуры судопроизводства, необходимость в услугах компетентного юриста критично важна для всех участников процесса, таких как потерпевшие, свидетели и понятые. В ответ на запросы о правовой помощи, суд, прокурор, следователь или дознаватель могут предоставить поддержку. Однако когда речь идет об обвиняемых, такое

вмешательство воспринимается как попытка нарушить их законные права и интересы из-за особого процедурного статуса этих должностных лиц. В этом контексте защитник, предоставляемый государством, вызывает больше доверия у обвиняемого. Самостоятельно, без юридической подготовки и опыта в правовой сфере, а также из-за ограничений, связанных с процессуальным положением, обвиняемый не способен адекватно защищать свои права и интересы. В свете этих ограничений, право на помощь профессионального адвоката, свободного от вышеупомянутых недочетов, становится для обвиняемого не просто возможностью, а необходимостью.

Обсуждаемые аспекты подчеркивают необходимость модификации Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации для закрепления правила о неотъемлемом присутствии адвоката при рассмотрении всех категорий уголовных процессов в судебной инстанции.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Справочная правовая система Консультант Плюс. – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 15.09.2025).

2. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. №174–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.09.2025).

3. Володина, Л.М. Основы защиты индивидуальных прав в рамках уголовного процесса // Обеспечение защиты прав и интересов участников уголовного процесса как ключевой аспект судебной деятельности: Сборник научных трудов / Л.М. Володина. – Москва – Оренбург, 1999. – С. 24–28.

4. Давыдова, Н.Н. обращает внимание на проблематику обеспечения защиты в рамках уголовного судопроизводства РФ в своей статье / Н.Н. Давыдова // Адвокатская практика. – 2017. – № 5. – 26 с.

5. Орлова, Ю.Р. Анализ права на оборону у подозреваемых и обвиняемых и трудности его применения в условиях современной России / Ю.Р. Орлова // Адвокатская практика. – 2018. – №6. – С. 18–24.

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 211 УК РФ**

Юлдашева Александра Анатольевна, магистрант

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: myasnikova0409@mail.ru

Научный руководитель: Ерахтина Елена Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,
Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
e-mail: kkafedry@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается важность и необходимость правильного определения предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ. Среди ученых нет единого мнения, какие именно воздушные и морские суда, а также железнодорожные подвижные составы относятся к предмету данного преступления. Для определения этого нужно более детально изучить нормативно-правовые акты, судебную практику и проанализировать их.

Ключевые слова: предмет преступления, судно воздушного транспорта, судно водного транспорта, железнодорожный подвижной состав, объект преступления, общественная безопасность, маломерные суда, угон

Статья УК РФ, посвященная угону и захвату воздушных и морских судов, а также железнодорожных подвижных составов, занимает особое место в системе уголовного права, поскольку посягает на важнейшие социальные ценности: жизнь и здоровье людей, общественную безопасность и стабильность функционирования транспорта. Предмет данного преступления выступает ключевым элементом для квалификации деяния и отграничения его от смежных составов.

Как юрист, считаю необходимым детально рассмотреть вопрос об установлении предмета преступления, предусмотренного статьей 211 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно – угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава.

Правильное установление предмета преступления позволяет отграничить угон от смежных составов, таких как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством, кража, разбой, хулиганство и другие. Например, если лицо совершает хищение имущества из вагона поезда, но не предпринимает попыток завладеть поездом как транспортным средством, то его действия следует квалифицировать как кражу.

В юридической доктрине, в частности, по мнению Г. А. Кригера «предметом преступления является то, что подвергается непосредственному воздействию со стороны преступника при посягательстве последнего на определенные общественные отношения». Иными словами, предмет преступления – это часть материального мира, воздействуя на которую виновное лицо осуществляет покушение на объект преступления.

Статья 211 УК РФ в качестве предмета преступления относит судно воздушного транспорта, судно водного транспорта и железнодорожный подвижной состав. Однако законодательное определение данных понятий является недостаточно четким, что порождает коллизии в правоприменительной практике и требует дополнительного толкования.

Согласно статье 32 Воздушного кодекса Российской Федерации, воздушное судно определяется как летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды [1]. Однако, ряд ученых юристов придерживаются более широкого понимания «летательного аппарата», рассматривая его как любое устройство, предназначенное для перемещения в воздушном или космическом пространстве. Такое разночтение требует уточнения, какие именно воздушные суда следует относить к предмету рассматриваемого преступления.

Федеральный закон от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» устанавливает обязательность государственной регистрации для определенных категорий воздушных судов [4]. Логично предположить, что воздушные суда, не подлежащие государственной регистрации, такие как метеорологические шары-пилоты, неуправляемые аэростаты и сверхлегкие воздушные суда с массой конструкции 115 кг и менее, не могут рассматриваться в качестве предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ, поскольку их угон не представляет существенной угрозы общественной безопасности, являющейся непосредственным объектом данного преступления. Данную позицию разделяет, например, Е. А. Князева, подчеркивая, что к предмету анализируемого преступления относятся лишь те воздушные суда, которые подлежат обязательной государственной регистрации [6]. Важно отметить, что незаконченное строительство летательного аппарата не попадает в предмет рассматриваемого преступления, поскольку отсутствует возможность его использования по прямому назначению.

Водный транспорт подразделяется на морской и внутренний водный. Статья 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации определяет водное судно как самоходное или несамоходное плавучее сооружение, предназначенное для использования в целях судоходства, включая суда смешанного (река-море) плавания, паромы, дноуглубительные и дноочистительные снаряды, плавучие краны и иные технические сооружения подобного рода [2].

Судна, списанные и непригодные к эксплуатации, но находящиеся на плаву, также могут рассматриваться как предмет преступления, так как потенциально могут быть использованы для нарушения общественной безопасности. Если воздушное, морское или железнодорожное транспортное средство находится в нерабочем состоянии и не может быть использовано по назначению, представляет ли оно собой предмет данного преступления? В этом случае требуется тщательная оценка фактических обстоятельств дела, чтобы определить, представляло ли транспортное средство реальную угрозу общественной безопасности.

Среди ученых нет единства мнений о том, по какой статье квалифицировать угон маломерных судов: ст. 166 УК РФ или ст. 211. В Кодексе торгового

мореплавания РФ маломерным судном признается судно, длина которого менее 20 метров и общее количество людей до 12 человек.

При решении вопросов квалификации угона моторных лодок, катамаранов, а также байдарок следственная и судебная практика в разных регионах дает различную оценку одним и тем же деяниям, что является существенным пробелом. В одних случаях деяния квалифицируются по ст. 166 Уголовного кодекса Российской Федерации, а в других – по ст. 211 УК РФ. Иногда даже органы предварительного следствия отказывают в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Примером может служить дело в Волжском районном суде Саратовской области, где несовершеннолетний был осужден по ч. 1 ст. 211 УК РФ за угон моторной лодки. З. взял чужую моторную лодку, чтобы доплыть до острова, где расположены туристические базы. Лодка была обнаружена в этот же день, а З. найден спящим на одной из турбаз. Однако, представляется, что такая квалификация не всегда является обоснованной, поскольку угон маломерного судна (катера, моторной лодки, яхты) чаще всего посягает на право собственности, а не на общественную безопасность [6].

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации», железнодорожный подвижной состав включает локомотивы, грузовые и пассажирские вагоны, а также иной железнодорожный подвижной состав, используемый для обеспечения перевозок и функционирования инфраструктуры [5]. ГОСТ Р 55056–2012 конкретизирует, что это рельсовые транспортные средства, предназначенные для грузовых и пассажирских перевозок, а также для функционирования железнодорожной инфраструктуры.

По мнению профессора А.И. Коробеева, к железнодорожному подвижному составу относится любой механический транспорт (кроме трамваев и фуникулеров), независимо от его ведомственной принадлежности. Однако, существует и иная точка зрения, согласно которой шахтные и внутрицеховые транспортные средства (вагонетки, электровозы и т.д.), предназначенные для выполнения производственных функций, а также дрезины, не должны рассматриваться в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, поскольку их угон не представляет угрозы общественной безопасности.

Несанкционированное управление воздушным или морским судном, железнодорожным составом, особенно сопряженное с применением насилия или угрозой его применения, влечет высокую вероятность тяжких последствий, включая человеческие жертвы и значительный материальный ущерб.

В заключение, хотелось бы отметить, что для однозначного толкования и правильной квалификации преступлений, предусмотренных ст. 211 УК РФ, необходимо четкое законодательное определение предмета данного преступления. На основании проведенного анализа, предлагаю следующие выводы.

К предмету преступления, предусмотренного ч.1 ст. 211 УК РФ, относятся только те воздушные суда, которые подлежат обязательной государственной регистрации в соответствии со ст. 33 Воздушного кодекса РФ. Под водным транспортом, как предметом исследуемого преступления, следует понимать самоходное или несамоходное плавучее сооружение, предназначенное для

использования в целях судоходства, в том числе суда смешанного (река–море) плавания, паромы, дноуглубительные и дноочистительные снаряды, плавучие краны и другие технические сооружения подобного рода. Маломерные суда, такие как моторные лодки, мотоботы, катера, яхты с подвесными моторами, целесообразно относить к предмету неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ). Под железнодорожным подвижным составом следует понимать механический транспорт, предназначенный для обеспечения железнодорожных грузовых и пассажирских перевозок и функционирования железнодорожной инфраструктуры [5]. Шахтные и внутрицеховые транспортные средства, используемые для выполнения производственных функций, а также дрезины, не должны рассматриваться в качестве предмета данного преступления.

Правильное установление предмета преступления имеет важное значение для квалификации деяния, определения степени общественной опасности и назначения справедливого наказания. В целях единообразного применения уголовного закона необходимо совершенствовать законодательство и судебную практику в части определения предмета преступления, учитывая современные тенденции развития транспортной отрасли и новые формы транспортной преступности. Признаки, характеризующие предмет посягательства выступают как критерий, позволяющий отграничить рассматриваемый состав от ряда смежных преступлений, ответственность, за которые предусмотрена в УК РФ.

Предложенные уточнения позволят избежать разночтений в правоприменительной практике и обеспечат более эффективную защиту общественной безопасности от преступных посягательств.

Список литературы:

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 г. № 60–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (дата обращения 07.10.2025).
2. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 г. № 24–ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30650/ (дата обращения 06.10.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 09.10.2025).
4. Федеральный закон от 14.03.2009 № 31–ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85731/ (дата обращения 01.10.2025).
5. Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 17–ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс – Текст: электронный // КонсультантПлюс: официальный сайт компании «КонсультантПлюс»: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40443/ (дата обращения 01.10.2025).
6. Князева, Е. А. Угон и захват судна воздушного или водного транспорта: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Князева Екатерина Анатольевна. – Владивосток, 2013. – 215 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева Ю.В. СРОКИ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОБАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА	3
Богданов Э.Н. К ВОПРОСУ О СОБЛЮДЕНИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ	6
Вахтель В.Г. СИНДРОМ ПТСР У ОБВИНЯЕМОГО ИЗ ЧИСЛА УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ	10
Галицкая Е.Е. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ: ИМПЕРАТИВНОЕ ИЛИ ДИСПОЗИТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	13
Гарбуз Г.С. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	17
Дадаян Е.В. К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РАЗУМНОСТИ ДЕЙСТВИЙ АДВОКАТА	21
Ерахтина Е.А. РОЛЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ И ЭКСПЕРТНЫХ МЕТОДОВ В РАСКРЫТИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ	24
Елшина М.В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	29
Зобнина К.С. СТРУКТУРА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА	33
Игнатенко В.А. СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	37
Кондрашин П.В. ПОНЯТИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА СУДОМ	42
Костылев А.А. ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧИ НА НЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ	45
Красильников И.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ (ОТМЫВАНИЕМ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ	50
Кузьмин П.Г. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ	53
Курбатова С.М. НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	56
Лопалева О.Ю. ОТСУТСТВИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ДОЛГА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА ПО ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ЛИСТУ. ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	59
Майко Д.П. АДВОКАТ КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ В КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	63
Миροнова В.А., Ронжина А.Н., Гарбуз Г.С. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	66
Русаков А.Г. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УНИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	70
Рыжкова И.А., Рыжков С.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАЯВИТЕЛЯ И ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	76
Селезнев В.М. ЗНАЧЕНИЕ ВЕРОЯТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	79
Серета О.В. ОБСТАНОВКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	82
Сторожева А.Н. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ АДВОКАТА ПРИ ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	88

Тепляшин П.В., Харламова С.И., Санников К.Ю. ВОЖДЕНИЕ В НЕТРЕЗВОМ СОСТОЯНИИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ФАКТОРЫ РИСКА, ДЕТЕРМИНАНТЫ И УГОЛОВНО–ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	92
Фастович Г.Г. ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	97
Храпенкова Е.Ю. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	101
Червяков М.Э. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭКСПЕРТНАЯ ЗАДАЧА»	107
Швороб В.Н. СУБЪЕКТЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	113
Шефер В.М. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБВИНЯЕМЫМ ФУНКЦИЙ ЗАЩИТЫ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	117
Юлдашева А.А. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 211 УК РФ	123

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Материалы межрегиональной научно-практической конференции
(31 октября 2025 г.)

Редакционная коллегия:

С.М. Курбатова, д-р юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; заместитель директора по научной работе Юридического института
Е.А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы; директор Юридического института
А.Г. Русаков, ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Д.Д. Харебин, ст. преподаватель кафедры судебных экспертиз; ведущий специалист Управления науки и инноваций ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ
В.Г. Вахтель, аспирант

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка и дизайн – Д.Д. Харебин

Подписано в свет 23.01.2026. Регистрационный номер 245
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного
университета 660017, Красноярск, ул. Ленина, 117